

История
Общество
Политика
2018
№1(5)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА**

**№ 1(5)
2018**

БКБ 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2018. №1 (5)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 26.03.2018

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2018
© Коллектив авторов, 2018

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

**N 1 (5)
2018**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2018. №1 (5)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 03/26/2018

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2018

© Authors, 2018

Содержание

70 лет Сёме Фёдоровичу Блуменау	6
<i>Артамошин С.В.</i> Консервативная общность contra национал-социалистическая народная общность: к истории националистических идей в Веймарской республике	7
<i>Блуменау С.Ф.</i> Либералы-реформаторы против радикализации Французской революции: 1791 г.	16
<i>Залепеев В.Н.</i> Некоторые аспекты решения еврейского вопроса нацистской Германией	21
<i>Золотов В.И.</i> Переходное время XV века в истории Англии	28
<i>Куснеж Е. Федушка Я.</i> Ян Батист де Гранвиль Маллетский (1777–1846) – офицер французский, генерал польский и русский, фортификатор Замостья (1830–1850-е гг.)	33
<i>Мошкова (Фомкина) О.А.</i> Рабочая политика правительства либералов в Великобритании в 1906-1908 гг.	45
<i>Прилуцкий В.В.</i> Радикальная и популистская риторика в политических платформах американских вигов и демократов в 1830–1850-е гг.	53
<i>Роленков А.Г.</i> Начало миссии Жозефа Фуше в Лионе: социально-экономический аспект	60
<i>Сагимбаев А.В.</i> Эволюция колониальной стратегии Великобритании в межвоенный период в освещении современной англо-американской историографии	69
<i>Самсаров А.И.</i> Становление революционного правительства во Франции в 1793 г.	76
<i>Стерхов Д.В.</i> От Старой империи к Германскому союзу. Метаморфозы немецкой государственности в наполеоновскую эпоху	87
<i>Устинова Ю.Н.</i> Проблемы парламентаризма в Германской империи: 70-е годы XIX века удьбы христианства в Сирии на разных этапах её истории	98
<i>Федин А.В.</i> Поучительнейшая история о. Николя Аадана, который весьма стремился в миссии Новой Франции, да не пригодился там	106
<i>Чубур А.А.</i> «Теперь в палеолитическом вопросе СССР может соперничать с Францией»: из истории советско-французского археологического сотрудничества в Деснинском регионе	117
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	132

Коллектив факультета истории и международных отношений
Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
сердечно поздравляет

**Блуменау Семю Федоровича
с 70-летием.**

Желаем юбиляру доброго здоровья и свежих сил
для продолжения научной и научно-педагогической деятельности,
исполнения дерзновенных желаний, творческих планов и жизненных проектов!

КОНСЕРВАТИВНАЯ ОБЩНОСТЬ CONTRA НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ ОБЩНОСТЬ: К ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

Аннотация: Данная статья рассматривает проблему выработки национальной модели германского государства в рамках поисков консервативной и националистической альтернативы веймарской демократической системе. Анализируются вариативность государственного проектирования германскими правыми структурных компонентов и политических принципов изменения германского государства. Подчеркивается нюансировка и отличие политических профилей германской националистической модели государственного устройства.

Ключевые слова: германский национализм, консервативная революция, национал-социализм, Веймарская республика

Artamoshin S. V. Conservative community contra national-socialist people's community: to the history of nationalist ideas in the Weimar Republic.

Abstract: This article considers the problem of developing a national model of the German state in the search for a conservative and nationalistic alternative to the Weimar democratic system. The article analyzes the variability of the state design of the German right structural components and political principles of change of the German state. The article emphasizes the nuance and difference between the political profiles of the German nationalist model of government.

Key words: German nationalism, conservative revolution, national socialism, Weimar Republic.

История правых движений в первой половине XX века представляет интерес в качестве критики проекта модерна, его анализа и поиска выхода в виде формирования альтернативного проекта. Время идеологий XX века порождало атмосферу идеологической агрессивности и непримиримости, характерной для всех идеологических конструктов, как правых или левых, так и либеральных, характеризующихся стремлением навязать, сделать тотальной форму политического мировидения для всего человечества. Вырабатываемые политические модели позволяли изменить настоящее с твердой уверенностью в том, что предлагаемый проект будущего сможет улучшить государство и сделать жизнь человека осознанной.

Характерной чертой правых движений в Германии было то, что они впитывали в себя модерн. Традиционное отождествление правых политических сил со стремлением выступать в качестве опоры существующей монархической формы, в первой половине XX века претерпело существенное изменение. Оно было обусловлено тем, что действительная монархия была вынуждена либо превращаться в театральную-декоративную форму власти, находящуюся в прямой зависимости от решения парламентско-партийных сил, либо погибнуть под атакой либеральных сил, склонных к популистским призывам к равенству, но стремящихся за политическими дискуссиями и коллективностью управления скрыть свой страх перед принятием решения. Монархизм скончался достаточно незаметно, когда монарх перестал быть священной, наделенной божественной властью персоной, а превратился в компонент государственного механизма, который, как и любой компонент машины, мог быть заменен или улучшен каким-нибудь новым элементом. Как писал К. Шмитт, “время монархии кончилось, поскольку больше нет королей, и ни у кого не достало бы мужества быть королем иначе, как только по воле народа” [5.С.97]. Связывание монархизма с политическим жонглированием избирательным бюллетенем превратило его в репертуар театра “Глобус”, но не делало силой, способной самостоятельно распоряжаться собой. Поэтому правые движения Германии, ориентированные на политическое будущее не были склонны обращаться к прошлому, жить на-

деждой, что вернется старое доброе время, которое, увы, навсегда ушло. Они были склонны жить настоящим и не опираться на маскарадные костюмы, не обладающие жизнеспособностью. Склонность к реставрации монархизма не являлась их чертой, и стремление превратить знамя монархии в политическое знамя движения, было обречено на провал, что продемонстрировал Капповский путч 1920 г. Будущее развитие требовало новых форм и нового решения. Правые движения Веймарской республики, различные по своему составу и политическим проектам, были едины в антидемократической и антиреспубликанской направленности. Вместо династической монархии они выдвинули мистическую германскую империю, как элемент германского мифа, глубоко укорененного в сознании немцев. Рейх был той политической формой, в которую воплощались консервативные и праворадикальные ожидания веймарского времени.

Идея третьего рейха, который должен прийти на смену кайзеррейха и республики, германскими правыми воспринималась как политическая форма, объединяющая прошлое, настоящее и будущее. Она включала в себя модерн, одновременно являясь критикой модерна. Её реализация предполагало решительное действие, способное свергнуть революционный порядок и заменить его формой национального государства. Это превращало германских правых в революционных деятелей, которые обладают силой на совершение поступка. Их революционность отличалась от революционности либеральных демократов, социал-демократов или коммунистов. Для всех их характерно формирование нового, которое демонстрирует разрыв с прошлым, в то время как консерваторы выступали как “хранители и бунтовщики”, стремящиеся сохранить жизнеспособные элементы прошлого, изменив их, и выступив против утвержденной системы [20.S.155]. В этой революционности консервативные революционеры видели модернистское проявление, когда консервативность и революционность взаимопроникают друг в друга. Оборонительная позиция консерватизма ныне невозможна. Когда победил либерализм возможно только нападение на него, решительное, революционное действие, вследствие которого будет утверждён германский по своей форме и сущности рейх.

Веймарская партийно-политическая система представляет собой союз либерализма и социал-демократизма. Партийная идеология ориентирована на социальные интересы определенных групп и в представлениях немецких консерваторов способствует расколу немецкого народа. Следует отметить, что интеллектуалы консервативной революции были вообще решительно настроены против партийной формы, тем самым противопоставляя себя партийной системе веймарской демократии. У них была иная задача – стать интеллектуальным центром и духовным лидером немецкого национального движения, полем битвы которого будут не кресла рейхстага, а умы и души немцев. Это не исключало того, что немецкие правые формировали крупные политические партии, такую как Немецкую национальную народную партию, или же, имея в названии термин “партия”, старались предстать нечто большим – немецким движением, как Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Одной из центральных задач политической трансформации веймарской системы консерваторы видели в преодолении партийного раскола нации посредством ориентации на народ как консолидирующий элемент государства. Консервативная революция должна стать по ту сторону политических идей, “искалечивших Германию и Европу”. Путем обращения “к человеку в немце и к немцу в человеке” она повернется лицом к нации, соединив консервативное и националистическое начало [20.S.299]. Мёллер ван ден Брук писал, что “для всех народов приходит час, когда они умирают или заканчивают жизнь самоубийством, и вряд ли можно придумать более великолепную кончину для великого народа, чем гибель в ходе мировой войны, когда весь мир должен напрячься, чтобы сокрушить одну единственную стра-

ну” [20.S.301]. Германская революция 1918 г. превратила немецкий народ в “народ без настоящего”, так как увлеченный космополитическими и социальными ценностями, он потерял национальный ориентир. Именно потеря националистического компонента объясняла, с точки зрения Мёллера ван ден Брука, подписание и признание Версальского политического порядка. Борьба против Версальского мира - это не только борьба против “нового мирового порядка”, но и, прежде всего, ценностей либерального общества. Он высказал утверждение взаимосвязи человеческой и государственной судьбы, так как “ни один немец не может жить, если не живет Германия!” Поэтому успешное противостояние возможно только посредством объединения всего народа [20.S.205, 241].

Национальные основы и принципы нового рейха виделись Мёллеру ван ден Бруку в системе прусских ценностей. На разрушение ценностей долга и служения как основы монархизма указывал в середине XIX столетия испанский консерватор Х. Доносо Кортес: “болезнь, которой мы страдаем исключительно нравственная: она в душах; она состоит в том, что мы лишились идеи долга, в том, что мы высвободили низшие инстинкты и низшие страсти” [3.C.551]. В этой связи пруссачество может послужить щитом против либеральных ценностей, так как они, вместе с идеей чести и долга, государственного служения, предполагают и жертвенность немца во имя государства и народа. “Пруссачество – это воля к государству и понимание исторической жизни как политической жизни, в которой мы должны действовать как политические люди” [21.S.69]. Превращение немца в политического человека, в представлении Мёллера ван ден Брука, означало осознание себя как нации, в чувстве национального единения и отходе от ценностей классового общества [20.S.195]. Единство, подчинение одному целому О. Шпенглер называл истинным прусским проявлением. “Прусский элемент как определенная совокупность чувства реальности, дисциплины, корпоративного духа и энергии” [6.C.48-49].

В послевоенной Германии немецкие правые, на фоне политических и экономических конфликтов, возлагали надежду на подъем национального чувства, которое позволит немцам сплотиться и выступить основанием национального подъема. Все зависимости от социальных групп и политических пристрастий, национальные чувства, “проблема национальности могущественна, чтобы от нее можно было отказаться на длительный срок” [20.S.210-211]. Национализм был характерной чертой современности, который громко заявил о себе в годы Великой войны не только возвышенными словами кайзера Вильгельма II о том, что теперь нет католиков и протестантов, социалистов и либералов, а есть только немцы, но и конкретными поступками, когда социалисты уходили добровольцами на фронт, а сыновья лидеров социал-демократов погибали в окопах мировой войны. Эрнст Юнгер писал о том, что национализм противоположен размеренному буржуазному образу жизни. Он стремится к активному изменению мира, он динамичен и решителен. “Национализм <...> в целом является небуржуазным чувством, радикально отличаясь от патриотизма предвоенного времени, он динамичен, вспыльчив и полон витальной энергии наших больших городов, в которых он – и это еще одна типичная черта – переживает бурный рост в отличие от консервативного чувства жизни. В своей основе он не реакционен, а революционен” [15.S.218]. Э. Юнгер писал о национализме как о совокупности нравственных ценностей, которые направлены на создание нового, преодоление буржуазных правил общежития и политических принципов либерализма, нацеленных на вывод немецкого народа “за пределы дискуссии”. Немецкие правые видели в национализме проявление жизни, господство естественности, природных сил, а не созданного разумом жизненно ограниченного мира, обеспечивающего внутреннюю согласованность действий и безопасность. Фридрих Георг Юнгер писал, что “каждый национализм выступает как пьянящая, бурная, кровная гордость, героическое, могущественное ощущение

жизни. Он не владеет критической и аналитической склонностью, ослабляющей жизнь. Он не хочет толерантности, так как жизнь не знает ее. Он фанатичен, так как все кровное фанатично и несправедливо. В нем не лежат научно обоснованные ценности” [17.S.28-29].

Подъем национализма имел для немецких правых различную направленность. Кроме утверждения о том, что он выступает противоположностью веймарской системе и ее ценностям, предполагалось различная направленность его воздействия, нацеленного на различные группы. Мёллер ван ден Брук придавал значение тому влиянию, которое он должен оказать на германский пролетариат с целью его изменения и перенацеливания деятельности рабочего класса на решение национальных, а не классовых задач. Осознание пролетариатом важности национального вопроса позволит консерватизму указать вектор политической деятельности и, объединив усилия, достичь национальных целей германского общества. “Каждая нация имеет свою особую миссию” и любая революция может иметь успех только при условии, что она будет национальной революцией. Националистически мыслящий народ сможет не только обрести свое единство, но и стать хозяином своей судьбы. Национальная воля народа придаст осмысленность действиям. Нация “знает, что она хочет, и делает то, что она должна делать, чтобы стать вновь свободной” [20.S.153]. Мёллер ван ден Брук провозглашал объединение национальной и консервативной идеи, что позволит консервативной революции воспитать нации в осознании национальной миссии, и, возглавив движение, направить его на решительное свержение веймарской политической системы. Нация становится сердцевиной консервативного движения. “Консервативное контрдвижение ищет возмещения, а не восставления. Оно ставит идею нации выше всяких других идей, а также выше монархической” [20.S.227].

С другой стороны, Э. Юнгер указывал на национализм как основу ценностей фронтового поколения, который оттачивает характер, демонстрирует готовность к решительным действиям во имя народа, к выражению героической природы движения фронтовиков. Движение фронтовиков – это движение националистов, которое “отстаивает ценности жизни военными средствами, и которому глубоко наплевать, одобряются эти средства какой-то универсальной моралью или нет, опирается на фронтовиков, настоящих, живых людей, преданных делу с радостью и любовью” [10.S.213]. Э. Юнгер оценивал националистический порыв как проявление современности, черту, характеризующую время. “Новый национализм – это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи” [11.S.285]. Он впитал в себя ценности и военные переживания фронтовиков, их готовность жертвовать собой во имя идеи, так как этой идеей являлась Германия, и нет лучшей смерти, чем смерть за свое Отечество. “Быть националистом на войне означает быть готовым умереть за Германию, сегодня это означает поднять знамя революции за счастливую и великую Германию” [10.S.216].

Национальная революция представлялась немецким консерваторам не импульсивным явлением, направленным на то, чтобы свергнуть, не понимая, что же должно быть изменено и в какой форме. Революция должна быть явлением осознанным, с четким пониманием того, что делается и как это должно быть сделано. Поэтому центральной задачей консервативной революции должно выступить воспитание немецкого народа, его подготовку к политической деятельности. Мёллер ван ден Брук писал, что под “политизацией нации мы понимаем национализацию народа”, которая сделает из народа “одну политическую нацию – жизнь, которая охватывает нас всех, принадлежит нации” [20.S.280,213]. Стремление консервативной революцией рассматривать народ как тотальный объект политизации было направлено и на преодоление сословных рамок, разделяющих нацию. Первичные признаки нации фиксируются в крови и духе народа, вторичные же отражаются в государственной принадлежности и

языке. “Нация – это общность ценностей. Национализм есть осознание ценностей <...> Нация – это народ, который живет осознанием своей национальности. Мы должны уяснить сами для себя, что мы никогда не были такой нацией. Мы жили в осознании нашего государства” [20.S.303,253]. В представлении немецких правых консолидированная нация выступала противоположностью политически расколотой демократической веймарской системе в силу того, что стремилась к разрушению Версальского порядка, который отождествлялся с Веймарской республикой и был для правых единым целым.

Отрицание немецкими правыми Веймарской республики соединяло в себе не только болезненную память поражения в войне, но и отрицание германской революции 1918 г. Оценки республиканской системы и революции в целом были достаточно схожими. О. Шпенглер называл её “революцию глупости”, которую совершил “негодный сброд во главе с отбросами интеллигенции” [6.C.17]. Мёллер ван ден Брук отмечал, что красное знамя революции, поднятое вождями германской социал-демократии, по сути, было белым знаменем поражения на фоне национальных знамен победы [20.S.26]. “Революция была только мятежом. Она была как единственный звук, который в те дни вырывался из глоток демонстрантов, это было: прочь! Они могли выйти на улицы. Они могли срывать флаги. Они могли срывать погоны. Они больше ничего не могли – но этого достаточно, чтобы испортить народ и страну и рейх” [20.S.161]. В его представлении ее совершила партия мелких бюргеров, озадаченная решением внутренних проблем, превратившаяся в “либеральную интермедию”, не удовлетворив, ни ожиданий социал-демократов, ни немецкого народа. Революция оказалась не реализованной, создав буржуазное государство. Вместо того, чтобы стремиться к образованию национального государства. Но такое стремление, в представлении Мёллера ван ден Брука, требовало решительных вождей, которых не доставало революционному движению. Ноябрьские революционеры продемонстрировали “добросовестную посредственность, чистосердечную нерешительность, покорную и прилежную недостаточность. Революция и республика не произвели на свет не гения, а соглашателя” [20.S.17]. Э. Юнгер рассматривал революцию и Веймарскую республику в схожей тональности. Это был мятеж, “бунт на корабле во время сражения”, “пиршество мух над гниющим трупом” [14.S.34], “брюквенную революцию” [16.S.XIII]. Революционные события были неким безумством, охватившим германское общество. Он сравнивает его с корабельной командой, веселящейся в момент бури. “В ноябре 1918 г. мы стали подобны команде корабля, которая при виде надвигающейся катастрофы откупоривает бочки с ромом, что есть, пить и веселиться, забыв о стыде и ответственности” [13.S.59]. Вместе с тем, у Э. Юнгера присутствует позитивная оценка ее как успешной и свершившейся революции, как непреклонного факта, с которым следует считаться. Важнейшее значение ее для консервативного национализма состоит в том, что она, подробно ледоколу, расчистила пространство. “Мы можем спокойно утверждать, что живем в государстве, которым недоволен никто, кроме, пожалуй, горстки людей, нажившихся на революции. Вся ее шаткая конструкция держится исключительно за счет борьбы партий, ни одна из которых не способна положить конец такому положению дел” [11.S.289].

Политическое отрицание Веймарской республики со стороны немецких правых было обусловлено проводимой той политикой, которая выражалась в политике выполнений условий Версальского договора. Следствием этого стал внутривнутриполитический кризис, который вселяет надежду на будущее, так как в германском народе начинает просыпаться имперское чувство, способное послужить основанием будущего германского государства. “Из мусора революции в народе, несмотря на все противоречия, вопреки ландшафтам, племенам и классам проснулась воля к империи, за которую держалась, и будет держаться Германия” [20.S.228-229].

Моделью будущего государственного устройства Германии для всех немецких правых выступал “третий рейх”. Это была “мировоззренческая идея, надвигающаяся сквозь реальность. ... Это старая немецкая мечта, она родилась сразу после гибели нашего первого рейха. Изначально эта мечта слилась с ожиданием его тысячелетнего царства. Политическая идея этого рейха исполнит, наконец, мечты об осуществлении высокого земного предназначения немецкого народа” [20.S.IX]. В отличие от предшествующих рейхов, новое государство будет опираться на национальную основу, и управляться по воле народного вождя. “Нам нужен, прежде всего, народный вождь, принадлежит ли он к демократическому или аристократическому типу, типу Мария или Суллы - это вопрос второстепенный” [20.S.280]. Соединение идеи третьего рейха с ролью народного вождя указывало на то, что священная мечта об образовании германского государства, в котором бы германская идея нашла бы свое воплощение, объединялась с элементом современной политической системы – народным вождем – который бы позиционировал себя врагом парламентско-политической системы, но вместе с тем был бы связан с практикой массового общества. На смену священной власти монарха должна была прийти власть харизматического лидера, способного манипулировать народными массами для достижения политической цели.

Э. Юнгер старался дистанцироваться от мистического восприятия будущего государства и полагал, что оно должно впитать в себя германское прошлое. Историческое наследие, дух народа живет в крови, он передается от человека к человеку. Кровь есть то звено, которое объединяет общество и без которого следует отказаться от каких-либо свершений в будущем. Она определяет метафизическое основание, объединяет нацию. “Народ без кровных уз является простой массой, неспособной подняться над материей и явить силу высшей области жизни” [8.S.193]. Государство будущего должно быть немецким государством, обладающим кровным единством. Э. Юнгер подчеркивал, что “наша общность должна быть общностью крови – таково первое наше требование” [8.S.191]. Это предусматривает народное единение во время трансформации веймарского государства в немецкое национальное государство. Следует сразу указать на то, что было бы глупой ошибкой рассматривать такой подход Э. Юнгера как расистскую интерпретацию [Подробнее, см: 2.C.132-134]. Для немецких правых государство, которое должно прийти на смену веймарской системы должно быть авторитарным государством. “Национализм <...> стремится к созданию национального, социального, вооруженного и авторитарного государства для всех немцев” [12.S.504]. “Основной идеей, которая должна выразиться в строительстве националистического государства, должен быть национализм в чистом виде, социализм, обороноспособность и авторитарная структура” [11.S.287]. Новый германский рейх станет выражением воли фронтовиков, военного поколения Великой войны, которое на полях битвы доказало свою жизнеспособность. Их борьба в войне была борьбой за новый рейх. “Рейх – непреходящая страна, германская идея и германская действительность, и приносимая под его знаменами кровавая жертва является символом его особого места в иерархии ценностей нерушимого мира” [9.S.615]. Таким образом, будущее государство будет централизованным вождистским авторитарным государством, способным осуществить тотальную мобилизацию общества для построения будущего. Будущее государство будет подобно фабрике, где каждый человек, каждый слой имеет свое место и выполняет свою функцию единого организма.

Консервативная концепция рейха оказывала воздействие на консервативные политические элиты и партии Веймарской республики, но была не единственным вариантом образования будущего националистического государства. Национал-социалистический проект будущего государства, который после 1933 г. получил наименование “третьего рейха”, отличался от конструктов консервативной революции. Конечно, нацистский проект был созвучен

отдельным положениям немецких правых в годы Веймарской республики, ведь он представлял единый фронт антивеймарской оппозиции. Однако общие черты оценки Веймарской республики и вождистского государства будущего не исключали особенности мировоззренческого подхода нацистских теоретиков.

Нацистская концепция будущего государства и критика Веймарской республики достаточно разнородна, но ее базовые компоненты сформулированы А. Гитлером и А. Розенбергом. В соответствии с ними, нацистское движение является проявлением естественного процесса развития, связанного с динамикой германского ландшафта, как его апофеоз. Природа и душа соотносятся как мир внешний и внутренний, опирающиеся на расовое основание. А. Розенберг считал, что “душа означает расу, видимую изнутри, и наоборот, раса - это внешняя сторона души. <...> Каждая раса имеет свою душу, каждая душа - свою расу, свою собственную внутреннюю и внешнюю архитектуру, свои характерные формы проявления и стиль жизни, свое собственное соотношение между силами воли и разума, каждая раса в конечном итоге культивирует только один высший идеал” [22.S.2,116]. Особенностью современной эпохи выступает просыпающийся миф крови, который подчиняет собой все человеческое развитие. Он трансформирует устоявшиеся основы европейского общества, выступая как против ее христианского основания, так и противопоставляя себя партийно-политическим принципам, от консервативных до социалистических. Таким образом, биологический расизм превращался в новый конструкт мировоззрения, претендующий на политическую реализацию. “Сегодня просыпается новая вера: миф крови, вера, что вместе с кровью будет защищена вообще божественная сущность людей. Олицетворяющая светлое знание вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие” [22.S.114]. В представлении А. Розенберга это меняет контуры политической деятельности. Существующая в либеральном обществе политическая борьба вокруг социальных интересов определенных групп, совершаемая в рамках парламентской деятельности, теряет свое значение из-за мелочности и узости политического восприятия. Расовый подход объемлет большее. Он позволяет подняться над узкоклассовыми и узкопартийными нишами и взглянуть на глобальное противостояние, которое скрывается за ширмой партийной борьбы. Немецкое государство будущего будет опираться на мировоззренческое противостояние, опирающееся на расовую борьбу, тем самым социал-дарвинистский подход нацизма выделял его из рядов немецких правых как расистское политическое движение. “Кровь, которая умерла, начинает оживать. В её мистическом символе происходит новое построение клеток немецкой народной души. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами и догмами, а означают борьбу между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает борьбу духовной ценности против духовной ценности” [22.S.1-2].

Национал-социализм полагал, что он выступает той политической силой, которая в состоянии преодолеть политическую слабость Веймарской республики. “Германия, - писал А. Гитлер, - катилась в пропасть; удержать ее от окончательного падения в последнюю минуту, было призвано наше движение” [19.S.409]. Политическая характеристика оппонентов опиралась на расовую интерпретацию противостояния арийства и еврейства. Нацистская партия была партией антисемитской, опирающаяся на фелькишескую традицию кайзеровской Германии, усиленную нюансировкой веймарского общества [Подробнее, см.: 7]. Уничтожительные характеристики еврейства трактовали их как “типичных паразитов”, “образом и подобием дьявола”, “расовым туберкулезом народов” [19.S.334; 4. С.23]. Еврейские представители в политических партиях веймарской Германии, особенно значительное представи-

тельство их среди социал-демократов и коммунистов, предоставляли национал-социалистам основание утверждать о стремлении еврейства захватить Германию, как это произошло в России [23.S.48]. Это придавало нацистской деятельности воинственный характер борьбы, превращающийся в мировоззренческую войну.

Веймарская республика воспринималась как результат злонамеренной германской революции 1918 г., в которой еврейство, воспользовавшись слабостью германского народа, захватило власть. А. Гитлер указывал на три разрушительных последствия революции для германского общества: “она интернационализировала немецкое государство, немецкую экономику и немецкий народ. Благодаря этому Германия превратилась в колонию иностранных государств” [18.S.60].

В годы Веймарской республики нацистские теоретики предпочитали акцентировать внимание на актуальных политических аспектах, но не обходили вниманием и проект будущего государства, который, в отличие от консервативного проекта, был идеей немецкой однокровной народной общности [Подробнее см.: 1.C.126-132]. Народная общность представляла собой семью и одновременно, связанным с пространством общностью. Она представляет собой выражение примата народа над государством. Национал-социализм “ставит народ и расу выше любого государства и его форм. Она объявляет защиту народа важнее, чем защиту религиозного вероисповедования, класса, монархии или республики” [22.S.542]. Существенной отличительной чертой нацистского проекта будущего государства было придание ему расистского характера, придающего значение проведению расовой политики как по оздоровлению расы, так и противодействию разрушительным проявлениям, направленным против него. Также как у консерваторов, будущее германское государство будет представлять собой вождистское государство.

Отмечая общность политических позиций между немецкими правыми в годы Веймарской республики, следует указать на то, что их взгляды были направлены на критику и политическую борьбу против существующей веймарской системы, отрицание и неприятия ее существования. Ими вырабатывались проекты будущего государства в виде “третьего рейха”, основанного на авторитарном принципе. Принципиальное отличие, которое разделяло консервативный и национал-социалистический проекты будущего, состояло в расистской модели национал-социализма, предполагающей расовобиологический подход к конструированию германского общества.

Библиографический список.

1. Артамошин С.В. Идеи истоки национал-социализма. – Брянск, 2002.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение консервативной революции в политической жизни Веймарской республики. – Брянск, 2011.
3. Доносо Кортес Х. Письма графу Рацинскому // Доносо Кортес Х. Сочинения./Пер. с исп. – СПб., 2006.
4. Фест Й. Гитлер. Биография. /Пер. с нем. - Пермь, 1993. - Т.2.
5. Шмитт К. Политическая теология Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. /Пер. с нем. – М., 2000.
6. Шпенглер О. Пруссачество и социализм/Пер. с нем. – М., 2002.
7. Breuer St. Die Völkischen in Deutschland.. Kaiserreich und Weimarer Republik. – Darmstadt, 2010.
8. Jünger E. Das Blut // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
9. Jünger E. Das Unzerstörbare // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
10. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.

11. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
12. Jünger E. “Nationalismus” und Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
13. Jünger E. Revolution und Frontsoldatentum // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
14. Jünger E. Revolution und Idee // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
15. Jünger E. Schliesst euch zusammen! // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
16. Jünger E. Vorwort // Jünger F.G. Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v.E Jünger. Berlin, 1926.
17. Jünger F.G. Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v.E Jünger. Berlin, 1926
18. Hitler A. Judenparadies oder deutscher Volksstaat// Adolf Hitlers Reden, hrsg.v.E.Boepple. - München, 1933.
19. Hitler A. Mein Kampf. – München, 1936.
20. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. – 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. – Hamburg; Berlin, 1931.
21. Moeller van den Bruck. Der preußische Stil. Mit einem Vorwort von H. Schwarz. – Breslau, 1931.
22. Rosenberg A. Der Mythos des 20.Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit. - München, 1934.
23. Rosenberg A. Pest in Russland. Der Bolschewismus, seine Haupter, Handlanger und Opfer. - München, 1936.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, artamoshinsv@mail.ru

ЛИБЕРАЛЫ-РЕФОРМАТОРЫ ПРОТИВ РАДИКАЛИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: 1791 Г.

Аннотация. Статья посвящена дебатам в Учредительном собрании Франции в мае 1791г. по поводу избирательного законодательства. В их ходе видный политик той поры, либеральный реформатор А. Дюпор высветил далеко зашедшее размежевание в революционном лагере. Он забил тревогу по поводу дальнейших судеб Французской революции, угроз для страны и общественной свободы. Депутат предположил даже возможный возврат к деспотизму, пусть на иной, чем прежде, основе.

Ключевые слова: Французская революция, Учредительное собрание, депутаты, выборы, либералы, демократы.

S.F. Blumenau. Liberal reformers against radicalizing the French Revolution: 1791

Abstract. The article deals with the debates on the electoral legislation in the National Constituent Assembly in France in May 1791. In the course of the debates the prominent politician and liberal reformer A. Duport turned the spotlight on the deep divisions within the revolutionary camp. He expressed worries about the future of the French Revolution, the treats to the country and to social freedom. The deputy even suggested a possible return to despotism though on a different basis.

Key words: French Revolution, Constituent Assembly, deputies, elections, liberals, democrats.

Обычно раскол французского революционного движения в 1791 г. на либералов и демократов привязывали к бурным событиям 20 июня – 17 июля, вместившим в себя бегство короля в Варенн, обсуждение его дальнейшей судьбы и расстрел на Марсовом поле петиционеров, требовавших отречения монарха. Злосчастная попытка Людовика вызвала к жизни «иконоборческие» выступления: уничтожение бюстов венценосца, вымарывание повсюду слов «король» и производных от него. Слабые до того республиканские настроения получили сильную подпитку. Они явились элементами демократических устремлений, разделяемых все большим числом политических активистов.

Парижские «братские» объединения [12], Кордельеры [14] и даже «Общество друзей конституции», шедшее прежде в фарватере Учредительного собрания, поставили вопрос о низложении Людовика XVI. Но это было не приемлемо для депутатов-либералов. Их главной задачей стало правовое закрепление совокупности масштабных и глубоких преобразований, свершенных в течение двух лет. Конституционно-монархическое устройство государства являлось составной частью Нового порядка, утвержденного законодателями. Отказ от него, с высокой долей вероятности, повлек бы за собой обрушение всей конструкции. Отсюда – шитый белыми нитками тезис «о похищении» короля, объявление его невиновным в государственной измене и восстановление во власти 15 июля 1791 г.

Угрозы, возникшие для либерально-конституционалистского проекта революции, ясно и емко изложил в знаменитой речи в тот же день лидер Якобинского клуба первых лет существования А.Барнав: «Нам причиняют великое зло, увековечивая это революционное движение, которое разрушило все то, что надо было разрушить, и привело нас к этой точке, где нам следует остановиться... еще один шаг по пути свободы означал бы низвержение королевской власти;... еще один шаг по пути равенства означал бы уничтожение собственности» [6, с. 334]. Не умаляя провидческих талантов оратора, приходится, однако, констатировать, что для властвующей элиты время оказалось уже во многом упущенным. На следующий день свершился раскол «Общества друзей конституции» и значительная часть его во главе с тем же Барнавом организовала новый, умеренный Клуб фельянов. А 17 июля кровавое столкновение граждан, недовольных возвращением власти Людовику XVI, с Национальной гвардией, вырыло неопределимый ров между либералами и демократами [1, с.196; 7, с. 192-193; 10, с. 198].

При этом в научной литературе не удостоилась должного внимания речь соратника А. Барнава по «левому триумvirату», куда входил еще и А. Ламет, А. Дюпора от 17 мая. В ней

за два месяца до выступления своего единомышленника он зримо обрисовал те же угрозы для складывавшегося в первый период революции общественно-политического строя.

Этому уже предшествовало размежевание в революционной среде. В Париже, других городах действовали демократические общества, оспаривавшие установившуюся цензовую избирательную систему и разделение граждан на «активных» и «пассивных». Это движение будировалось радикальными журналистами и публицистами – Ж.П. Маратом, Ж.П. Бриссо, супругами Робер, а также М. Робеспьером [4, с.26-28; 7, с. 127-136; 8, с. 106-107]. Даже в, казалось, лояльном «Обществе друзей конституции», парижские якобинцы, опираясь на недовольство аффилированных провинциальных структур, взбунтовались против уже упомянутого триумvirата. Во-первых, они пошли за Робеспьером, а не за Барнавом, согласившись на предоставление цветному населению колоний прав «активных» граждан. Во-вторых, переизбрали комитет по переписке с якобинцами на местах, вопреки увещаниям своего руководства [9, с.21-22]. Но главный удар конституционалистам нанесли в Клубе, когда его члены высказались за запрет для депутатов ассамблеи баллотироваться в следующий парламент, а также занимать в течение четырех лет министерские посты. 16 мая коллективный отказ действующих парламентариев избираться в новый законодательный корпус был проголосован в Учредительном собрании и стал декретом.

Дюпор выступил на следующий день – 17 мая. Новая дискуссия касалась уже не возможности переизбрания для депутатов завершающего свою работу парламента, а о праве будущих членов законодательного органа пройти в следующую ассамблею. В данном вопросе давление «протоестественной» коалиции из «крайне левых», «правых» и неактивных парламентариев [2, с.20] ослабло, поскольку главной цели – недопущения в Законодательное собрание популярных либеральных лидеров уходящей Конституанты – она уже достигла. Под действие же обсуждаемого декрет подпадали выборы, которые должны были состояться не раньше, чем через 2 года, что могло снизить интерес к проблеме. Но умеренное конституционалистское руководство существующей Ассамблеи сплотилось в стремлении взять реванш и в надежде изменить неблагоприятную для себя политическую конъюнктуру.

В этом контексте многогранной и убедительной была речь Дюпора. Она состояла как бы из трех автономных частей. В одной – рассматривались угрозы, возникшие для революции из-за превратного понимания влиятельным течением общественного мнения идей свободы и равенства. В другой – осуждалось стремление сделать революционное состояние Франции постоянным и демонстрировались губительные последствия такого подхода. В третьей – критиковались недавно принятые законы, касавшиеся избирательной системы, и предлагался иной вариант решения проблемы, основанный на неукоснительном соблюдении принципа народного суверенитета.

Дюпора, как и позднее его товарища Барнава, пугали крайние истолкования понятий: свобода и равенство. Оратор сочувствовал видению свободы, которая «является границей прав каждого, границей, установленной справедливостью, выраженной в законе и отстаиваемой общественной силой». Но он отвергал другую интерпретацию свободы, как «выражения личного и абсолютного права, вне всякой связи с нашими соседями и согражданами» [11, с. 150].

Еще болезненней воспринимал выступавший расширительную трактовку идеи равенства. Дюпор называл сторонников равенства состояний и собственности мошенниками и слабыми. Неприятие вызывало у него и предположение о равенстве способностей и талантов.

При этом главная опасность для адекватного понимания и применения на практике революционных идей исходила, по мнению депутата, не от народных выступлений. Последние, конечно, ослабляли уважение к законам, отвлекали администраторов от их проведения в жизнь. Но народное недовольство можно не только предвидеть, но и предупредить.

Более высокий уровень угрозы состоял в превратной интерпретации революционных понятий различными клубами, обществами, журналистами, политиками: «Реальная опасность, Господа, еще прячущаяся под облаком мнения, но уже глубокая и обширная – есть перегиб общественных идей...» [11, р.149]. Дюпор подчеркивал, что крайние версии основных революционных принципов звучали и с парламентской трибуны. Не случайно главную цель своей речи он видел в том, чтобы Францию «защитить от конституционной анархии».

Политик проявил явную прозорливость, отметив изменение расстановки сил в Учредительном собрании в связи с обсуждением в мае 1791 г. конституционного и, прежде всего, избирательного законодательства. «Сторонники вашего дела (либералы-конституционалисты – С.Б.) борются одновременно с нашими извечными врагами («правыми» - С.Б.) и с новыми патриотами («крайне левыми» - С.Б.), сплотившимися, к несчастью, против королевской и других властей...» [11, р.150]. Дюпор, таким образом, подошел к мысли о действии в рамках законодательного корпуса «протиестественной коалиции», стремившейся и, безуспешно, подорвать сложившийся либеральный порядок [2, с.20].

Парламентарий добивался мобилизации своих слушателей в целях отпора радикалам. Он убеждал: идеи последних вовсе не «фантомы», не «химеры», а реальная и близкая во времени опасность. Политик предупреждал от иллюзий, что «Революция сделана». Пока нельзя заключить, что «свобода уже вне опасности». «Люди не хотят подчиняться старым деспотам», но готовы придумать новых, более популярных и опасных. Радикализация революции виделась Дюпору чреватой диктатурой. А разве не это случилось во II г. Республики?

Большие опасения и одновременно претензии оратора к представителям противоположной стороны связаны со стремлением последних увековечить революционное состояние. Особое возмущение вызвали у него разговоры «этой непросвещенной толпы людей, повторяющих»... что «первая легистратура (Законодательное собрание – С.Б.) будет Конституантой и что она» сформулирует «Конституцию, более соответствующую декларации прав». При этом депутат резонно ссылаясь на подвижность и горячий темперамент французов, что уже само по себе подталкивает к переменам. А если к этому добавить курс на частые изменения, то результатом может стать, по словам парламентария, «неумеренное и безграничное развитие революции» [11, р. 149], грозящее стране большими бедами.

Сам Дюпор противопоставил такой перспективе гибкий, диалектический подход. Он подчеркнул необходимость перехода от этапа революционных действий к этапу стабилизации и укрепления достигнутого. Ситуация теперь иная: раньше «надо было ломать», а сейчас «нужно строить» [11, р.150]. Отсюда – ближайшие задачи: завершить Конституцию и установить такой порядок вещей, который нельзя было бы изменить без недвусмысленно выраженного желания нации.

Во второй половине своего выступления Дюпор соединил общие тревожные размышления о будущем революции с конкретной критикой избирательного законодательства последнего времени. Его возмущение вызвали, в частности, закон и избрание депутатов Учредительного собрания в следующую легистратуру и обсуждение запрета выбираться в Ассамблею два раза подряд. Поскольку любой будущий парламент делается полностью обновленным, то не будет никакой преемственности в делах. Хуже того, стремясь к самоутверждению и в погоне за популярностью, как предполагал оратор, он станет принимать все более радикальные законы. В результате – каждые два года (срок работы представительного органа – С.Б.) происходил бы коренной переворот во мнениях, принципах управления, сферах дипломатии и международной торговли [11, р. 151].

Такое развитие событий влекло за собой, прежде всего, слабость законодательного корпуса. Но ведь это уже не периодически собираемые и совещательные генеральные штаты,

а постоянное Национальное собрание, которое должно играть активную роль в управлении страной, решая вопросы налогообложения, финансов, государственного долга. При слабых позициях ассамблеи основные рычаги центральной власти перейдут к исполнительным структурам – подчеркивал выступавший. Министры смогут добиться «давно замышлявшейся системы губительного усиления королевской власти» [11, р. 151]. Здесь Дюпор пугал депутатов, особенно, своих оппонентов призраком «министерского деспотизма». Революционеры по привычке боялись королевских министров, хотя уже в начале революции максимально ограничили их воздействие на дела [3, с. 13-15; 5, с.55-56,58-59].

Дюпор подверг осуждению и другой избирательный закон, который позволял стать депутатом от того или иного департамента только его жителю. Этот закон сужал возможности именно видных либеральных реформаторов, которые известны всей Франции и могли добиться успеха на выборах в разных районах страны, а совсем не обязательно в своем кантоне (избирательном округе – С.Б.). Главным минусом указанного декрета являлось местничество. Дюпор охарактеризовал будущее парламента в свете законотворчества депутатов. Не имея права на переизбрание, то есть своеобразной компенсации в виде доверия населения, парламентарий будет ориентирован на две вещи: критику министров – верный способ достичь популярности и отстаивание локальных нужд с целью обрести в своем департаменте «тепленькое местечко». Но, сосредоточившись на местных вопросах, нельзя набраться знаний и опыта для решения общенациональных проблем. И, чтобы ни говорили, подчеркивал выступавший, участие в дебатах местного значения не выводит на общенациональный уровень. А результаты всего этого могут быть самыми плачевными. Если из-за ошибочной меры «вследствие невежества или коррупции Франция окажется обреченной на гибель, ... то где искать в глубинах департамента мерзкого виновника этой беды, чтобы запечатлеть на его лбу несмываемые черты презрения и общественного проклятья» [11, р. 152].

Обрисовав опасности, проистекавшие от указанного избирательного закона, Дюпор говорил «о ловкой системе некоторых людей, что не взяли на себя никакой личной ответственности», прозрачно намекая также на их склонность к теоретизированию и отсутствие практического подхода. Похоже, что он целил в Робеспьера, который не работал ни в одном из комитетов Учредительного собрания и занимал удобную позицию цензора, критику выступлений политиков за несоответствие их позиции «священным принципам» [13, р.221; 2, С.21]. Интересно, что Робеспьер, в свою очередь, тоже пользовался определением «ловкие», имея в виду оппонентов – либералов-конституционалистов [15, р. 385].

Дюпор постепенно подошел к собственно обсуждавшемуся вопросу об избрании в любой последующий парламент (кроме ближайшего – С.Б.) депутатов предыдущего. Приводя доводы в пользу непопулярного у Учредительного собрания решения, он ссылаясь на такие высокие интеллектуальные, моральные и политические качества его членов, которых не будет у предлагаемых взамен деятелей департаментского уровня. Поэтому нет «более верного способа ослабить... законодательный корпус, чем изгнать из него способности, таланты, общественные добродетели и даже амбиции и любовь к славе» [11, р. 152]. Здесь Дюпор высказался в защиту популярных во Франции политиков-конституционалистов, выдвинувшихся в истекший парламентский период.

При этом отталкивался от безупречного правового подхода. Дюпор потребовал дать полную свободу выбора народу, чтобы тот не только отказывал, но и, наоборот, мог дать новую возможность тем депутатам, о действиях и поведении которых знал не понаслышке и которым сочувствовал [11, р. 152-153]. По сути, речь шла о неукоснительном следовании принципу народного суверенитета, который в ходе дебатов будут отстаивать и другие видные конституционалисты: Туре, Ле Шапелье, Ларошфуко – Лианкур.

Далеко не все приведенные в речи Дюпора аргументы были убедительными. Так, «увлекшись», он утверждал, что полная свобода выбора избирателями своих депутатов приведет к «зажиточности» народа и к «улучшению его судьбы» [11, р. 151].

Столь линейное представление, конечно, не соответствовало действительности. Реальность была куда сложнее и зависела от многих факторов. В целом же, речь произвела сильное впечатление на парламентариев, прерывалась аплодисментами и завершилась овацией. Ассамблея приняла решение ее опубликовать [11, р. 153].

Но канализировать революцию в спокойное русло, чего так хотелось конституционалистам, не удалось. Не помогли указанные речи Дюпора и Барнава. Не достигли цели многочисленные поправки к Конституции, предложенные сплотившимися после Варенна либералами и отчасти занесенные в ее текст. Да и сам основной закон страны оказался недолговечным. Не сработали в исторической перспективе декреты конца сентября 1791 г., нацеленные на сдерживание демократических проявлений.

Причины подобного развития событий многообразны. Изменилась не в пользу власть имущих расстановка общественных сил. Существенно ухудшились экономическая конъюнктура и снабжение населения продовольствием. Международная обстановка также складывалась неблагоприятно. Франция приближалась к войне, что усиливало недоверие не только к «ненадежному» королю, но и к правящим кругам вообще. Сыграл отрицательную роль социально-политический эгоизм либералов. Они не шли навстречу народным низам, их требованиям отменить имущественные цензы. Всё это обостряло протестные настроения и подталкивало к радикализации революции.

Библиографический список

1. Бадентэр Э. и Бадентэр Р. Кондорсе (1743-1794). Ученый в политике. М., 2001.
2. Блуменау С.Ф. Дебаты в Учредительном собрании Франции по проблеме выборов в годы Великой Французской революции//Новая и новейшая история, 2017, №6.
3. Блуменау С.Ф. Отношение общества к королевским министрам накануне и в начале Французской революции XVIII века// Вестник Брянского государственного университета, 2017, №1 (31).
4. Блуменау С.Ф. Учредительное собрание и избирательный ценз// Всеобщая история: современные исследования. Выпуск 14. Брянск, 2005.
5. Блуменау С.Ф. Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть// Вопросы истории, 2017, №4.
6. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга 2. М., 1977.
7. Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. М., 1938.
8. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции. Л., 1989.
9. Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.
10. Черкасов П.П. Лафайет: Политическая биография. М., 1991.
11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787-1799). ТТ.I-XXXIII. P.1862-1888. Т.XXVI.
12. Bourdin J. Les sociétés populaires à Paris pendant la Révolution. – P., 1937.
13. Gueniffey P. Histoire de la Révolution et de l' Empire. P., 2011.
14. Mathiez A. Le club des Cordeliers pendant la crise de la Varenne. P.,1910.
15. Robespierre M. Oeuvres. Т.7. P., 1950.

Сведения об авторе:

Блуменау Семен Федорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: blumenausf@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Аннотация: Данная статья посвящена антисемитской программе Гитлера, которая окончательно сформировалась в 1920-х гг. и последовательно реализовывалась на всем протяжении существования нацистского режима. Ненависть к евреям у нацистов тесно увязывалась с антикоммунизмом. Гитлеровский антисемитизм являлся мощной идеологией, которую разделяли самые различные слои немецкого общества. Он был призван оправдать как завоевания «жизненного пространства» на Востоке, так и установления, в конечном счете, мирового господства Третьим рейхом. В «окончательном» решении еврейского вопроса принимали участия не только специальные подразделения СС, но и солдаты вермахта, которые выполняли преступные приказы своих офицеров.

Ключевые слова: национал-социализм, антисоветизм, жизненное пространство, эйнзацгруппы, вермахт, окончательное решение еврейского вопроса, конференция в Ванзее, идеология, пропаганда, массовое уничтожение.

Zalepeev V. N. Some aspects of solving the Jewish question by Nazi Germany

Abstract: The article discusses the development of trade and economic relations between Germany and the Soviet Union in the Great Depression period and its effect on the trade policy on these countries. Fall in raw material and food prices in the world markets and the export of the Soviet Union's basic goods to Germany and at the same time high tariffs for German manufactured goods, contributed to the growth of trade imbalance between the two countries. A review of fall in German-Soviet goods turnover shows, that they were caused both by economic and political reasons, in particular by the anti-Soviet policy of the Hitler regime. **Keywords:** exports, imports, turnover goods, assortment goods, foreign trade, credit agreement, raw material, food, The Great Depression, trade mission.

Национал-социализм вопреки всей идеологической и псевдосоциалистической фразеологии являлся в основе свободным от обязательной для его общей политики доктрины. Он не располагал ясно очерченной внешне и внутрисполитической концепцией. Но, чтобы придти к власти нацисты были готовы ставить любые цели, или же, если того требовали обстоятельства, отказаться от них. Однако, радикальный антисемитизм был изначально присущ национал - социализму. Если бы не было евреев, говорил Гитлер президенту Данцингского сената Герману Раушнингу, в «таком случае их пришлось бы изобрести. Людям нужен зримый образ врага, а не только воображаемый» [11, с. 120-121].

Антисемитские взгляды Гитлера стали формироваться задолго до его прихода к власти. До конца Первой мировой войны гитлеровский антисемитизм, в соответствии с политической атмосферой предвоенных лет, являлся традиционным. Его основу составляла критика евреев в их антиисторической неподвижности, инертности и национальном обособлении.

В 1920 - х гг. Гитлер взял на вооружение идею об интернациональном еврейском «мировом заговоре». Она получила широкое распространение в Германии благодаря русскими белогвардейским эмигрантами. Сторонники этого экстремального проявления антисемитизма констатировали, что «распад» народов достиг различных стадий во многом благодаря господству евреев в России. Большевизм ассоциировался с абсолютным господством «еврейства», а «демократия» в Западной Европе и Веймарской Республике рассматривалась как предпосылка для большевизма, так как «евреи добились здесь значительного, если только еще не господствующего влияния». «Политическая сила или слабость отдельных держав определяется степенью еврейского влияния» [5, с. 97].

В своей книге «Майн кампф» Гитлер добавил и новации, увязав антисемитские взгляды с идеей завоевания «жизненного пространства» на Востоке. Формируя эту программу, нацистский лидер исходил не только из экономических и стратегических соображений, но и необходимой борьбой против «еврейско-большевистского смертельного врага». Антисемитские идеи, отраженные в «Майн кампф», а так же проводимая в период правления Гитлера

открытая политика против «еврейско-большевистских врагов» свидетельствует, что военный захват СССР и истребление евреев были неразрывно связаны в нацистской программе. По мнению Гитлера, большевики, которые правили Россией, - это евреи [4, с. 562], а значит, они подлежат уничтожению. Испытывая ненависть к евреям, нацистский лидер был уверен, что «борясь за уничтожение еврейства», он боролся «за дело божие» [4, с. 57].

Хотя Гитлер никогда не скрывал своего радикального антисемитизма, после установления нацистской диктатуры, в Германии не началось массовое уничтожение евреев. Лишь после захвата Польши значительно усилилось притеснение еврейского населения - от насильственной депортации до заключения в гетто. Имелись многочисленные случаи и убийства евреев. Однако массовое уничтожение евреев находившихся в Германии и оккупированных её территорий началась после совещания руководителей нацистской Германии в Берлине 20 января 1942 г. Оно проходило на вилле «Марлир» расположенной на берегу озера Ванзе. Именно на Ванзейской конференции было принято решение об «окончательном решении еврейского вопроса», то есть массовом уничтожении евреев [6, с. 806].

По иному сценарию в решении еврейского вопроса пошли нацисты после нападения на Советский Союз 22 июня 1941 г. Они сразу приступили к физическому уничтожению еврейского населения. Эту войну нацисты пытались представить как «крестовый поход» против евреев и сталинского большевизма, варварские эксцессы которых вызывали в 1930-е гг. отвращение во всем мире. Поэтому немецкий народ «призван спасти всю мировую культуру от смертельной угрозы большевизма и освободить путь для истинного социального подъема» [6, с. 806].

Все эти идеологические постулаты использовались в национал-социалистической пропаганде как до, так и после 22 июня 1941 г. Высказывания Гитлера, сделанные им в узком кругу накануне нападения на Советский Союз, доказывают последовательность, с которой он ставил свои цели. В его концепции войны на Востоке переплетаются 4 мотива:

1. Истребление «еврейско-большевистского» руководящего слоя вместе с его, так называемым биологическим корнем, миллионами евреев в Восточной и Центральной Европе;
2. Захват колоний для немецких поселенцев в лучших регионах России, а также в областях, которые Гитлер считал необходимыми по политическим и стратегическим соображениям;
3. Значительное «сокращение» славянских масс и подчинение их немецкому господству в 4-х «государственных образованиях», рейхкомиссариатах Остланд, Украина, Москва и Кавказ, под управлением немецких «вице-королей». Основная задача состояла в том, чтобы вычеркнуть из памяти масс всякое воспоминание о великой российской державе и довести их до состояния слепого повиновения новым «господам» [8, с. 72-96].

Уже 8 июля 1941г., через три недели после начала похода, Гитлер полагал, что практически достиг первой цели на Востоке. В узком кругу верхушки командования (Розенберг, Ламмерс, Кейтель, Геринг, Борман) фюрер коротко сформулировал свою дальнейшую программу: « В принципе, таким образом, речь идет о том, чтобы удобно разрезать на куски этот гигантский пирог, дабы мы, во-первых, могли его покорить, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать» [16, с. 242].

Истинная цель, т.е. окончательная регламентация управления с помощью создания «рейхскомиссариатов», должна тщательно сохраняться в тайне, но «все необходимые меры - расстрелы, выселение и так далее», необходимо использовать. Огромную территорию, а Гитлер рассчитывал в это время на быстрое продвижение за пределы первоначально предусмотренной линии Архангельск – Волга – Астрахань через Урал, что бы у Омска протянуть руку надвигающимся с востока японцам - должна быть завоевана как можно быстрее. Это было, по мнению Гитлера, достигнуто быстрее, если бы больше производилось расстрелов.

Все эти элементы придавали войне на Востоке необычайно жестокий характер. Несомненно, эта была колониальная, захватническая война XX века. Её целью являлось уничтожение Советского государства. Идеологические обоснования, которыми сопровождалась пропагандистская компания, были второстепенными. Формула о «войне Европы против большевизма», которая так широко муссировалась геббельсовским министерством, была обыкновенным пропагандистским трюком, призванная расширить антисоветскую коалицию и создать более прочное идеологическое обоснования для агрессии на Востоке. Главная задача - завоевание «жизненного пространства на Востоке», необходимое, в конечном счете, для установления мирового господства нацистской Германией.

Уверенный в своем триумфе на Востоке, Гитлер уже 14 июля, отдал приказ перевести ввиду готовящейся войны против англосаксонских сил, основное внимание с сухопутных войск на боевую готовность военно-морского флота. Так же разрабатывались планы для подготовки к наступлению через Болгарию – Турцию, через Кавказ на Иран – Ирак и из Ливии – Египта на британские ближневосточные территории с последующим созданием военной базы в Афганистане для угрозы британской Индии. Готовилось также продвижение через Испанию и Гибралтар в севера - западную Африку до Дакара для создания бастиона против Америки. При этом с Азорских островов, которые так же должны были быть захвачены, в конце осени 1941г. стартовали бы бомбардировщики на восточное американское побережье. Предусматривалось, что после завоевания в «блицкриге» европейской России, расширение сферы власти Германии далеко на юга - восток и юга - запад будут сопровождаться истреблением евреев не только на территории Советского Союза, но и на всем завоеванном Германией пространстве. Только когда вся эта огромная территория будет очищена от евреев, согласно национал-социалистической идеологии сможет установиться долгосрочная гарантия устойчивого положения Германии как «мировой державы».

Карательные акции против мирных граждан, включая и еврейское население, первоначально осуществляли созданные на базе СС оперативные силы, так называемые эйнзацгруппы. По мере продвижения германских армий вглубь Советского Союза следом за ними следовали эйнзацгруппы, имевшие приказы уничтожать политкомиссаров, работников наркомата внутренних дел, антифашистки настроенных этнических немцев, партизан и их пособников, евреев, мятежников и прочие «нежелательные элементы». Последняя категория являлась универсальной ловушкой, которая фактически наделяла эйнзацгруппы правом казнить любого. В местностях, захваченных немцами, учреждались сыскная полиция и командная структура ордунгс полиции (полиции порядка), наподобие тех, что уже существовали в Польше.

Глава РСХА, обергруппенфюрер СС Гейдрих отправлял своих подчиненных на Восток со словами: «Функционеры и активисты коммунистической партии, евреи, цыгане, саботажники и шпионы должны рассматриваться как лица; которые самим своим существованием угрожают безопасности войск и таким образом подлежат уничтожению незамедлительно» [9, с.146].

Некоторые из этих эйнзацгрупп находились так близко от воюющих частей, что очень часто входили в захваченные города и села одновременно с немецкими воинскими подразделениями и незамедлительно приступали к своей «зловещей работе». Эйнзацкоманды быстро поставили обман, как и грубую силу, себе на службу в деле решительного уничтожения евреев. Например, эйнзацгруппа «С», войдя в Минск, распространила листовки, обязывавшие еврейскую общину сообщить всем своим членам о переселении на новое место. 30 тысяч ничего не подозревающих мирных граждан откликнулись на этот призыв, были увезены из города и казнены. В первую военную зиму в Советском Союзе эйнзацгруппами было уничтожено около полумиллиона евреев. Одна только эйнзацгруппа «А» умертвила почти четверть миллиона человек, «В» - около 45500 человек, «С» - 95000, «О» - 92000 [12].

До нападения на СССР задачи у Вермахта и СС были разными, и соответственно Вермахт вел военные действия преимущественно против западных держав в соответствии с гаагскими правилами ведения сухопутных войн. Непосредственно перед агрессией против Советского государства Гитлер отменил эти и другие принципы международного права [15, с. 161].

Его стремление устранить разделительную линию между СС и Вермахтом и сделать последнего инструментом своей расово-идеологической войны вытекало из речи, от 30 марта 1941 г., которую он произнес в рейхсканцелярии перед командующими и высшим офицерством: «Наша задача в России должна заключаться в том, чтобы разгромить Красную Армию и ликвидировать государство. Это - борьба двух мировоззрений. Большевизм равнозначен асоциальному преступлению и является чудовищной опасностью для будущего. Мы должны отказаться от понятия солдатского товарищества с ним. Коммунист никогда не может быть нашим боевым товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не отнесемся к этому именно так, то, хотя и разобьем коммунистического врага, через несколько лет снова столкнемся с ним. В борьбе против России речь идет об уничтожении большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Армия должна защищаться теми же средствами, которые применяются для нападения на нее. Комиссары и гепэушники - это преступники, и с ними надо обращаться, как с таковыми. На Востоке любая жестокость – это благо для будущего» [3, с. 330].

В директиве ставки Вермахта от 13 мая 1941 г., куда по указанию Гитлера был введен специальный пункт, выполнение «особых заданий» в тылу армии на занятых территориях возлагалось на рабочие бригады, охранную полицию и СД, состоящих более чем 3000 человек. Охранная полиция и подразделения СД должны были подчиняться армии касательно марша, снабжения и размещения, как это было оговорено в приказе от 28 апреля 1941 г., подписанным генерал-фельдмаршалом фон Браухичем, санкционирующим объединение ставки Вермахта и СС. Но что касалось их заданий, то здесь все делалось «под их собственную ответственность». Приказ к расстрелу всех евреев был отдан устно в мае 1941 г. Гейдрихом всем командирам рабочих бригад и их заместителям. Он включал так же экзекуцию для коммунистических функционеров, азиатских «недолюдей и цыган» [16, с. 241].

В военной области выводы были сделаны из основных выступлений Гитлера 30 марта 1941 г., из его указа от 12 мая 1941 г. о разработке военной юриспруденции в районе действия «Барбаросса», а так же из «директив» для ставки Вермахта «об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 г. (так называемый «комиссарский приказ»). В «указе фюрера» (который позже был немного смягчен так называемым «дисциплинарным указом» верховного главнокомандующего фон Браухича, хотя, по сути, он оправдывал расстрелы комиссаров) оговаривались штрафные санкции солдатам Вермахта против местных жителей: «Действия, применяемые солдатами Германии и других служб против вражеского гражданского населения, не преследуются законом, даже если действие является военным преступлением или проступком. При осуждении наших действий нужно принимать во внимание, что крах в 1918 г., дальнейшие годы страданий немецкого народа и бесчисленные жертвы, были вызваны большевистским влиянием и ни один немец этого не забудет» [5, с. 106]. В «комиссарском приказе» говорилось: «В борьбе с большевизмом не приходится рассчитывать на поведение врага в соответствии с основами человечности и международного права. В особенности от политических комиссаров всех видов как собственно вдохновителей сопротивления нужно ожидать полной ненависти, ужасное и нечеловеческое отношение к нашим пленным. Армия должна сознавать:

1. В этой борьбе жалость и принятие во внимание международного права по отношению к этим элементам – ошибочно. Они – опасность для собственной безопасности и скорейшего успокоения занятых территорий.
2. Зачинщики варварских методов борьбы – политические комиссары. Действовать против них нужно сразу же и с особой жестокостью. Поэтому они, схваченные в бою или в сопротивлении, должны быть уничтожены» [1, с. 123].

Если этот «комиссарский приказ» был отдан в письменном виде только верховным главнокомандующим армий и устно передан командующим и командирам, то «директивы» ставки Вермахта об «отношении к русским войскам» обнародованы сразу же для всех непосредственно перед нападением. Самые важные принципы были: «Большевизм – смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Мы боремся с этим разлагающим мировоззрением и ее носителями. Эта борьба требует энергичной атаки на большевистских подстрекателей, саботажников, евреев и постоянное устрашение всякого активного и пассивного сопротивления» [16, с. 242].

Эти меры дополнялись шумной компанией против «славянских недочеловеков», которая воскрешала картины «монгольского нашествия» и называла большевизм современным выражением вызванного к жизни еще Чингисханом азиатского стремления к разрушению.

Сталинский призыв к партизанской войне против немцев от 3 июля 1941 г. использовался нацистами, чтобы связать уничтожение евреев с борьбой против партизан. На совещании с узким кругом командующих 18 июля Гитлер объяснил: «Это дает нам возможность уничтожить любого, кто враждебен нам. Конечно, огромные области нужно умиротворить настолько возможно быстрее, а лучше это сделать, расстреляв каждого, кто смотрит на нас косо» [2, с. 393].

В основной своей массе высшая группа офицеров во главе с Э. фон Манштейном, не просто положительно восприняла, но и оказывало фактическую поддержку восточной расово-идеологической программы Гитлера [6, с. 450]. Фактов такого сотрудничества достаточно много. Например, на Нюрнбергском процессе командир эйнзатцгруппы «Д» Олендорф заявил, что командование Вермахта самым лояльным образом сотрудничало с ним. На этой почве совместной деятельности у него Олендорфа, сложилась дружба с командующим 11-й армией фельдмаршалом Манштейном. Олендорф сообщил, что по просьбе фельдмаршала он не производил массовые расстрелы ближе чем в двухстах километрах от ставки 11-й армии. Манштейн предоставлял Олендорфу солдат для казней, а тот в свою очередь, преподносил фельдмаршалу часы и другие ценности, снятые с казненных [10, с. 337]. Правда, в своих мемуарах «Утерянные победы» естественным образом Манштейн забыл упомянуть о своем сотрудничестве с руководством эйнзатцгрупп в массовых казнях [7, с. 3-622].

Вызывает удивление, что офицерский корпус Вермахта, воспитанный на старых военных традициях, имевший представление об особой роли немецкой армии, как инструмента активной германской великодержавной политики, стал соучастником массовых убийств гражданского населения. Следует отметить, что не все руководство немецкой армии, после выступления Гитлера 30 марта 1941 г. поддержало его решение о расово-идеологической войне на Востоке. Несколько генералов выступили в 1941 г. против «комиссарского приказа», а фон Лееб убедил Браухича и Кейтеля опротестовать приказ из практических соображений, а именно: перспектива расстрела после попадания в плен только обозлила бы русских солдат и тем самым усиливала власть комиссаров. Однако Гитлер в резкой форме отверг это заявление и поручил Браухичу разработать добавочные инструкции в подтверждение уже имевшихся правил фильтрации военнопленных в лагерях. Единственное, чего достиг Браухич своим предложением, явилось распоряжение производить расстрелы воен-

нопленных, не афишируя и подальше от лагерей [5, с. 122].

Во второй половине 1941 г. в лагерях военнопленных воцарился настоящий террор; тысячи людей, среди которых были больные и раненые, расстреливались по невразумительному признаку «расовой неполноценности». Следует иметь в виду, что до конца 1941 г. Гитлер не сомневался в скорой победе над Советским Союзом и не опасался возмездия, поскольку в его руках находилось около трех миллионов советских военнопленных, а в плену Красной Армии - всего-то несколько тысяч немецких солдат. Когда в 1942 г. количество неоправданных расстрелов резко сократилось, на то были чисто прагматические причины, а именно: Германия испытывала острую нужду в рабочей силе, а Вермахт использовал рабский труд для вспомогательных работ, таких, как, например, строительство военных укреплений.

За некоторым исключением, вся верхушка руководства армии в целом восприняла преступное решение Гитлера как должное. Натянутые отношения (которые идут от старопрусской традиции) между офицерской этикой и обязанностью выполнить приказ высшего начальства, изменились ещё в эпоху Вильгельма II в сторону абсолютизированного «безоговорочного повиновения», на основании изменения социальной структуры и техники ведения боя в Первой мировой войне. В то же время генералы СС руководствовались девизом «моя честь есть преданность» в отношении каждого приказа «вождя». Таким образом, исчезли предпосылки для возмущения всего генералитета против Гитлера. Традиционное представление об ответственности постоянно ослабевало, а при Гитлере она была сфокусирована на «вождя», который претендовал на абсолютную власть. Неудивительно, что среди генералитета больше не существовало нравственного, всеобщего чувства ответственности в отношении общества и государства. Многие немецкие генералы, несмотря на давние армейские традиции, на воспитание и военное образование находясь на службе гитлеровского режима, не осознавали главного - чувства политической и человеческой ответственности, веры в то, что высший долг генерала, как и любого человека, есть долг перед собственной совестью.

В заключении необходимо отметить, что антисемитизм являлся краеугольным камнем расово-идеологической и военно-политической программы национал-социализма. Он был тесно связан с идеей завоевания «жизненного пространства» на Востоке, которое было необходимо, по мнению Гитлера, не только для существования немецкого народа, но и установления мирового господства. При всей своей радикальности, антисемитская программа, сколь бы ужасающей и сумасбродной не выглядела, нашла поддержку со стороны различных социальных слоев немецкого общества. Неудивительно, что в окончательном решении еврейского вопроса принимали активное участие не только специальные подразделения СС – эйнзатц-группы, но и вермахт, во главе со своим генералитетом.

Библиографический список

1. Бонд Б. Браухич.//Военная элита рейха. Составитель К. Барнетт. Пер. с англ. Смоленск, 1999.
2. Буллок А. Гитлер и Сталин. Смоленск, 1994. Т.2.
3. Бюлов Н. Я был адъютантом Гитлера. Пер. с нем. Смоленск, 2003.
4. Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад, 1992.
5. Hillgruber A. Die «Endlosund» und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms des National-Sozialismus.//Hitler, Deutschland und die Mächte, Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches. Dusseldorf, 1977.
6. Залесский К. Кто был кто в третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
7. Манштейн Э. Утерянные победы. М., 2010.
8. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). Пер. с нем. М., 1974.
9. Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983.
10. Полторак А. Нюрнбергский эпилог. М., 1965.
11. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. Пер. с нем. М., 1993.

12. Секретные службы Германии. Режим доступа: http://www.uhlib.ru/istorija/ss_instrument_terrora/p6.php
13. Шелленберг В. Лабиринт. Пер. с англ. М., 1991.
14. Типпельскирх К. история Второй мировой войны. СПб, 1994. Т.1.
15. Уильямсон Г. СС-инструмент террора. Смоленск, 1999.
16. Фест И. Адольф Гитлер. В 3Т. Пер. с нем. Пермь. 1993. Т.3.

Сведения об авторе:

Залепеев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент. Брянский государственный университет, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права. 241033 Брянск, Советский район, ул. Бежицкая – 14, корп.2. 8-903-869-76-80. zalepeev.vladimir@yandex.ru

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ XV ВЕКА В ИСТОРИИ АНГЛИИ

Аннотация: Обосновывается содержание исторического развития Англии XV века как «переходное время» к раннему новому времени. Анализ проблемы рассматривается в соотнесении с научным наследием Е.А. Косминского и современного состояния исторического знания. Оценивается ряд явлений и процессов, характеризующих переход к эпохе раннего нового времени.

Ключевые слова: переходное время, социо-культурные подходы, новые социальные ценности, поведенческие установки.

Zolotov V.I. Transitional Time of XV century in English History

Annotation: The report grounds content of historical development fifteenth century England as “transition” to early modern history. The problem considered point view academician E. Kosminsky’s heritage and also contemporary historical knowledge state. Observing some evidences are characterized process of the transition.

Key words: transitional epoch, sociocultural approachs, new social values, manner of life.

Осознание переходного времени в английской истории применительно к указанному столетию принадлежит не последнему десятилетию, несмотря на актуальность концепта «переходный период» сегодня [5, 98-138]. Ещё в конце 40-х годов прошлого столетия в одной из своих статей [3] академик Е.А. Косминский, отмечая неоднозначность процессов хозяйственного, социального, политического развития столетия, который «рисовался как нечто «промежуточное» [3, 60], по сути, определил его переходный, к позднему Средневековью, характер. Е.А. Косминский сформулировал целый ряд проблем и тем, которые выражали, по его мнению, сущностное содержание XV столетия. Одним из ключевых процессов он называет социальную эволюцию, формирование той общности, которая получила название «нового дворянства», оказавшей огромное влияние на экономическую и политическую жизнь страны в XVI и XVII веках. Учёный ставит ряд вопросов социального содержания – в частности, какова «связь между разложением феодально-вотчинной системы и той феодальной анархией, которая охватывает Англию, начиная с конца царствования Эдуарда III и до конца войны Алой и Белой роз? Какую роль при этом сыграла Столетняя война и как причина и как следствие? На какой социальной почве вырастает королевский абсолютизм, который стал складываться уже при династии Йорков и достиг полного расцвета при Тюдорах?» [3, 60].

Можно согласиться с суждениями историка по поводу слабого обеспечения источниками истории столетия по сравнению с XIV и XVI веками. Однако, оценивая программную статью академика, следует, в первую очередь говорить о прозорливости историка, именно эти проблемы, так или иначе, до сих пор являются предметом обсуждения, прежде всего в английской историографии. Не менее интересно соотнести оценки и наблюдения знаменитого англоведа, касающиеся «промежуточности» эпохи, с современным уровнем исторического знания. Разнообразие сложившихся в наше время исследовательских практик изучения прошлого даёт возможность нового и более глубокого понимания сущностных характеристик развития английского общества в этот переходный период. За прошедшее время понимание переходного времени стало полноценно системным, более глубоким, затронувшим самые разные стороны общественного развития. Признание неоднозначности процессов переходного периода даёт новые возможности для «прорыва» (об этом говорит и Е.А. Косминский) в деле изучения столетия на основе новых парадигм. Помимо прочего, такая постановка проблемы позволяет более полно оценить историографическое наследие Е.А. Косминского.

Одним из путей решения обозначенных задач становится исследование социокультурного наполнения процессов общественного развития истории столетия¹. Как, отсюда, представляется история столетия с позиций современного исторического знания?

Наиболее полно «переходность» времени для средневекового общества и государства представлена в сфере политико-государственного развития. Этим мы обязаны работам Н.А. Хачатурян [9], её коллег и учеников. Уходит в прошлое вигская концепция развития английского общества и государства, сводящаяся к исключительной роли английских общин и палаты общин в политической жизни страны. Изучение эпохи идёт в контексте взаимодействия власти и общества. Новая парадигма дала возможность переосмысления и социальных, и политических процессов в английском обществе того времени. Как представляется, новые подходы позволяют сформировать представление о трендах общественного развития, содержания и своеобразии его процессов.

Расширительное толкование «социальности» в рамках «новой политической истории» позволило поставить задачу изучения взаимодействия государства и общества, при котором присутствует не только оппозиция сторон, но и их диалог с взаимными поисками компромисса и согласия. В любом случае это предполагало активность и самоорганизацию широкого спектра социальных сил. «Литературные» источники, прежде всего памятники общественной мысли, в ряде случаев весьма наглядно и более точно демонстрируют политическое состояние общества, тенденции его развития, возможности власти, роль институтов власти, нежели хроники и протоколы королевского совета.

Использование данных частно-правового акта, содержащегося в объёмной коллекции «закрытых писем» королевской канцелярии, даёт основание говорить о социальной опоре монархии не в лице обезличенного «нового дворянства» и «общин». Английская историография последних десятилетий много говорит об «аффилированности» различных групп джентри и магнатов на местах (и не в рамках ливрейных свит). Следует иметь в виду, что границы нижнего слоя титулованной знати достаточно размыты, что скорее создаёт дополнительные возможности для усиления присутствия власти в графствах. Факт использования в это время центром органов местного самоуправления для усиления власти короля и часто их включения в административную систему королевства констатируют исследования английских авторов конца прошлого века. Эти наблюдения и оценки коррелируются с подобными процессами во Франции XV в. [9, 12].

По-новому, в связи с такими подходами, предстаёт участие джентри в восстании Джека Кэда, несомненно, знаковым для столетия. Разделяя оценки Е.А. Косминского этого протеста [3, 74], дополним их точкой зрения Б. Монтгомери. Американская исследовательница даёт интересное объяснение мотивам выступления отдельных групп джентри в этом открытом столкновении с властью. Средневековое общество, по крайней мере, теоретически приравнивало ношение оружия к праву политического голоса, делая, таким образом, его обладателя социально значимым. Субъект права, носитель оружия, становился ответственным за политический порядок в стране. Сочетание социальной значимости и правовой ответственности в сознании части подданных короны открывало возможность участия общности джентри в политической жизни страны, быть активным участником диалога власти и общества [12, 581; см. также: 9, 226].

Отсюда, несколько по-иному видится начало процессов формирования абсолютистской власти. Обращает на себя внимание, что в памятниках общественной мысли часто при-

---

¹ Фактически, академик Е.А.Косминский говорит о социальной составляющей будущего «прорыва» страны [3, 76].

сутствует упоминание общин королевства, но практически не говорится о палате общин как институте влияния на правительственную политику. В свою очередь, повествовательные источники – трактаты, поэмы - постоянно говорят о сильном монархе в окружении преданных и компетентных советников. Что же является одной из основ начавшегося процесса формирования абсолютистского государства – общины в палате общин или сознательное стремление монарха опереться на людей не из среды придворной знати, а обладающих профессиональным опытом и служебными навыками? В условиях общей нестабильности, потери привычных ориентиров, разочарования в возможностях общества (прежде всего общин) положить конец магнатскому произволу (в том числе и в «войне роз») – наблюдается явное упование на короля в окружении толковых советников. Такое позволяет по-новому увидеть и анализировать поведенческие установки и интенции, социальные и политические ориентации неродовитого дворянства, возможно, части нобилей. Всё это не могло не создавать новой социальной ткани абсолютистской Англии.

Едва ли возможно получить что-то новое в исследовании отношений земельного собственника и крестьянина. Немногочисленные описи ряда маноров (исследования И. Звавича, отдельные наблюдения И. Граната и А.Н. Савина, работы Ю.Р. Ульянова) дают достаточно общее понимание процессов социально-экономического развития в аграрной сфере. В целом, выводы сводятся к размыванию, дезинтеграции и упадку старого феодального землевладения [см.: 8, 171-172].

Однако частноправовой акт показал не менее интересные условия и механизмы тех связей, которые определяли отношения сквайров, как наиболее активной части землевладельцев, и магнатов. Данный источник содержит ряд свидетельств, прежде всего, хозяйственного сотрудничества магнатов и сквайров на протяжении столетия. В этой связи, говоря о перераспределении земельных владений, Е.А. Косминский замечает - нельзя забывать, что под этой «яркой поверхностью идёт непрерывная работа скрытых сил, выражающаяся в перемещении собственности на землю путём отдельных незаметных приобретений в руки новых людей, и притом нередко людей, руководящихся новыми экономическими мотивами» [3, 71]. Добавим, и необязательно это новое дворянство.

Эти наблюдения по-новому раскрывают поведение и мотивы ряда социальных групп в операциях с землёй. Как удалось показать мне, имущие слои населения, прежде всего различные группы купечества и джентри, чиновников в своих земельных сделках в целом предпочитают консервативную модель поведения. Приоритетными для них является сотрудничество в земельных сделках с королевскими и городскими чиновниками (мерсеры), важно получить властное покровительство, или вложение денег в операции с землёй, аноблирование (бакалейщики-гросеры). Иной позиции в таких операциях придерживаются дрейперы-суконщики. Их интересы в какой-то степени связаны с формированием инфраструктуры суконного производства – от скупки пастбищ до обладания сукновальными мельницами, складскими помещениями и причалами на реках [см.: 2, ч. II]. Возможно, тогда мы по-новому увидим тот путь, по которому пошло семейство Пастонов, этот путь - скорее исключение, нежели модель перехода к новым отношениям, тем более история Пастонов так и не получила системного изучения как историко-культурный феномен времени. Можно говорить о формировании новой социальной ткани английского общества того времени, новой по содержанию и поведенческим установкам.

Трудно и мучительно формируется новое видение перспектив английского королевства в европейской политике. Неудачи в Столетней войне на последнем её этапе заставляют наиболее дальновидную часть английской элиты по-новому оценивать место и роль страны в международных отношениях того времени. Один из трактатов [11, 4] прямо прокламирует

отказ от территориальных захватов, её автор видит силу Англии в морском могуществе королевства. В обществе нарастает протест против династических мотивов внешней политики страны, можно говорить о начале формирования идеологии «государственного интереса».

Меняются нормы поведения монархов эпохи. Генрих V в условиях нараставшего взаимного ожесточения своих кампаний во Франции не останавливается перед тем, чтобы выйти за традиционные рамки отношений между сеньором и вассалами. В битве при Азенкуре, король, усомнившись в соблюдении французами законов рыцарской чести, приказал перебить пленных французских рыцарей. После договора в Труа трудная осада небольшого города Мелена на юг от Парижа закончилась, по приказу монарха, казнью многих защитников из рыцарского сословия. Он же приказал непокорного командира гарнизона возить в железной клетке по Франции в устрашение непокорных [1, 75-76]. Поведение Эдуарда IV нередко также было далеко от принципов средневековой морали и чести.

Последние исследования предреформационной Англии [6] делает актуальной тему религиозной жизни в Англии XV столетия. Е.А. Косминский обращает внимание на то, что «XIV век оставил в наследство XV движение лоллардов, не утихающее почти до конца века и порой принимающее грозные размеры <...> Вероятно, она [социальная история лоллардизма] может дать очень многое для выяснения антифеодальных идей и движений в XV веке» [3, 73]. Но не только жёсткий социальный протест в религиозных одеждах определял повседневную конфессиональную жизнь общества. Помимо темы лоллардов, наблюдаются и другие процессы и явления повседневной жизни прихожан. Религиозная культура английского общества на исходе Средневековья не была гомогенна, в религиозной практике эпохи сочетались многие духовные тенденции и формы благочестия. Проблемы плюрализма, абсентизма, злоупотреблений при сборах десятины, пожертвований и посмертных даров, обременительные для приходов визитации епископов, следования Св. Писанию, о чём ярко говорил Джон Колет, родились не в канун Реформации. В середине XV века её поднимал один из церковных иерархов страны епископ Реджинальд Пикок, яростно критикуя, как он считал, лоллардистское наследие в английской церкви и обществе. Эта озабоченность клира состоянием церковной жизни переплеталась с поиском индивидуальных форм религиозного благочестия в среде мирян [7]. В английской историографии последнего времени присутствует категория «вернакулярного богословия» (то есть, народного, неучёного), поднимается тема религиозного поведения в обществе в соотнесении, в том числе, с францисканскими идеалами [10]. Несомненно, это помогает лучше понять судьбы лоллардизма, ушедшего, возможно, на обочину религиозной жизни общества, к концу столетия, по всей вероятности, трансформировавшегося в какие-то иные формы, с изменившимся содержанием. Духовная культура общества предстаёт более разнообразной, более глубокой, полной новых поисков.

Таким образом, новые подходы и новые источники, понимание столетия как переходного времени во всей многозначности процессов развития дают, на мой взгляд, «прорыв» в изучении истории позднесредневековой Англии. Содержание эпохи позволяет говорить о пока ещё робких попытках идентификации в английском обществе различных субъектов времени – от государства, его роли и места, до личной ответственности тех или иных подданных королевства. Эти процессы отражают неоднозначный характер переходного столетия. Названные условия поднимают исследования истории столетия на уровень, соответствующий нынешнему состоянию исторической науки, открывают новые перспективы не только конкретно-исторического изучения эпохи, но и методологического осмысления её исторического развития.

Библиографический список

1. Басовская Н.И. Генрих V во Франции: нерождённая империя // Человек XV века: грани идентичности. М.: ИВИ РАН, 2007.
2. Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск: Курсив, 2010.
3. Косминский Е.А. Вопросы аграрной истории Англии в XV веке // Вопросы истории. 1948. № 1.
4. Маленькая книжечка об английской политике / Перевод, статья и примечания В.И. Золотова. Брянск: Курсив, 2012.
5. Раннее новое время и теория модернизации. Читательская конференция журнала «Средние века» // Средние века. № 70(1-2). 2009. С. 98-138.
6. Софронова Л.В. Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М.; СПб., 2016.
7. Суприянович А.Г. Опыт прочтения духовной биографии // История через личность. Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010.
8. Ульянов Ю.Р. Образование и эволюция манора Стонора в XIV-XV вв. // Средние века. № 35. 1972.
9. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средневековье. М.: Наука, 2008.
10. Jurkowsky M. Who Was Walter Brut ? // The English Historical Review. V. 127. N 525. 2012.
11. The Libelle of Englyshe Polycye / Ed. G. Warner. Oxford, 1926.
12. Montgomery B. Armed Force and Civil Legitimacy in Jack Cade's Revolt // The English Historical Review. V. 68. N 477. 2003.

Сведения об авторе

Золотов Всеволод Иванович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского 241036 Брянск, ул.Бежицкая, 14. (4832)666645 E-mail: viz.volic@yandex.ru

УДК 929(44+438+47)"18-19"

Е. Куснеж, Я. Федушка

ЯН БАТИСТ ДЕ ГРАНВИЛЬ МАЛЛЕТСКИЙ (1777–1846) – ОФИЦЕР ФРАНЦУЗСКИЙ, ГЕНЕРАЛ ПОЛЬСКИЙ И РУССКИЙ, ФОРТИФИКАТОР ЗАМОСТЬЯ

Аннотация: статья посвящена биографии фортификатора Замостья (Люблинское воеводство), выдающемуся сыну своего времени, уроженцу Франции Яну Батисту де Гранвиллю Маллетскому.

Ключевые слова: Ян Батист де Гранвиль Маллетский, Речь Посполитая, раздел Польши, Наполеоновские войны, Замостье, фортификация

Kusnezh Y., Feduska J. Yan Batist de Granville Malletsky (1777-1846) - officer of French, general of Polish and Russian, fortifyer of Zamosc

Annotation: The article is devoted to the biography of the fortifier Zamosci (Lubelskie Voivodship), the outstanding son of his time, a native of France, Jan Baptiste de Granville of Mallet.

Keywords: Jan Baptiste de Granville Malletsky, Rzeczpospolita, partition of Poland, Napoleonic wars, Zamosć, fortification

Жан-Батист Малле де Гранвиль родился 27.XI.1777 г. в Марселе (Франция). В 1794 г. охотно вступил в военную школу в Меце, а в 1795 г. был определен в Инженерный корпус. В звании поручика брал участие в Итальянских кампаниях (1795–1798 гг.). Участвовал в осадах крепостей (блокада Мантуи, где был ранен в ногу, взятие Пескьеры), был так же комендантом города Брешиа. В 1799–1804 гг. служил в армии Голландии (Батавская армия). 18 сентября 1804 г. был повышен до звания капитана. Вошел в состав штаба Великой Армии Наполеона Бонапарта. В 1806–1807 гг. Малле участвовал в кампании Бонапарта против сил IV Антифранцузской коалиции (Россия и Пруссия). В битве при Прейсиш-Эйлау (сейчас г. Багратионовск, Калининградской области), 7 февраля 1807 г. попал в плен к русским. В плену удерживался до августа 1807 г. Война окончилась миром в Тильзите (нем. Tilsit, сейчас г. Советск в Калининградской области). На основании отдельных мирных договоров с Россией (7 июля 1807 г.) и Пруссией (9 июля 1807 г.), Наполеон Бонапарт основал союзное Франции Герцогство Варшавское. Я. Малле был освобожден из русского плена и определен как офицер войск Герцогства Варшавского (Декрет Императора Наполеона от 16 марта 1808 г.). В декабре 1808 г. принял командование инженерных войск Герцогства. В течение польско-австрийской войны 1809 г., участвовал между прочим: в битве под Рашином, битве под Горой (Островком), взятии Сандомира (17–18 мая 1809 г.). Руководил постройкой мостов на реках Буге, Сане и Вепре, а также упорядочил фортификации Замостья после осады и взятия их з рук австрийских войск (19–20.V.1809 г.)¹. Замостье вместе с окрестностями было присоединено к Герцогству Варшавскому. В январе 1810 г. Я. Малле был награжден кавалерийским крестом ордена *Virtuti Militari* [Воинской доблести] (ном. 2682) и повышен до звания полковника 20 марта 1810 г. В преддверии войны с Россией (1810–1812 гг.) проводил генеральную инспекцию и надзор за строительством крепостей Герцогства Варшавского. 3 марта 1812 г. был награжден французским орденом Почетного легиона. В кампании 1812 г. Малле участвовал как командующий инженерных войск V корпуса князя Ю. Понятовского. Участвовал в битвах под Смоленском, Можайском и Бородино. В октябре 1812 г. во второй раз был награжден польским военным орденом Золотым Крестом ордена *Virtuti Militari* [Воинской доблести], 11 октября 1812 г. был награжден французским офицерским Крестом ор-

¹ Крепость Замостья от первого раздела Польши в 1772 г. до 1809 г. принадлежала империи Габсбургов.

дена Почетного Легиона (за кампанию в России). В апреле 1813 г. оставался в польской армии. Участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом (Лейпциг, 16–19 октября 1813 г.), что развернулась между французской армией и силами антифранцузской коалиции (Австрия, Пруссия, Россия, Швеция). Был взят в плен, но по личному приказу царя Александра I, освобожден (W. Maggené-Morzowska, 1902, s. 583). В апреле 1814 г., в Париже, царь Александр I созвал Военный Комитет, который имел задание организовать управление Армией Польской как частью армий триумфальной антинаполеоновской коалиции. Ее возглавлял Великий князь Константин Павлович. Ее членами были польские генералы Ян Генрих Домбровский, Йозеф Зайончек и другие. Созданная Армия Польская приняла во свои ряды амнистированных ветеранов армии Герцогства Варшавского и сохранила польские знамена, мундиры и команды на польском языке. Уже в августе 1814 г. в Армии Польской служил Я. Малле. В январе 1815 г. был принят официально в Корпус Инженеров в звании полковника. 29 ноября 1815 г. был повышен до звания бригадного генерала. Вместе с этим исполнял обязанности шефа этого Корпуса.

9 июня 1815 г. был подписан заключительный акт Венского Конгресса, на основе которого официально провозглашено Царство Польское с царем Александром как королем [7, s.196]. На территории Царства Польского находилась крепость Замостье (Рис.1).

18 июня в битве под Ватерлоо войска англичан и пруссаков под предводительством Веллингтона и Блюхера окончательно победили Наполеона Бонапарта.

В 1816 г. от царя и короля Польского Александра I Малле¹ был пожалован шляхетский титул с именем Гранвиль Маллетский (фото 1а, 1б, Приложение 2)². На основании этой дарственной грамоты, Александр I засчитал его военную службу с 1808 года. Я. Гранвиль Маллетский был 17 октября 1816 г. пожалован орденом Св. Анны II степени, а также 18 октября 1820 г. польским орденом Св. Станислава.

Царь и король польский Александр I трижды посетил г. Замостье (30 сентября – 17 октября 1815 г., 13 марта – 30 апреля 1818 г., 23–29 октября 1818 г.). На честь царя была построена 1820 г. Новая Брама Львовская, которая была украшена его инициалами и изображением царской короны (фото 2).

Город от момента возникновения в 1580 г. был частным владением рода Замойских. В 1821 г. Замостье был выкуплен у Замойских и перешёл во владение казны Царства Польского. Устаревшие фортификации крепости, которые за свою историю удержали осаду казаков Богдана Хмельницкого 1648 г., шведов в 1656 г. и исполнили свою роль во время осады русских в 1813 г., требовали основательной модернизации. В 1823 г. генерал Я. Гранвиль Маллетский вошел в состав комиссии по усовершенствованию крепости и города Замостье, за что был награжден орденом Св. Анны I ст. (9 ноября 1823 г.). 6 июня 1829 г. был награжден орденом Св. Анны с короной.

С фортификациями Замостья Я. Гранвиль Маллетский познакомился еще во времена Герцогства Варшавского. Будучи еще в чине полковника, в 1809–1813 гг. руководил работами, целью которых было укрепление оборонных характеристик старой крепости и приготовление ее к вероятной конфронтации с русской армией. Польский гарнизон крепости Замостье под предводительством генерала Мауриция Гаука приблизительно через десять месяцев (от 20 февраля до 22 ноября 1813 г.) давал отпор российским войскам под командованием генерала Симона Рата. После капитуляции, Замостье был занят российской армией, удерживался

¹ Стоит заметить, что Я. Малле де Гранвиль (род. 27.XI.1777 г.) был ровесником царя Александра I (род. 12/23.XII.1777 г.).

² Дарственная грамота здесь публикуется впервые.

ей до окончания Венского Конгресса и официального включения крепости царем Александром I в Царство Польское. Тотчас были начаты работы по модернизации системы обороны крепости Замостье. Ее проводили в 1815–1831 гг. Старые элементы фортификации, построенные в семибастионной структуре, остались без изменений.

**Рис.1. Карта Королевства Польского 1831 г.
Расположение крепости Замостье отмечено черным прямоугольником.**

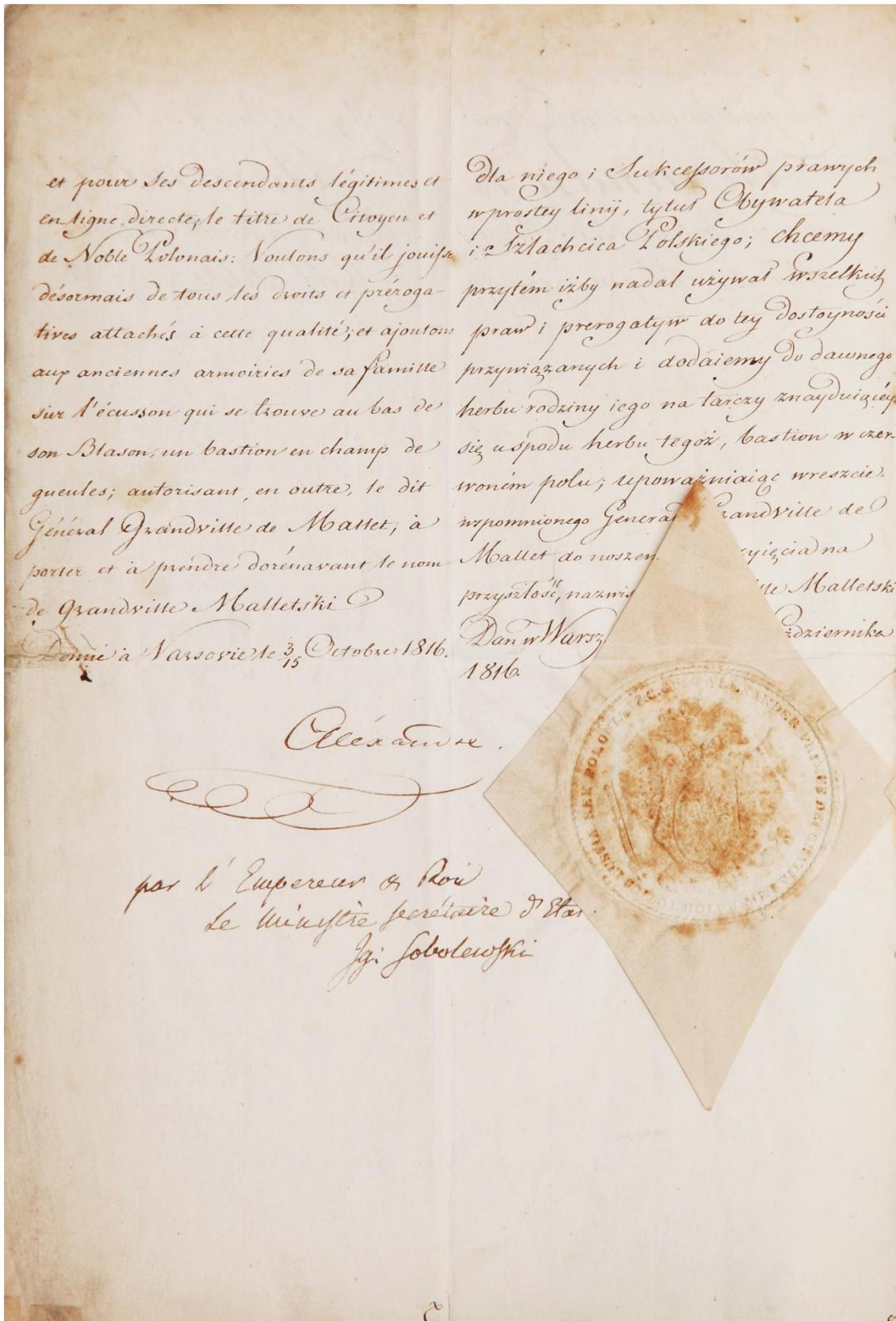

Фото 16. Дарственная грамота, выданная царем Александром I – на французском и польском языках. (Фонды Музея Замойского в Замостье). Обратная сторона.

Фото 2. Замостье – Новые ворота Львовские. Инициалы Александра I, корона царская и дата 1820.

Главные этапы новой перестройки крепости были реализованы в 1818–1826 гг. и 1828–1830 гг. в соответствии с концепцией и под руководством Я. Гранвиля Маллетского, что привело к усовершенствованию части фортификационных укреплений и строительство новых элементов в ее структуре – надшанцов, потерн, оборонительных заграждений [5, s. 144-145, 155-156; 6, s. 8 in.]. Вместе с оставшимися внутренними конструкциями, (равелинами, люнетами, артиллерийской ротондой), крепость Замостье была одной из самых новых в своем роде укреплений в Европе. Соответственно с французскими примерами в каменных стенах лобных бастионов и куртин были сделаны галереи для огнестрельного оружия. Модифицирован уклад коммуникаций крепости. Построены: Новые Люблинские ворота, Новые Львовские ворота. Щешестские ворота получили четыре артиллерийские бойницы. На осях куртин построены потерны, которые соединяли внутренние фортификации с внешними. Начиная от 1825 г. фланки бастионов получили казематы. Наверху всех бастионов поместили платформы для орудий. Перед бастионами I, V, VI возведены так называемые стены Карнота. Их заданием была защита мокрого рова, где неприятель мог прорваться через внешние укрепления (**фото 3**). В 1825–1827 гг. построены каменные надшанцы в бастионах VI и VII, а также так наз. Ротонда. Она была размещена на оси бастиона II на расстоянии 500 м от него и приспособлена к потребностям гарнизона и долговременной обороне Замостья. Крепость исполняла тоже функции места заключения. Осужденные на суровый приговор арестанты использовались в тяжелых работах при строительстве крепости.

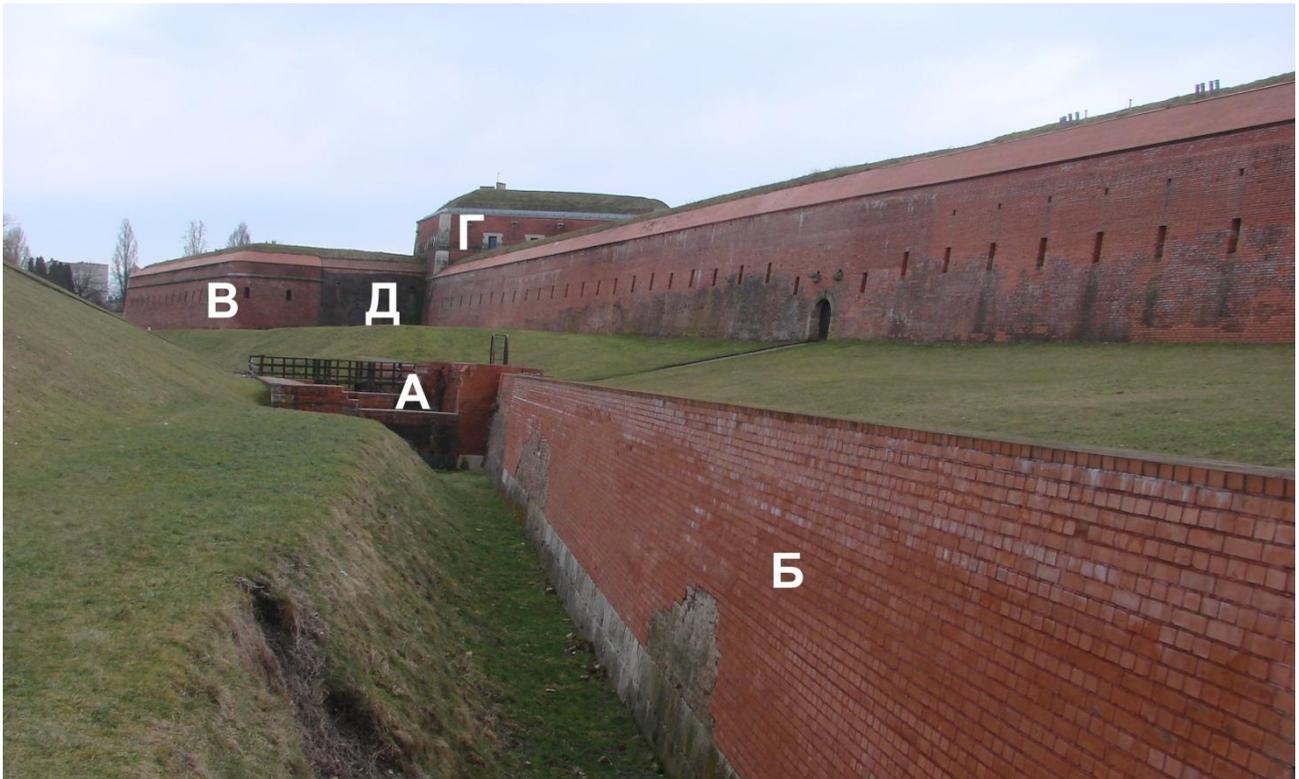

Фото 3. Фотографии фортификаций крепости Замостье, а также элементов их конструкций.
А. фундаменты капонеры (койца); Б. стена Карнота; В. бастион;
Г. каменный надшанец; Д. каземат

Фото 4. Эпитафия Я. Батиста де Гранвиль Маллетского в костеле Скжинске
(фото Ян. В. Ковалик, www.napoleon.org.pl).

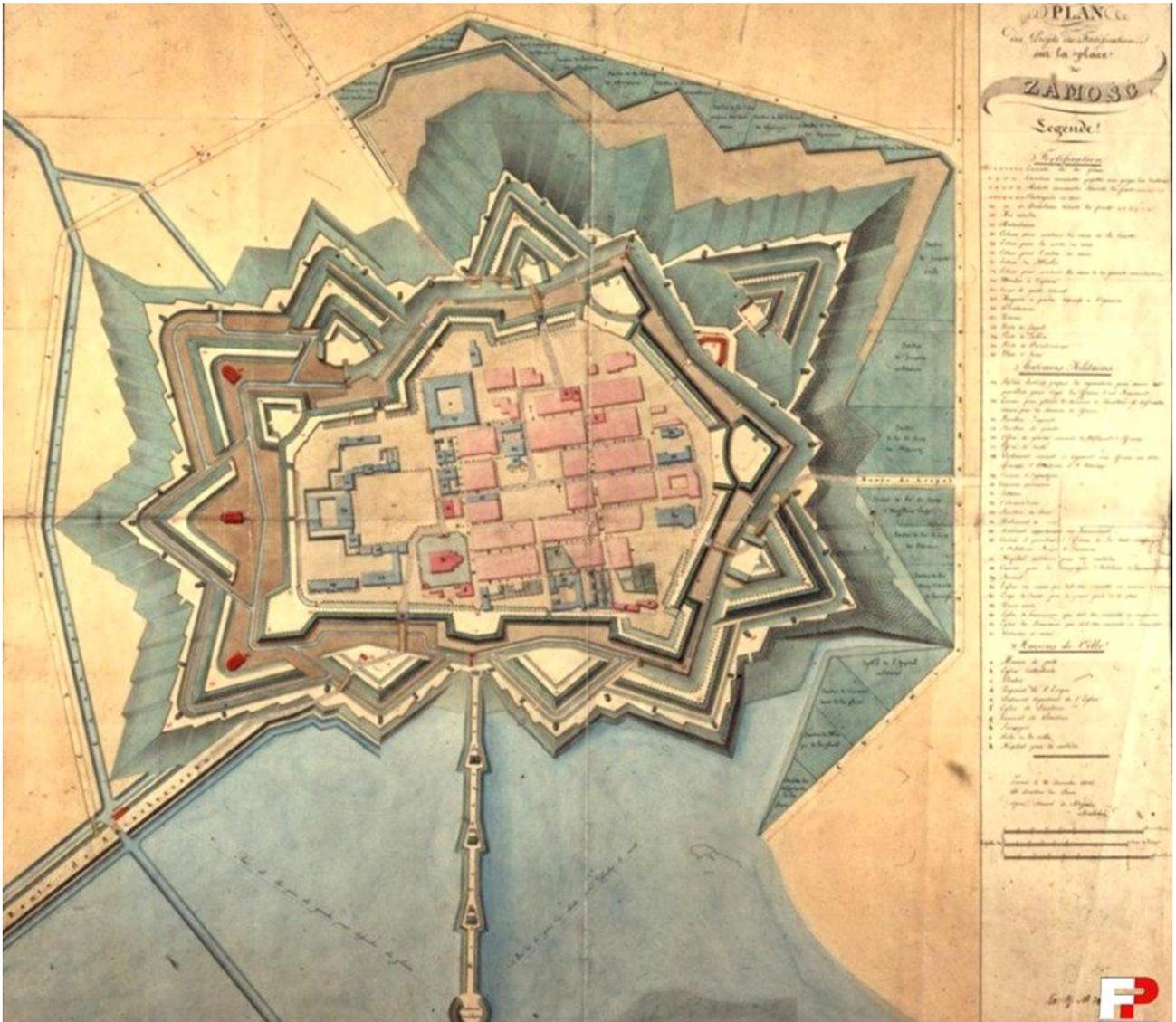

Рис. 2. План Замойской крепости 1856 г. (пер. за S. Herbst, J. Zachwatowicz, 1936).

В июле 1830 г. Я. Гранвиль Маллетский был повышен до звания дивизионного генерала. После ноябрьского антирусского восстания (29.XI.1830 г.), покинул столицу вместе с войсками князя Константина. Во время приготовления переправы через Вислу, был арестован в Пулавах (4.XII.1830 г.) капитаном Желецким с группой артиллеристов. Был отправлен в восставшую Варшаву. В короткое время нашел расположение там предводителя восстания Юзефа Хлопицкого. Был определен на свою старую должность командующего инженерными войсками (9.XII.1830 г.). 16.XII.1830 г. был назначен на должность генерального квартирмейстера, вошел также в Военный Совет и управлял Комитетом артиллерии и инженерии. Тогда был призван к ответственности за низкое состояние картографических войск (рапорт 24.I.1831 г.). Был уволен с занимаемых должностей при новом командующим восстанием Я. Скржинецким 28 февраля 1831 г. С того времени Я. Гранвиль Маллетский больше не играл никакой роли в восстание, оставаясь лишь формально командующим инженерным корпусом. Брал участие в обороне Варшавы, а после падения столицы, 7 сентября 1831 г., остался в городе. Дальше согласился на размещение русских властей в городе и возобновил присягу на верность царю. Пошел на службу в российскую армию в звании генерал-лейтенанта с опре-

делением в Инженерное управление Военной канцелярии (1832 г.). Переведен в Кронштадт, где занимался фортификационными работами [4, сс. 379-381; 1, с. 100]. В 1837 г. Малле вышел в отставку, после чего вернулся в Царство Польское, где осел в селе Збоженна в повете Опочно, которое унаследовал по первой жене Виктории Шидловской (1782–1830 гг.). После ее смерти в 1830 г., Малле женился на Адели Красинской, дочери легионера Хризанта Красинского. Малле умер в Збоженнах 30 ноября 1846 г. Был похоронен в Скжинске, где в костеле есть посвященная ему эпитафия (**фото 4, прил.2**). От второго брака имел дочь Валерию Марене-Можовскую, оставившую воспоминания об отце, впоследствии опубликованные [3].

Воплощение концепции Я. Гранвиля Маллетского привело к тому, что крепость Замостье получила наивысшее развитие за свою историю (**Рис.2**). В том виде, который крепость приобрела в 1815–1831 гг., она просуществовала до 1866 г., когда царь Александр II издал приказ об ее ликвидации [8, с. 64; 9, с. 356, 358].

Большинство элементов крепости было взорвано, засыпаны фосы, снивелированы валы. В 20-30 гг. XX века и после в 1977-1984 гг. частично были восстановлены стены и ворота. От 2007 до 2013 г. на высшем уровне проводились работы, цель которых была придать крепости тот вид, который существовал до указа Александра II 1866 г. (**Фото 5**).

Фото 5. Замойская крепость с высоты (фото: Петр Рогальски)

Фото 6. Монета 6 грошей с территории, прилегающей к Замостью во времена российской осады 1813 г. – аверс и реверс (Фонды Музея Замойского в Замостье).

Надписи: «Пенязь об осаде Замостья 1813» и «Боже помоги верным родине»

В собрании Музея Замойского, в Замостье находится много ценных экспонатов связанных с эпохой наполеоновских войн, оружия, монет (**Фото 6**), предметы повседневного быта, а также изделия художественного искусства. Одним из них есть фарфоровая трубка, которая отображает победу над Наполеоном Бонапартом под Ватерлоо. На трубке изображены фигуры победителей: князя Веллингтона и фельдмаршала Блюхера (**Фото 7**). Также интересной есть, приобретенная в 2017 р. Музеем, дарственная грамота замечательного для Замостья и Царства Польского генерала Я. Гранвиля Маллетского, подписанная царем Александром I в 1815–1825 гг. (**фото 1а, 1б, Приложение 2**).

Фото 7. Трубка фарфоровая с изображением предводителей войск коалиции антинаполеоновской: Блюхера и Веллингтона (Фонды Музея Замойского в Замостье).

Библиографический список:

1. R. Bielecki, *Słownik biograficzny oficerów powstania listopadowego*, Warszawa 1998 t. III.
2. S. Herbst, J. Zachwatowicz, *Twierdza Zamość*, Warszawa 1936.
3. W. Marrené-Morzowska, *General Malletski, (ze wspomnień rodzinnych)*, „Biblioteka Warszawska”, 1902, t. 3.
4. *Polski Słownik Biograficzny*, t. XIX/3 zes. 82, Wrocław –Warszawa – Kraków 1974.
5. B. Sroczyńska, *Zamość w okresie Królestwa Kongresowego*, [w:] *Zamość miasto idealne*, red. J. Kowalczyk, Lublin 1980.
6. B. Sroczyńska, *Zamość w XIX stuleciu*, [w:] *Konserwatorska Teka Zamojska*, Warszawa-Zamość 1986.
7. Żywczyński M. *Historia powszechna 1789-1870*, Warszawa 1996.
8. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. (1855-1880 гг.). Т.3, - СПб: Типография М. Стасюлевича, 1879.

9. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. (1855-1880 гг.). Т.4 - СПб: Типография М. Стасюлевича, 1880.

Приложение 1 Дарственная грамота

Французский язык	Польский язык	Русский перевод
<p>Nous par la grâce de Dieu Aléxandre I Empereur de toutes les Russies, Roi de Pologne & c. & c. Sur le rapport de Notre Bien aimé frère le Grand Duc Constantin, Com- mandant en Chef Notre armée du Royaume de Pologne, ayant pris en considération les Services que le Général de Brigade Jean Baptiste Grandville de Mallet Directeur du Corps du génie a rendus depuis huit ans, dans la dite armée et la manière honorable dont il s'est toujours acquitté de ses devoirs; Considérant en outre, que le dit Général est domicilié et possessionné dans Notre Royaume de Pologne À ces Causes Vû l'article 46. de la Charte Consti- tutionnelle, et a l'effet de donner au susdit Général de Mallet une preuve particulière de Notre Royale bien- veillance; Nous avons résolu de lui accorder et octroyer, lui accordons et octroyons en effet, par les présentes lettres de Naturalisation, pour lui et pour ses descendants légitimes et en ligne directe, le titre de Citoyen et de Noble Polonais: Voulons qu'il jouisse désormais de tous les droits et préroga- tives attachés a cette qualité; et ajoutons aux anciennes armoiries de sa famille sur l'écusson qui se trouve au bas de son Blason, un bastion en champ de gueules; autorisant, en outre, le dit Général Grandville de Mallet, à porter et à prendre dorénavant le nom de Grandville Malletski Donné à Varsovie le 3/15 Octobre 1816 Aléxandre</p>	<p>„My z Bożéy Łaski Alexander I. Cesarz wszech Rosssyi, Król Polski & c. & c. Na raport ukochanego Brata Naszego Wielkiego Xięcia Konstan- tego, Naczelnego Dowódcy Woyska Naszego Polskiego, zważywszy zasługi ośmioletnie w tymże Woysku Generała Brygady Jana Chrzciela Grandville de Mallet Dyrektora Korpusu Inży- nieryi, niemniej zaszczytne iego zawsze obowiązków wypełnianie; zważywszy także iż pomieniony Generał jest za- mieszkały i osiadły w Królestwie Naszem Polskiem, z tych powodów: Stosownie do Artykułu 46. Ustawy Konstytucyjney i chcąc dać rzecz- nemu Generałowi de Mallet szcze- gólny dowód Naszéy Królewskiej życzliwości, przedsięwzięliśmy na- dać mu i udzielić, iakoż w rzeczy saméy niniejszym Aktem naturali- zacyi nadaiemy mu i udzielamy, dla niego i Sukcessorów prawych w prostey linii, tytuł Obywatela i Szlachcica Polskiego; chcemy przytém iżby nadal używał wszelkich praw i prerogatyw do tey dostojności przywiązanych i dodaiemy do dawnego herbu tegoż, bastion w czer- woném polu; upoważniając wreszcie wspomnianego Generała Grandville de Mallet do noszenia i przyjęcia na przyszłość nazwiska de Grandville Malletski. Dan w Warszawie 3/15 Października 1816 Alexandre”</p> <p><i>Poniżej odcisk pieczęci z napisem w otoku:</i> „ALEXANDER PRIMUS DEI GRATIA IMPERATOR TOTUUS RUSSIAE REX POLONIAE & C. & C. & C.”</p>	<p>“Мы, Божьей милостию, Алек- сандр I, Царь всея России, Король Польский и проч. и проч.</p> <p>На донесение любимого Брата Нашего, Великого Князя Констан- тина, Главнокомандующего Ар- мией Нашей Польской, взвесив восьмилетние заслуги в той же Армии Генерала Бригады Иона Крестителя Гранвиля де Малле Командующего Инженерным Корпусом, не менее честное все- гда исполнение его обязательств; приняв также, что упомянутый Генерал поселился и устроился в Королевстве Нашем Польском, с тех причин соответственно Статье 46 Закона Конституции и желая дать упомянутому Генералу де Малле особенное доказательство Нашего Королевского доброжела- тельства, намерены предоставить ему и наделить, как и говорится в теперешней Дарственной грамоте, предоставляем ему и наделяем его и наследников законных по пря- мой линии титулом Гражданина и Шляхтича Польского; хотим мы при этом чтобы и впредь пользо- вался всеми правами и привиле- гиями к этому достоинству над- лежащими и придаем к древнему гербу того же бастион на красном поле; уполномочиваем в послед- ствии упомянутого Генерала Гранвиля де Малле к ношению и присвоению на будущее фамилии де Гранвиль Маллетский. Дан в Варшаве 3/15 октября 1816 Александр”</p> <p><i>Ниже оттиск печати с надписью по окружности:</i> “ALEXANDER PRIMUS DEI GRATIA IMPERATOR TOTUUS RUSSIAE REX POLONIAE & C. & C. & C.”</p>

Приложение 2. Эпитафия в костеле в Скжинске:

На польском языке	Перевод на русский язык
<p>„D.O.M. Jan Chrzyciel de Grandville Malletski były Jenerał Dywizyi b. Wojsk Polskich Dowódca Korpusu Inżynierów urodzony we Francyi w Marsylii w r. 1777. Służąc przybranej ojczyźnie przez długi lat szereg rozstał się s tym światem w d. 30-tym Listopada 1846 roku. Złożony w tym grobie prosi o westchnienie do Boga”</p>	<p>“D.O.M. Ян Креститель де Гранвиль Маллетский Был Генералом Дивизии б. Армии Польской Командующий Инженерным Корпусом родившийся Во Франции в Марселе в г. 1777. Служащий Приемному отечеству долгую череду лет Расстался с этим миром 30-го ноября 1846 года. Лежащий в этом гробе просит О вздыхании к Богу”</p>

Сведения об авторах

Куснеж Ежи, магистр археологии, зав. отделом археологии музея Замоиских в Замостье, Люблинское воеводство, Польша.

Федушка Яцек – магистр истории, научный сотрудник музея Замоиских в Замостье, Люблинское воеводство, Польша.

РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛИБЕРАЛОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1906-1908 ГГ.

Аннотация: В статье рассматриваются меры английского либерального кабинета по улучшению условий жизни и труда рабочих в первые годы нахождения у власти. Анализируется взаимодействие либеральной и лейбористской партий в обеспечении основных достижений периода.

Ключевые слова: либералы, лейбористы, пенсионная реформа, таффский прецедент, 8-часовой рабочий день
Moshkova O.A. Social Policy of the Liberal Government in Great Britain in 1906-1908

Abstract: The article deals with the measures of the Liberal Cabinet to improve the standards of living and working conditions of workers in the first years in power. The author studies the cooperation of the Liberal and Labour Parties in introducing the main social reforms of the period.

Keywords: Liberals, Labour, Old Age Pensions Act, Taff Vale case, 8 hour day.

Преобразования в интересах масс трудящихся были одним из важных направлений политики либерального кабинета в первые годы власти. Рабочий вопрос неизбежно выступал на передний план в условиях, когда парламентские реформы 1867 г. и 1884 г. позволили значительной части промышленных и сельскохозяйственных рабочих участвовать в выборах. Долгое время их симпатии были на стороне либеральной партии, в рядах которой их представляли так называемые депутаты либ-лэб. Однако появление отдельной фракции лейбористов в парламенте ставило под сомнение способность либералов эффективно конкурировать в борьбе за избирателей из числа рабочих. Статус одной из двух ведущих политических партий Великобритании, провозглашавшей себя защитницей рабочих, в отличие от консерваторов, традиционно выражавших интересы лендлордов, крупных промышленников и финансистов, вынуждал либералов вплотную заняться решением назревших социальных проблем. Либералы осознавали, что исторические перспективы их партии зависели от способности сохранить союз с набирающей силу партией труда, для чего была необходима продуманная и последовательная рабочая программа. В связи с этим, представляется

Проблема условий жизни масс стояла особенно остро. В конце XIX в. Ч. Бут и С. Раунтри опубликовали шокировавшую общественность статистику: около трети населения в городах проживало за чертой бедности при доходе менее 21 шиллинга в неделю на семью. Эти данные непосредственно касались только Лондона и Йорка, но их условно можно было распространить и на остальные промышленные центры Великобритании. Картину нищеты и деградации обитателей восточных кварталов Лондона рисовал автор очерка об Англии и англичанах Г. Виллиам. Он отмечал, что «от постоянного недоедания, от крайне малопитательной пищи, от духоты и смрада квартир эти люди быстро теряют силы и работоспособность: в 30 лет они выглядят 60-летними стариками, а дети их имеют вид еще более хилый и замороженный, чем их родители» [3. С.53]. Армию бездомных и безработных постоянно пополняли переселенцы, приезжавшие из деревень или других стран в поисках лучшей доли. Уайтчепел, один из беднейших районов Ист-Энда, центр иностранной эмиграции, главным образом еврейской, из России, Галиции и Румынии, «всегда особенно отличался грязью, зловонными испарениями своих улиц и отвратительными жилищами, переполненными самою жалкой беднотой» [3. С.51]. Схожее описание мы находим к книге П. Ривз, суфражистки и члена фабианского общества, переехавшей в Англию из Новой Зеландии. Она сообщала, что лондонские бедняки вынуждены отдавали треть доходов за темные, сырые комнаты в плохо постро-

енных и переполненных домах. Хуже всего, что в одной постели приходилось спать нескольким людям, что влекло за собой высокий риск заболеваний [15. P.41].

Представители либералов неоднократно заявляли о приверженности борьбе с обнищанием рабочих. Д. Ллойд Джордж, глава радикального крыла партии и ключевая фигура в социальной политике правительства, говорил о том, что тысячи и миллионы «ввергнуты в состояние острой нужды и бедности». Необходимость срочных мер преодоления пауперизации приравнивалась им к профилактике и недопущению разрушительных социальных катаклизмов: «Если мы отложим врачевание этих социальных язв, то разве болезни, которые они порождают, не станут разрастаться и гноиться, пока не приведут страну к потерям бесконечно большим, чем затраты на незамедлительное лечение?» [11. P.65]. Таким образом, массовая нищета угрожала государственной безопасности: «Мы должны не только обеспечивать спокойствие наших берегов. Мы должны обеспечить сохранность своих домов» [11. P.258]. Под этим Ллойд Джордж подразумевал примиренность общественных групп, социальный конформизм как непреложное условие стабильного и процветающего общества.

Главной мерой, призванной повысить качество жизни трудящихся, предпринятой правительством в рассматриваемый период, явилось установление пенсионного обеспечения. В 1908 г. Г. Асквит успешно провел через парламент пенсионную реформу. Принятый закон о пенсиях по старости предполагал, что семидесятилетние рабочие с годовым доходом не выше 31 фунта 10 шиллингов могли претендовать на еженедельные государственные пособия, размер которых увеличивался от 1 до 5 шиллингов обратно пропорционально уровню доходов [7. P.2-5]. Ограниченный характер реформы проявлялся в том, что она касалась очень бедных категорий населения, возрастные рамки были завышены, она не распространялась на нищих, получавших выплаты по закону о бедных, и осужденных. Однако даже в таком виде она существенно помогала нуждавшимся старикам.

Комментируя общественное восприятие проекта, посол России в Лондоне А.К. Бенкендорф писал, что вопрос о государственной помощи престарелым настолько назрел в Англии, что очень немногие относились к ней с безусловным отрицанием, как к мере социалистического характера [2. Л.105]. Все партии в той или иной степени были связаны обещанием установить пенсии. Однако некоторые аспекты реформы вызывали нарекания. Консервативная оппозиция энергично критиковала систему уплаты пособий из средств казначейства. Они настаивали, что правительственная мера являлась «полным расхолаживанием бережливости» (Г. Чаплин) [14. С.589]. Большинство протестовавших предпочло бы, чтобы пенсии вводились лишь в пользу рабочих, предварительно участвовавших путем взносов в создании соответствующего фонда, как то имело место в Германии. В этом случае они могли быть распространены на 65-летних граждан (возраст, рекомендованный комиссией в 1895 г.) и не обременяли бы налогоплательщиков. Главная критика была направлена против финансовых расчетов Асквита. Унионисты интересовались, где министры изыщут 8,5 млн. ф. ст. для пенсий уже в 1909 г. А. Бальфур говорил: «Мы не получили от правительства ни малейшего намека относительно методов, которыми огромная сумма будет добыта» [14. С.815]. Консерваторы опасались, что речь пойдет о новых налогах, и поскольку в 1908 г. параллельно обсуждались темы оценивания земли и последующего ее обложения, оппозиция испытывала вполне понятное беспокойство.

Правительство, уходя от ответа на вопрос об источнике средств, защищало принцип выплаты пособий из казны. Министры старались доказать, что принятая в Германии система пенсионного страхования неприменима в условиях их страны. Р. Холдейн отмечал, что, во-первых, пришлось бы долго ждать накопления взносов в достаточном количестве, чтобы реформа заработала. Во-вторых, беднейшие слои, которым и намеревался помочь кабинет, не смогли бы участвовать в проекте из-за скудных денежных возможностей [14. С.661]. Либе-

ральная мотивация государственного вспомоществования престарелым включала как гуманистические идеалы, так и теорию эффективности, восходившую к фабианской философии и концепции органического взаимодействия нового либерализма. В соответствии с первыми, можно было говорить о моральном обязательстве государства вознаградить труженика за вклад в процветание державы: «Рабочий умирает, выполнив свой долг перед страной так же честно, как солдат, павший на поле битвы. Он пожертвовал всей своей силой и мастерством для накопления ее мощи и богатства» [11. P.53-54] (Ллойд Джордж). Не справедливо, если старость повергала «израненного солдата индустрии» [11. P.262] в состояние жалкой нищеты. Теория эффективности привнесла новый аспект видения проблемы: по словам Ллойд Джорджа, вкладывать средства в человека не только праведно, но и экономически выгодно, так как социальные гарантии, удалив из жизни рабочих тревогу, страх за будущее и создав ощущение большой государственной машины за спиной, значительно способствовали повышению производительности труда [11. P.69, 261]. Этим оправдывалась и окупалась огромная цена проекта. Такое понимание, как показали дебаты в палате общин, вполне разделялось лейбористской фракцией.

Вместе с тем, пенсионная реформа отразила специфику либеральной доктрины. Ни прямо, ни косвенно государство не должно было создавать альтернативу труду и возможность паразитировать через систему социального вспомоществования. Отсюда небольшой размер пенсий и тот факт, что они выступали лишь дополнением к уже имеющимся доходам, что стимулировало пожилых рабочих трудиться дальше в меру сил. Кабинет выражал нежелание поощрять пенсиями людей, не прошедших тест на трудолюбие, то есть тех, кто «систематически отказывался работать по своим способностям, возможностям и нужде для обеспечения себя и зависимых от него людей» [7. P.3]. Похожие доводы приводились и в обосновании невозможности снижения возрастного порога пенсий до 65 лет, на чем настаивали и лейбористы, и консерваторы. Либералы заявляли, что по расчетам министерства финансов это сказалось бы на серьезном подорожании реформы и потребовало не менее 15 – 20 млн. ф. ст. в год в дополнение к уже запланированным расходам. Но главное, доказывал Ллойд Джордж, люди в этом возрасте способны заработать гораздо больше, трудясь. Они не испытывают нужды в такой помощи и не желают ее. Правительству было бы непрослительно расточать огромные средства впустую [11. P.68].

Продемонстрировав твердость позиции в плане принципиальной основы законопроекта, либеральный кабинет согласился на ряд существенных уступок: была принята изначально отсутствовавшая в билле градирующая шкала доходов, которая увеличивала количество претендентов на государственную помощь; правительство отказалось от мысли уменьшить пенсию для женатых престарелых, живших вместе; наконец, канцлер казначейства обещал отменить с 1910 г. дисквалификацию для тех, кто пользовался общественной поддержкой по закону о бедных. В итоге, мера приобрела форму, приемлемую для большинства. В третьем чтении в общинах за нее проголосовало 315 депутатов, против – лишь 10. Палата лордов, в жесткой форме вновь озвучив основные консервативные возражения, не нашла возможным отвергнуть билль. Вероятно, она ориентировалась на популярность реформы в стране и не хотела идти на конфликт с рабочими. Таким образом, закон о пенсиях вошел в статутную книгу. Его новизна и значение заключались в том, что впервые власть брала на себя обязанность путем прямых выплат регулировать уровень доходов трудящихся в том возрасте, когда их самостоятельные усилия уже не были достаточными для благополучия.

Задача улучшения условий труда масс, занятых в производстве, стала вторым аспектом рабочего вопроса. Она оказалась значительно более «неудобной» для либералов. Фактически, партия должна была сконцентрироваться на требованиях одного класса в ущерб интересам второй стороны – предпринимателей, и тем самым создать правовые преференции труду в

его отношениях с капиталом. С позиций либеральной доктрины такой подход находил мало оправданий. Лейбористские предложения не могли быть легко перенесены в либеральную программу. Эволюция взглядов происходила очень медленно. Радикализм и новый либерализм исходили из понимания неизбежности государственного вмешательства в конфликт рабочих и работодателей, но объем и характер такого вмешательства все еще не были определены.

Ситуация, сложившаяся вокруг отмены таффского прецедента, стала явным свидетельством того, насколько трудно согласовывались либеральный и лейбористский подходы к проблеме. В 1901 г. палата лордов как высшая судебная инстанция вынесла постановление о взыскании компенсации потерь, понесенных железнодорожной кампанией Таффской долины в ходе забастовки рабочих, из средств тред-юниона, что послужило ориентиром для решения аналогичных судебных тяжб. Перспектива чудовищных штрафов и угроза разорения фактически лишали организованный труд инициативы в проведении забастовок. Обещание восстановить право тред-юнионов на стачки явилось одним из козырей либеральной предвыборной кампании, помогло привлечь симпатии рабочих. И, придя к власти, партия не замедлила выполнить возложенное на себя обязательство.

28 марта 1906 г. кабинет представил билль о трудовых спорах. Он состоял из нескольких логических частей. В первой рассматривались правовые нормы о сговоре (*law of conspiracy*), часто применяемые в отношении тред-юнионов, так как речь шла о действиях, совершаемых группой лиц. Устоялась следующая трактовка вопроса: то, что считается законным в отношении действия одного человека, незаконно, если действие совершается группой из двух и более лиц. В этой связи Дж. Уолтон, генеральный прокурор и докладчик по законопроекту, убеждал парламент в достаточности возвращения и усовершенствования юридических норм, неплохо работавших до 1901 г. Акт 1875 г. о неприменимости к трудовым организациям правовых норм о сговоре в сфере уголовного права должен был распространиться и на гражданское право. По мнению правительства, единственным выходом мог быть зафиксированный в законе 1875 г. принцип оценки правомочности и противоправности действия, как если бы оно было совершено одним человеком [13. С.1298-1300].

Далее поднимался вопрос о мирном пикетировании и «праве мирного убеждения». Поскольку без возможности переубедить потенциальных штрейкбрехеров стачка теряла смысл, восстанавливался закон 1859 г., разрешающий разумное, без угроз и запугиваний, увещевание тех, кого работодатели привлекут со стороны вместо бастующих рабочих. Указанные меры не вызвали значительных нареканий со стороны партии труда.

Следующая и главная часть билля, имевшая дело с так называемым агентским правом, то есть с совокупностью норм, регулирующих институт гражданско-правового представительства (*law of agency*), напротив, спровоцировала острую дискуссию. Речь шла об ответственности тред-юнионов, прежде всего финансовой, за действия отдельных членов или должностных лиц. Лейбористы настаивали на безоговорочном признании неподсудности тред-юнионов. Либералы видели в таком иммунитете грубое нарушение демократических принципов. «Разве вы не предлагаете классовые привилегии? В былые дни нашего законодательства существовали эти привилегии. Они принадлежали аристократии, и они были отменены. Так давайте не будем создавать привилегий для пролетариата», - заявлял Уолтон. Называя класс трудящихся «большой и самой достойной частью общества», он не исключал, что, объединившись, они могут совершить противоправные деяния, не имеющие оправдания и колоссальные по своей разрушительной силе [13. С.1297-1307]. Гарантии неприкосновенности фондов уничтожали чувство ответственности. Поэтому правительство считало уместным предъявление исков к собственности тред-юниона, но только лишь в случае действий его официальных представителей или действий его членов, санкционированных или публично одобренных специально назначенным исполнительным комитетом. В случае, если руково-

дство профсоюза осудит действия назначенных или самопровозглашенных агентов или явно выразит свое несогласие с ними, этого будет достаточно для того, чтобы обезопасить фонды. Составлявшие билль министры-юристы Уолтон, Робсон, Асквит и Холдейн, по воспоминаниям последнего, стремились не допустить создания открытых легальных преимуществ труду [9. P.212], но в таком виде закон лишь защищал тред-юнионы от ответственности за поступки неуполномоченных лиц, не возвращая им полного права на стачки. Вероятно, проблема не могла быть решена в рамках либеральных представлений о гражданском равенстве и социальном компромиссе.

Лейбористы раскритиковали правительственный законопроект. Д. Шеклтон, выступавший сразу за генеральным прокурором, отмечал, что рабочие не будут удовлетворены, пока работодатели и труд не уравниются в правах. Правительство оставляло профсоюзы на милость предпринимателей в вопросе компенсации убытков, между тем, работодатели должны быть готовы к трудовым войнам и нести те же риски, что и тред-юнионы. В. Брейс добавлял, что организованный труд не просил милостыню, а требовал равенства перед законом с работодателями [13. С.1314, 1328].

Уже через два дня, 30 марта лейбористы внесли собственный билль, и, по настоянию премьер-министра Г. Кэмпбелл-Баннермана, он лег в основу принятого в августе закона. Лейбористский вариант получил одобрение большинства либералов и радикалов, что свидетельствовало о преодолении сугубо юридической трактовки паритетности всех общественных сил перед законом и о признании правомочности особого законодательства для особых организаций. Премьер-министр, дав указание устранить разногласия между двумя биллями, проявил политическую гибкость, продиктованную необходимостью сохранения союза с организованным трудом и выполнения предвыборных обещаний. Однако, по сообщениям Бенкендорфа, колебания кабинета произвели не особенно благоприятное впечатление на общественное мнение Англии [1. Л. 88]. Оппозиция в парламенте и унионистская пресса воспользовались инцидентом, чтобы обвинить правительство в отсутствии стойких убеждений и угодничестве перед рабочей партией. Но была ли данная уступка сопряжена с нарушениями либеральной доктрины? Нет. Ведь даже с позиций индивидуализма государство должно было обеспечить правовые гарантии тред-юнионов - объединений свободных индивидов, отстаивавших свои интересы. Не противоречила она и принципу свободы рук: теперь вопрос условий труда, а именно он являлся предметом трудовых споров, мог решаться путем частных соглашений между рабочими и работодателями. Центральная власть при этом выполняла более комфортную функцию посредника в конкретных конфликтных ситуациях, минимизировав централизованное вмешательство в экономику. Практика правительственного арбитража (личное участие министров в переговорах, организация примирительных палат) действительно имела место в последовавшем за принятием закона забастовочном движении, и позволила либералам компенсировать законодательно созданный перевес, поддержать предпринимателей. Таким образом, преодолев условности юридических формулировок, партия, в сущности, не изменила себе.

Реакцию консервативного лагеря на принимаемое решение можно назвать сдержанной. Несмотря на то, что тори испытывали больше симпатий к правительственному законопроекту, они не воспрепятствовали проведению лейбористского билля. Тон унионистской критики выдавал принципиальное несогласие на принятие особого законодательства, устанавливавшего классовые привилегии для тред-юнионов. Почему, вопрошал лорд Р. Сесил, если хозяин должен платить за то, что его пьяный кучер врезался в другую карету, или железнодорожная компания компенсировать ущерб, нанесенный носильщиком на одной из станций, то организации рабочих не подпадали под общее правило? [13. С.1333]. Все же консервативная партия и подвластная ей палата лордов не посчитали возможным заблокировать меру. Опре-

деляющую роль в этом сыграла электоральная популярность требования вернуть рабочим право на стачки.

На осуществление прямого государственного диктата в установлении централизованных норм условий труда либералы шли неохотно. Принятые ими законы о компенсации производственных травм (1906 г.) и о 8-часовом рабочем дне для горняков (1908 г.) были возданием должного программам более чем десятилетней давности, не содержали ничего принципиально нового. Они не вызвали значительного сопротивления, поскольку в вопросах фабричного законодательства партия тори не многим уступала либералам. Так, в основу закона о компенсации лег разработанный Дж. Чемберленом и принятый в 1897 г. акт, определявший ответственность работодателя за травмы, полученные рабочими, в том числе по их собственной вине. Правительство лишь распространило его действие на группу новых специальностей (моряков, рыбаков, работников транспортных служб) и добавило к страховым случаям профессиональные болезни. Возможность сокращения рабочего дня шахтеров также не исключалась консерваторами. Их критика, которая все же имела место, была обусловлена опасением, что такое сокращение приведет к уменьшению добычи угля и его вздорожанию, следовательно, к тяжелым последствиям для английской промышленности и домашнего обихода небогатых классов. В распоряжении кабинета находились выводы правительственной комиссии 1906 г. Принимая в расчет прогулы и другие обстоятельства, средний показатель фактически обрабатываемого времени в отрасли составлял $7\frac{1}{4}$ часов. Поэтому в отчете комиссии звучало заверение, что уменьшение продолжительности рабочего дня до 8 часов не вызовет пропорционального падения объема выпуска продукции [8. Р.132]. Все же министры пошли на уступки: закон вводился лишь с 1 июля следующего года, а в двух графствах, где добывалось больше всего угля – с 1 января 1910 г. В палате лордов была принята поправка о том, что время спуска в шахты и подъема не включалось в оговоренную норму, поэтому горняки должны были работать $8\frac{1}{2}$ часов.

Между тем лейбористы выдвигали требование 8-часового рабочего дня для всех профессий при увеличении заработной платы, акцентируя внимание на взаимосвязи проблемы часов и цены за труд. С точки зрения предпринимателей, при уменьшении обрабатываемого времени должна была понизиться и зарплата, что подтолкнуло лейбористов к мысли об ее минимуме. Фактически это означало коллективный контроль над рынком труда. Общим мнением либералов по-прежнему оставалась уверенность в невозможности государственного манипулирования естественными законами экономики, в соответствии с которыми цена определялась взаимодействием спроса и предложения. Пути увеличения доходов рабочих они видели в улучшении эффективности труда, расширении рынков, создании и поддержании благоприятных условий для производства и торговли. Дж. Гобсон, говоря о минимальном уровне благосостояния масс, имел в виду не фиксирование нижнего предела заработной платы, а перераспределение доходов в обществе через налоги и государственное вспомоществование. Поэтому либералы обнаруживали свое нежелание вмешиваться в определение размера вознаграждения за труд. Позже они сделали два исключения. Для четырех отраслей, где бытовала потогонная система, и в основном работали женщины (плетение кружева и цепочек в домашних условиях, изготовление одежды и бумажных коробок), в 1909 г. правительство создало промышленные палаты для регулирования заработков. А в 1912 г. оно установило минимум оплаты для шахтеров. В отношении остальных профессий либералы считали, что предприниматель брал на себя главные риски и ответственность, лучше чувствовал конъюнктуру рынка, следовательно, именно он имел право определять жалование рабочих исходя из наличной прибыли предприятия.

Таким образом, в рабочем законодательстве либералы оставались верны себе и отстаивали те принципы, на которых базировалась их доктрина в начале XX века после ее модерни-

зации в рамках нового либерализма. Хотя новые либералы и лейбористские лидеры поддерживали тесные личные связи, - Сэмюель и Холдейн были частыми гостями в доме Сиднея и Беатрикс Уэббов, а некоторые члены фабианского общества и Социал-демократической федерации входили в состав или присутствовали на заседаниях «кружка радуги», - расхождения во взглядах между двумя партиями были существенными, особенно в вопросе об отношении к частной собственности.

Еще в 1887 г. конгресс тред-юнионов выдвинул требование национализации земли, а в 1993 г. – всех средств производства. По мнению Дж. Рамсея Макдональда, причины безработицы и неравного распределения богатства состояли в том, что социальные функции промышленности (производство, обмен и потребление) были нацелены на получение частной прибыли. В хозяйстве, управляемом законами конкуренции, царили хаос и небрежение: «Пока производство ведется главным образом для получения прибыли владельцами капитала, труд не задействуется по экономическому максимуму» [12. Р.66-67]. Только регулируемое общественное производство, отслеживая баланс предложения и спроса, могло достичь оптимальной занятости. В то же время либералы допускали осторожную, поступательную муниципализацию земли, железных дорог, средств связи и коммунальных услуг, но не являлись сторонниками социализма и национализации средств производства, распределения и обмена.

Не была близка либералам и лейбористская трактовка права на труд как государственной обязанности обеспечить людей хорошо оплачиваемыми рабочими местами. Имелись в виду, во-первых, общественные работы постоянного характера и с высокими зарплатами, во-вторых, производство, управляемое муниципалитетами. Одно из лейбористских изданий утверждало: «Эти методы борьбы с безработицей являются началом национальной организации труда и концом капиталистической системы» [6. Р.122]. На что позднее Дж. Робертсон отвечал: «Общество, чьи капитаны индустрии в данный момент не могут трудоустроить рабочих в своем бизнесе без потерь, бессмысленно считать способным организовать рентабельную работу для всех безработных. ...А то, что невозможно для общества в его нынешнем состоянии, никто не может провозгласить правом» [16. Р.43]. К тому же, пояснял Робертсон, рабочие не осознавали роли, выполняемой талантливыми, умелыми предпринимателями: именно они создавали рабочие места. Местные власти явно не являлись экспертами в этом искусстве.

В рассматриваемый период лейбористы делали только первые шаги в парламенте, учились политическому ремеслу. Молодая фракция еще не смогла «нащупать своей идентичности, внутреннего стержня» и часто выглядела «всего лишь «охвостьем» либеральной партии» [4. С. 168]. По воспоминаниям Асквита, в газетных обзорах о выборах либеральные и лейбористские голоса обычно смешивались в кучу, а рабочие депутаты в электоральных и парламентских целях часто классифицировались как либералы [5. Р.236]. Но политическая самостоятельность партии труда была вопросом времени. Дж. Кейр Гарди заявлял: «Но, скажут наши так называемые дружелюбные критики, почему бы не сохранять союз с либералами, пока это возможно? Одно основание я уже привел – глупо пытаться привязать живое настоящее к разлагающемуся труп мертвого прошлого» [10. Р.75]. В обращении Независимой рабочей партии звучал призыв трудящимся постоять за себя: «До сих пор вас устраивало, что за вас думали партийные политики, и что ваше мнение формулировали за вас их наймиты в прессе. Главный смысл существования либералов и консерваторов в том, чтобы защитить интересы богатых, и не дать вам объединиться. Им это удастся, пока вы пререкаетесь по вопросам, не имеющим к вам прямого касательства. Они взывают к вашим религиозным предрассудкам, радикальному гневу, вашему патриотизму и гордости, и пока вы спорите между собой, они спокойно набивают свои карманы и опустошают ваши» [6. Р.53]. В 1906 г. в нижнюю палату прошли 53 рабочих депутата. Из них 24 формально все еще являлись членами

либеральной партии, но 29 относились к трудовикам. Через четыре года состав последних увеличился до 40 (в январе 1910 г.) и 42 (в декабре 1910 г.) человек.

Итак, рабочий вопрос оказался весьма успешным элементом политики правительства в 1906-1908 гг. Предлагаемые министрами реформы не вызвали серьезной оппозиции со стороны консервативной партии и получили одобрение палаты лордов. Значимым нововведением явилось установление пенсионного обеспечения. Эта мера стала первой в ряду последовавших важнейших социальных проектов либерального кабинета, направленных на улучшение условий жизни масс. К достижениям периода относились также отмена таффского прецедента, расширенный закон о компенсации производственных травм и акт об ограничении продолжительности рабочего дня в горнодобывающей промышленности. Вместе с тем нельзя не заметить, что полемика вокруг реформ отразила непростые отношения либералов с молодой лейбористской фракцией. Это особенно зримо в случае с мерами, направленными на улучшение условий труда рабочих. С одной стороны, принятие закона о трудовых конфликтах в лейбористском варианте и акта о восьмичасовом рабочем дне для шахтеров свидетельствовало о готовности либералов пойти на ряд уступок. С другой стороны, предпочтение, которое министры отдавали частным методам урегулирования споров между рабочими и работодателями, и отрицание прямого государственного диктата отражали сохранившееся влияние традиционных для либерализма принципов индивидуализма и свободы рук. Трудовиков не удовлетворял такой подход. Они настаивали на решительном вмешательстве власти в производственные отношения и на коллективном контроле над рынком, что, в свою очередь, категорически отрицалось либералами. Таким образом, рабочий вопрос обозначил будущие линии разлома.

Библиографический список:

1. АВПРИ, ф. «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, 1906, д. 97.
2. АВПРИ, ф. «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, 1908, д. 90.
3. Виллиам Г. Англия и англичане. // Виллиам Г. Англия и англичане. – М., 2004.
4. Сулопарова Е.А. Кейр Гарди – первый лидер британских лейбористов. //Новая и новейшая история. – 2009. - №6.
5. Asquith H. H. Memories and Reflections. 1852 – 1927. - V. 1. – Boston, 1928.
6. The Daily News Yearbook. The Reformers' Yearbook. – L., 1907.
7. English Historical Documents. 1906 – 1939. – L., 1967.
8. Fford P., Fford G. A Briviate of Parliamentary Papers (1900 – 1916). The Foundation of the Welfare State. – Shannon, 1969.
9. Haldane R. B. An Autobiography. – L., 1929.
10. Keir Hardie. Speeches and Writings (from 1888 to 1915). – Glasgow.
11. Lloyd George D. Better Times. – L., 1910.
12. MacDonald J. R. The Socialist Movement. – NY, 1911.
13. The Parliamentary Debates. 4th ser. – V. 154. – L., 1906.
14. The Parliamentary Debates. 4th ser. – V. 190. – L., 1908.
15. Reeves P. M. Round about a Pound a Week. – L., 1982.
16. Robertson J. M. The Meaning of Liberalism. – L., 1925.

Сведения об авторе

Мошкова (Фомкина) Олеся Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, *e-mail*: o.a.moshkova@yandex.ru

УДК 94(73)"1830/1856"

В.В. Прилуцкий

РАДИКАЛЬНАЯ И ПОПУЛИСТСКАЯ РИТОРИКА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМАХ АМЕРИКАНСКИХ ВИГОВ И ДЕМОКРАТОВ В 1830–1850-Е ГГ.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Проект: «Социальный протест, протестные движения, религиозные, расовые и этнические конфликты в США: история и современные тенденции».

Аннотация: В статье рассмотрены политические программы ведущих американских партий вигов и демократов в период второй двухпартийной системы США. Обе организации основывали свою политику на принципах либерализма. Демократов отличала более радикальная и популистская риторика.

Ключевые слова: политическая борьба в США в 1830–1850-е гг.; политические платформы; партия американских вигов; Демократическая партия США.

Prilutskiy V.V. The radical and populist rhetoric in the political platforms of the American Whigs and Democrats in the 1830–1850's

Abstract: The article considers the political programs of the leading American political parties of Whigs and Democrats during the second two-party system of the United States. Both organizations based their policies on the principles of liberalism. Democrats featured more radical and populist rhetoric.

Keywords: : the political struggle in the USA in 1830–1850's; political platforms; the American Whig Party; the Democratic Party of the United States.

Политическая жизнь Америки в 1830-е – начале 1850-х гг. определялась во многом соперничеством вигов и демократов. Обе ведущие партии придерживались политического и экономического либерализма, считали себя истинными демократами и республиканцами, а также вели свое происхождение от старой Республиканской антифедералистской партии, основанной Т. Джефферсоном в конце XVIII в. Обе политические силы объявляли себя патриотами и декларировали приверженность идеалам и принципам Войны за независимость США, ориентировались на взгляды Дж. Вашингтона и других «отцов-основателей».

Некоторые современники жаловались, что они часто не понимали значения политической терминологии первой половины – середины XIX в., которая не несла существенной смысловой нагрузки. Политики того времени для обозначения себя и своих оппонентов широко использовали понятия: «федералисты», «демократы», «республиканцы», «аристократы», «сторонники прав штатов» и т.п. Подобные обозначения, однако, оказывали влияние на умонастроения людей, вызывая негативные или позитивные ассоциации, которые отражались на их политическом поведении [16, р. 29–30]. Взаимные обвинения в «федерализме», который приобрел в то время отрицательное значение, оказались несостоятельными. Исследования показали, что не только многие руководители вигов, но и часть лидеров демократов являлись бывшими федералистами. Была ли существенная разница между партиями вигов или демократов? Для ответа на этот вопрос обратимся к программным положениям и заявлениям политиков и партийных идеологов.

Демократическая партия предпочитала оперировать такими понятиями, как «демократическая доктрина», «демократия», «народ», «народная воля», «народный суверенитет», «свобода», «равные права», «равенство» (речь шла не об имущественном равенстве, а о равенстве возможностей), «патриотизм», «Конституция», «Союз», «права штатов» [3]. Подоб-

ная терминология была широко представлена в обращении демократических республиканцев 1835 г., являвшемся прообразом предвыборной партийной платформы. В нем содержались классические постулаты республиканско-демократической идеологии, сформулированные «великим апостолом свободы» Т. Джефферсоном: сохранение единства и нерушимости Союза, защита гарантированных Конституцией демократических свобод, «свободных институтов» и «священных» прав граждан, обеспечение прав штатов [10].

В соответствии с либеральным принципом *laissez faire* (невмешательства государства в экономику) отстаивалась необходимость борьбы с монополиями и незаконными привилегиями финансовой олигархии, олицетворением которых стал Банк США. В последнем видели настоящего «монстра», способного стать «политическим регулятором», «подчинить своей воле купцов, установить контроль над управлением страной и процессом принятия законов» [12]. Во время борьбы вокруг Национального банка оппозиция, связанная с «аристократами», развязала настоящую «войну» против президента Джексона, «осуждая его как второго Тиберия или Калигулу, готового принести страну в жертву своих безмерных амбиций». Себя демократы в предвыборных документах называли «республиканцами, друзьями Конституции, сторонниками Джексона и его администрации, защитниками Союза» [5].

Вопрос о рабстве обходился демократами стороной. Большинство из них абсолютно не принималось северный аболиционизм и призывы к отделению южных штатов. «Республиканская партия Союза опирается на принципы, сформулированные Вашингтоном, Джефферсоном, Мэдисоном, Монро и Джексоном, которые должны привести страну к процветанию и счастью». «Настоящие республиканцы никогда не поддержат создание партий по географическому признаку на Востоке, Западе, Севере или Юге!». Необходимо опираться на принцип невмешательства во внутренние отношения и «институты» обеих секций, учитывать специфические «южные интересы». «Республиканизм и патриотизм, соединившись вместе, связывают руки аболиционистам и фанатикам на Севере и ниспровергают их доктрины». Не должно быть разницы между северными и южными республиканцами, которые обязаны чувствовать себя по отношению друг к другу «как друзья» [4].

Демократическая партия в 1840-е гг. составила полноценные политические программы современного типа с более четкими формулировками. В них были конкретизированы основные идеи джексоновских демократов 1830-х гг. Платформа демократов 1840 г. состояла из 9 пунктов. Она основывалась на «демократической доктрине», которая, в свою очередь, базировалась на «либеральных принципах, воплощенных Джефферсоном в Декларации независимости и вошедших в Конституцию». Некоторые формулировки являлись слишком обобщенными, расплывчатыми или нереализуемыми на практике. Например, требование от федерального правительства обеспечить «равенство прав и привилегий» для «всех граждан, отраслей промышленности и секций страны», чтобы «их интересы реализовывались не в ущерб друг другу».

Демократы выступали за «дешевое правительство» и максимальное уменьшение налоговой нагрузки на граждан, что было характерно ранее для программы джефферсоновской Республиканской партии: «Конституция не наделяет правительство правом финансировать и производить внутренние усовершенствования (создавать и улучшать инфраструктуру)», а также «брать на себя долги штатов по этим и другим вопросам». Банк США рассматривался как «смертельно опасное учреждение для интересов страны, для наших республиканских учреждений и свобод граждан», представляющее угрозу для «законов и воли народа». «Отделение денежных средств государства от банковских учреждений является необходимым условием для обеспечения безопасности правительственных фондов и гарантией прав людей» [9, p. 2].

Виги сосредоточили внимание почти исключительно на экономических проблемах. Выступления вигов в Конгрессе и материалы их прессы изобиловали такими понятиями, как «система платежей», «поддержка банков», «кредитование», «таможенные тарифы», «внутренние усовершенствования», «распределение излишков государственных доходов (профицита)», «организация текущих платежей», «Банк Соединенных Штатов», «распределение доходов от продажи общественных земель», «защита американской промышленности», «меры по ограничению ввоза товаров», «возобновление платежей» [11] и т.п. Неслучайно демократы называли вигов «партией Национального банка», а виги демократов – «великой партией исполнительной власти».

Представления о ранней идеологии партии вигов дают материалы в вермонтской вигской газете «*Burlington free press*» за 1836–1840 г. Виги выступали с резкой критикой Джексона от их имени «граждан великой республики», «нации свободных людей», «народа». Борьба с «президентской тиранией» стала одним из важнейших требований противников Джексона. «Глава государства в Соединенных Штатах располагает огромными полномочиями», которые могут привести к «разрушению системы разделения властей, гибели великих консервативных принципов Конституции» и «трансформации республики в монархию». Нужна «настоящая реформа» президентской власти, ограничение права вето. Очевиден вред «патронажа, осуществляемого с участием федерального правительства», поскольку он «противоречит народной воле».

Ориентирами для вигов служили администрации Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона и Дж.Кв. Адамса. Отрицательным примером был президент Джексон, «подверженный необузданным страстям, безудержной любви к власти и амбициям». Политический курс демократов якобы раскалывал страну, противопоставлял устремления Севера и Востока интересам Юга и Запада. Виги уверяли, что они поддерживают «чистый», «истинный республиканизм», являются сторонниками «джефферсоновской школы». Они противопоставляли «джефферсоновскую демократию 1801 г.» и «федерализм 1798 г., расширенный и усовершенствованный», якобы воплощенный в Демократической партии. Виги уверяли, что существенное влияние на администрации демократов оказывало масонство. Политика Демократической партии вела якобы к «захвату исполнительной властью контроля над другими ветвями власти, нарушению прав штатов, вмешательству в деятельность их правительств», «безответственности», «отмене принципа верховенства закона», «узурпации», возникновению «тайных, непрозрачных» механизмов государственного управления. Истинная демократия не может основываться на «аристократических принципах», а должна опираться на «равные права», «справедливость», «беспристрастное правосудие» [2].

Главными лозунгами вигов в период избирательной кампании 1840 г. являлись следующие: «Один президентский срок – управление экономикой – устойчивая валюта – протекционистский тариф – низкие расходы – полная оплата труда и его результатов» [8]. В первой национальной программе вигов 1844 г. большое внимание уделялось экономическим требованиям в интересах бизнеса и банков. «Великими принципами Вигской партии», направленными на «процветание общества», в ней названы следующие: «хорошо отрегулированная платежная система; тариф с целью получения доходов для покрытия необходимых расходов правительства и введение ограничений для защиты собственного производства; распределение доходов (по штатам) от продажи государственных земель; ... такое управление делами страны, которое должно придать каждой отрасли государственной службы максимально возможную эффективность, обеспечить успешное регулирование и разумную организацию экономики». В качестве политических требований были выдвинуты: «один президентский срок; реформа исполнительной власти и ограничение ее полномочий» [9, p. 8–9].

Осенью 1844 г. появилось развернутое изложение программы партии. Согласно ей вигизм базировался на четырех принципах: «1) тариф, достаточный для защиты американского производителя, приносящий доход и необходимый для обеспечения нужд правительства без учета поступлений от продажи земельных участков; 2) устойчивая национальная валюта со стабильным курсом, регулируемая нацией; 3) равное распределение средств от продажи общественных земель среди всех штатов Союза; 4) один президентский срок» [13, р. 6]. Протекционизм необходим, чтобы предотвратить «упадок американской экономики». Кроме того, высокие тарифы наполнят государственный бюджет и не позволят ввести «прямое налогообложение». «Европейские нации в течение длительного времени защищают свою промышленность с помощью строжайших запретительных мер. Некоторые из них, особенно Великобритания, используют всю свою власть, капитал и все возможности, которые у них есть, чтобы завладеть чужими национальными рынками». Демократы, выступавшие за «свободу торговли» (фритред) защищали не свою, а «инострannую промышленность». На производстве в США задействованы 3 млн. чел., которых необходимо обеспечивать продовольствием, что дает стимул для развития сельского хозяйства [13, р. 11–13, 16, 21–25]. Помимо множества региональных банков и местных финансовых систем обязательно должна быть «национальная валюта – бумажные деньги, которые могли бы обмениваться на золото и серебро по желанию владельца». Западные земли являются общенациональным достоянием, поэтому доходы от их продажи должны идти на «погашение долгов отдельных штатов» и «строительство новых школ» [13, р. 26, 30–35].

Некоторые виги, подобно федералистам, придерживались антипартийных взглядов, высказываясь против «губительного разделения на фракции». Вигские политические принципы были более консервативными, чем у демократов. Об этом свидетельствуют материалы в северокаролинской газете демократов «The North-Carolina standard» за 1840 г. В ней приводились слова массачусетского сенатора Д. Уэбстера, который заявил на одном из конвентов вигов: «Всеобщее избирательное право не должно существовать в обществе, где есть большое имущественное неравенство. В природе вещей, если те, у кого нет собственности, смотрят на своих соседей и полагают, что последние владеют большим имуществом, чем им нужно. Они не могут благосклонно отнестись к законам, направленным на защиту собственности. Когда этот класс (бедных людей) становится многочисленным, он громко заявляет о себе. Во все времена они (бедняки) видели в собственности объект грабежа и разбоя, были всегда готовы к насилию и революции». Демократы делали из этого заявления следующий вывод: «свободные люди», «трудящиеся нашей страны, которые еще не приобрели имущества, являются грабителями и анархистами». «Защита собственников от мошеннических и насильственных действий» со стороны бедных составляет «часть системы политических взглядов вигов, нацеленной на учреждение правительства, зависящего от частной собственности» [15].

Один из лидеров вирджинских вигов Б.У. Ли был более прямолинеен: «Власть и собственность могли быть разделены на некоторое время силой или обманом, но они никогда не были разлучены полностью. Когда возникнет болезненное состояние от разделения, собственность приобретет власть или власть будет приобретена собственностью». «В каждой цивилизованной стране есть те, кто зарабатывают на хлеб, трудясь на себя, работая по контракту или по принуждению на других. Рабы в восточной части государства занимают то же место, что и крестьянство и трудящиеся в нерабовладельческих штатах Союза. В настоящее время за Аллеганями проживает значительное количество крестьян, людей, которые пасут скот и возделывают землю, не имеют капитала и трудятся в поте лица своего. Все они должны быть представлены в Конгрессе, но наши рабы не имеют представительства. С точки зрения политической экономии эти два класса (рабы и фермеры) занимают одинаковое положение» [16].

ние». В связи с подобными заявлениями демократы обращали внимание «фермеров и рабочих» на то, что политические лидеры вигов стремились «ограничить их в политических правах» и «поставить на один уровень с неграми-рабами». «Богатые будут покупать голоса бедных и использовать их в своих интересах, в итоге произойдет объединение власти и собственности» [15], т.е. восторжествует олигархия.

Политическая философия вигов имела черты идеологии элиты. Против подобного элитизма выступила Демократическая партия, известным представителем которой являлся М. Ван Бюрен. Политик был видным теоретиком и идеологом партий и двухпартийной системы [17, с. 103–106]. Согласно его представлениям «в Америке отсутствует земельная аристократия, характерная для Англии», но существует финансовая олигархия («власть денег»), которая является «противником» «демократического духа страны». Олицетворением этих сил стала Федералистская партия во главе с Александром Гамильтоном, который был известен своим «предпочтением монархических институтов» [14, р. 164–169].

Исследования показали, что руководство и актив вигов и демократов состояли из представителей верхних социальных слоев. Наблюдалось противостояние между новыми и менее богатыми элитными слоями (демократами) и старой, в первую очередь финансовой элитой, выразителем интересов которой была Вигская партия. При этом электорат обеих главных американских партий являлся разношерстным. Но менее зажиточные и образованные представители среднего и низшего классов из экономически менее развитых районов предпочитали голосовать за демократов. Их также поддерживали этнические меньшинства, католики и иммигранты. Социальной базой вигов были более обеспеченные группы населения, многие белые коренные американцы и протестанты. Анализ борьбы между двумя партиями позволяет увидеть в этом процессе признаки «революции элит», поскольку происходило столкновение новых буржуазных групп и статусно приниженных слоев со старыми элитами, которых демократы называли «политической аристократией» [18, с. 107–108].

Американские демократы были нацелены на борьбу с «аристократическими» и антидемократическими силами, которых называли общим понятием «федерализм». В Америке распространились представления о некоем «заговоре в пользу Британии», который нашел воплощение в лоялизме времен Американской революции XVIII в., продолжился в якобы английском влиянии на политику Федералистской партии и лично на ее лидера Александра Гамильтона, симпатизировавшего монархии и «британским институтам», а также в решениях «предательского» Хартфордского конвента 1814 г.

Политическое кредо демократов составили 9 основных положений, впервые сформулированные в платформе 1840 г. Они были дословно воспроизведены во всех программах партии вплоть до 1856 г. В связи с происходившими политическими процессами в них вносились необходимые дополнения. В платформу 1844 г. были включены антивигские положения: «Средства, поступающие от продажи общественных земель, должны быть направлены на общенациональные нужды, а не распределены между штатами, как это было предусмотрено в недавно принятых законах». Известно, что виги боролись с сильной исполнительной властью, с «диктаторскими» полномочиями главы государства. Демократы, наоборот, «выступали против ограничения президентского права вето», поскольку большие полномочия главы государства во времена Джексона «спасли американский народ от коррумпированного и тиранического господства Банка Соединенных Штатах».

В 1844 г. демократы заявили о своей безусловной и всесторонней поддержке экспансионизма: «Наше право на всю территорию Орегона является ясным и бесспорным; ни одна его часть не должна быть передана Англии или любой другой державе. Занятие Орегона и аннексия Техаса в кратчайшие сроки – великие задачи для Америки, которые настоящий

конвент рекомендует всеми силами поддержать Демократической партии Союза» [7]. Таким образом, важными требованиями Демократической партии во второй половине 1840-х – 1850-е гг. оставались экспансия и защита прав штатов. С каждым годом в их программных документах усиливалась прорабовладельческая составляющая. В то же время, наблюдалось и осознание необходимости создания в стране развитой транспортной инфраструктуры, что сближало демократов с вигами.

Важнейшей задачей Вигской партии в 1830-1840-е гг. являлось стремление ограничить в той или иной форме исполнительную власть, затруднить или запретить президенту без разрешения Конгресса снятие и назначение чиновников на должности. Пространные речи и трактаты Уэбстера и других вигских лидеров были посвящены конституционно-правовым вопросам, проблемам отношений между президентом, сенатом и органами исполнительной власти. «Вопрос о патронаже» – один из главных, поскольку распределение должностей президентом, как это делали демократы, приведет к тому, что «народ может впасть в состояние безграничной по размерам коррупции» [6, 49–50].

Виги традиционно были приверженцами общих политических формулировок. Массачусетский конвент вигов в 1849 г. в своих резолюциях утверждал, что «Вигская партия, рожденная в борьбе с тиранией, руководившая Американской революцией, имея Вашингтона в числе своих лидеров, есть партия свободы, закона и народных прав». «Реформа – это плохо, консерватизм – хорошо, прогресс и развитие экономики – краеугольные камни массачусетской вигской политики». В программном обращении национального конвента 1852 г., состоявшем из 8 пунктов, также свидетельствовалось о приверженности неким «великим консервативным принципам» [1, р. 9].

Вигские партийные программы 1848 г. и 1852 г. свидетельствовали о том, что организация не определила отношение к рабству. Виги Массачусетса и некоторых других штатов Севера выступали за «отмену и недопущение рабства на территориях». После 1850 г. виги переживали глубокий идейный кризис: они одобрили компромисс Клея, но так и не смогли выработать единую, устраивавшую все фракции, позицию по значимым социальным вопросам. Центристское руководство партии лавировало между различными группами. Нерешенный вопрос о рабстве привел к распаду Вигской партии: в конечном итоге в середине 1850-х гг. радикальные и либеральные виги Севера примкнули к республиканцам, а консерваторы Юга – к демократам.

Виги и демократы основывали свою политику на принципах либерализма. Позицию вигов справедливо рассматривать как либерально-консервативную. Джексоновцев же отличали либерально-демократические и либерально-радикальные воззрения. Дело в том, что в условиях неразвитого американского капитализма экономика нуждалась в поддержке государства, в мерах протекционизма, поэтому Вигская партия выступала за активное государственное вмешательство в хозяйственную жизнь страны. Кроме того, виги оказались консерваторами в политической сфере, приверженцами элитарной демократии, что роднило их с американскими федералистами конца XVIII – начала XIX вв. Виги испытывали страх перед демократическими институтами, боялись «черни». Они утверждали, что народ виновен во всех своих бедствиях, поскольку он способствовал созданию системы «дешевых» бумажных денег, образованию огромного государственного долга и учреждению многочисленных корпораций. В то же время, виги с успехом заимствовали у демократов радикальную и популистскую риторику, что способствовало их победам на выборах [19, с. 98–99, 103–109, 128–131]. Партия вигов оказалась слабее демократов в организационном и идеологическом отношении. Для Демократической партии в целом была характерна более радикальная риторика, чем у вигов, что сближало ее с протестными движениями.

Библиографический список

1. Address and Resolutions, Adopted at the Whig State Convention, Worcester, October 3, 1849. – Boston: Eastburn's Press, 1849. – 32 p.
2. Address to Freemen of the State of Vermont, on the reading of the 9-th resolution, at the Vermont State Convention. By the Hon. William Slade // Burlington free press. – Burlington (Vermont). – 1836. – November 4. – P. 1–2.
3. Address. To the Democratic Republicans of the United States // The Geneva gazette. Geneva (N.Y.). – 1835. – August 19. – P. 4.
4. Address. To the Democratic Republicans of the United States // The Geneva gazette. Geneva (N.Y.). – 1835. – August 26. – P. 4.
5. Address. To the Democratic Republicans of the United States // The Geneva gazette. Geneva (N.Y.). – 1835. – September 2. – P. 1, 4.
6. An Appeal from the New to the Old Whigs: In Consequence of the Senate's Course, and Particularly of Mr. Webster's Speech Upon the Executive Patronage Bill. By a Whig of the old school (C.F. Adams). – Boston: Russell, Odiorne & Co., 1835. – 52 p.
7. Democratic Party Platform of 1844. May 27, 1844 [Electronic resource]. – Mode of access: URL:<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29573>. – Date of access: 10.01.2018.
8. For President. William Henry Harrison. For Vice-President. John Tyler, of Virginia. Address. To the Freemen of Vermont // Burlington free press. – 1840. – November 6. – P. 2.
9. National Party Platforms. 1840-1960 / Compiled by D.B. Johnson, K.H. Porter. – Urbana: The Univ. of Illinois Press, 1961. – 640 p.
10. Statement by the Democratic Republicans of the United States. Washington, July 31, 1835 // History of American Presidential Elections. 1789-1968: In 4 vols. / Ed. by Schlesinger A.M., Jr. N.Y., 1971. Vol. 1. P. 616–638.
11. St. Lawrence Republican. Ogdensburgh (N.Y.). – 1836. – July 12. – P. 2.
12. The National Bank Party // The North-Carolina standard. Raleigh (North Carolina). – 1840. – November 4. – P. 2.
13. The Whig Party: Its Objects – its Principles – its Candidates – its Duties – and Its Prospects. An Address to the People of Rhode-Island, Published in the Providence Journal, in a Series of Articles During the Months of September and October, 1844. By W.R. Watson. – Providence: Knowles and Vose, Printers, 1844. – 44 p.
14. Van Buren M. Inquiry into the Origin and Course of Political Parties in the United States (1st edition – 1867). – N.Y.: August M. Kelley Publishers, 1967. – 436 p.
15. Voters – Working-Men // The North-Carolina standard. – 1840. November 4. – P. 1.
16. Welter R. The mind of America, 1820-1860. – N.Y., L.: Columbia univ. press, 1975.– 603 p.
17. Власова М.А. Партии в XIX веке как элемент политической культуры США // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. – М.: Наука, 2001. – С. 95–122.
18. Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. – М.: Весь мир, 2013. – 352 с.
19. Харц Л. Либеральная традиция в Америке. – М.: Прогресс, 1993. – 400 с.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, телефон: +7-953-2729-574, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 944.17(091)

А.Г. Роленков

НАЧАЛО МИССИИ ЖОЗЕФА ФУШЕ В ЛИОНЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье рассматриваются первые шаги проконсулов Конвента Ж.-М. Колло-д'Эрбуа и Ж. Фуше во время их миссии в Лионе. Главное внимание уделено социально-экономической политике, проводившейся Фуше с ноября 1793 г. по апрель 1794 г.

Ключевые слова: Ж. Фуше, Ж.-М. Колло-д'Эрбуа, Лион, террор, равенство, экономика

Rolenkov A.G. The beginning of the Joseph Fushe mission in Lyon: the socio-economic aspect

Abstract: In the article it is said about the first steps of the proconsuls of the Convention J.-M. Collo-d'Erbois and J. Fouché during their mission to Lyon. It gives its main attention to the socio-economic policy pursued by Fouché from November 1793 to April 1794.

Keywords: J. Fouché, J.-M. Collo-d'Erbois, Lyon, terror, equality, economy

29 мая 1793 г. восстание городских секций Лиона положило конец продолжительному политическому кризису и привело к падению местных радикалов во главе с их лидером – М.-Ж. Шалье. Спустя полтора месяца, 17 июля Шалье был казнен, а революция обрела нового «мученика свободы». Потеряв возможность договориться с мятежным городом, Конвент прибег к силе. Ровно два месяца – с 9 августа по 9 октября 1793 г. – длилась осада Лиона республиканской армией. 9 октября (18 вандемьера II г.) Кутон, выполнявший функции представителя народа в миссии, принял капитуляцию и въехал в город. Спустя три дня, 12 октября, Конвент принял декрет, обрекший второй город Франции на разрушение и потерю имени: «Лион восстал против свободы; Лиона больше нет» [6, с.459]. Древняя столица Галлии отныне называлась Коммюн-Аффранши (Освобожденная коммуна – А.Р.).

Несмотря на ожидание неистового террора и актов мести, во время проконсульства Кутона в Лионе репрессии свелись к минимуму. Он, как мог, старался защитить собственность, покарать лишь руководителей восстания, не позволить «друзьям Шалье» предаться слепой мести. С каждым днем подобная тактика встречала все больше неодобрения как у лионских так и парижских радикалов [9, с.117-127]. Одни хотели расквитаться со своими обидчиками за 29 мая, другие, показательно покарвав Лион, отбить всякое желание последовать его примеру неподчинения. В такой ситуации дальнейшее нахождение в Лионе все сильнее тяготило «триумвира». В письме Сен-Жюсту он просил о переводе в Тулон, ссылаясь на недомогание вследствие холода, который «ощутимо усиливает мои боли» [24, р.530]. Оказавшись меж двух огней: необходимостью реализовывать декрет Конвента и собственным нежеланием выполнять его, Кутон в начале ноября 1793 г. покинул Лион. Однако, несмотря на всю свою «умеренность», Кутон «создал репрессивную машину, оставив другим приведение в действие ее механизмов» [26, р.526]: основал военную и гражданскую комиссии для наказания всех причастных к восстанию, вернул некоторых видных ультра к власти: старого соратника Бертрана на пост мэра Лиона - эбертиста Дорфея

9 брюмера (30 октября) II г. Конвент постановил, что «граждане Колло-д'Эрбуа, Монто и Фуше (из Нанта)... незамедлительно отправятся в Вилль-Аффранши в качестве представителей народа для выполнения декретов и принятия всех мер общественного спасения; они облечены теми же полномочиями, что и другие представители народа, направленные к армиям» [13, р.52]. Новые проконсулы Ж.-М. Колло-д'Эрбуа и Ж. Фуше представляли крайнее левое крыло революционеров. Колло-д'Эрбуа – член Комитета общественного спасения, не-

пререкаемый авторитет среди якобинцев и санкюлотов, человек, первым предложивший законодательно упразднить монархию на заседании Конвента 21 сентября 1793 г., активный борец с федерализмом [1, с.33-39]. Фуше, бывший ораторианец, преподававший в коллежах конгрегации, еще год назад малозаметный депутат Конвента, с марта 1793 г. находился практически постоянно в миссиях, где зарекомендовал себя последовательным сторонником жесткой эгалитаристской и атеистической политики [8, с.96-104].

Не последнюю роль в назначении выбранных кандидатур сыграли требования парижских радикалов. Под конец 1793 г. образовался широкий фронт сил, выступавших за усиление террора. Эбертисты в Париже и провинции имели широкую поддержку санкюлотов и революционной армии. В Лионе их идеям симпатизировали лидеры ультралевых - Шалье и Бертран, несмотря на восхищение Маратом, по своей политической, экономической и культурной программе, являвшиеся скорее последователями «Папаша Дюшена», нежели «Друга народа». Важную роль играло секционное движение, которое в Лионе, как и в столице, являлось оплотом эбертизма, эгалитаристских и антирелигиозных настроений, орудием практики прямой демократии.

Помимо эбертистов, опиравшихся непосредственно на улицу и секции, в правительственных комитетах находились люди, выступавшие против ослабления террора: Бийо-Варенн и Колло-д'Эрбуа в Комитете общественного спасения, Вадье, Амар и Вуллан в Комитете общей безопасности. Кроме того, немало депутатов Конвента, якобинцев и кордельеров поддерживало репрессии. Осенью 1793 г. запрос на террор был достаточно сильным, как со стороны революционного правительства, так и со стороны санкюлотов. Существовал известный консенсус в позициях эбертистов и крайних левых представителей центральной власти.

Ультра-революционеры были довольны новыми проконсулами. Эбер в «Папаше Дюшене», обращаясь к «бесстрашной паре Колло и Фуше», призывал: «Снесите, стирайте с лица земли, предавайте огню дворцы каждого подлого торговца (*canaille marchande*) этого мятежного города, осмелившегося заявить о контрреволюции» [23, р.7]. Наказание Лиона – не просто акт законный мести, но и «урок, который будет приводить в ужас федералистов Руана, Бреста и других городов бывшей Нормандии и Бретани». Вместе с Колло и Фуше отправилась группа членов парижского Якобинского клуба, которые должны были оказывать помощь представителям народа в миссии [27, р.487].

Первым прибыл на место в начале ноября Колло-д'Эрбуа, делившийся впечатлением о ситуации в городе с Комитетом общественного спасения. Картина получилась неутешительной: Лион покорен, но «не обращен в новую веру», санкюлоты слабы, «преступная аристократия» не побеждена и «думает любыми средствами выкрутиться из своего положения». Арестованные «бывшие», т.е. аристократы и дворяне, «вскипают от ярости в ожидании суда», другие спрятались или скитаются по окрестностям.

Действия администрации далеки от совершенства: работы по разрушению идут очень медленно, «военная комиссия, зачастую, служит для предания суду тех, против кого она не нашла никаких доказательств» и, как следствие, отпускает подсудимых на свободу [25, р.287]. Остро стоял продовольственный вопрос. По словам комиссара, еды едва хватало на три дня. Но самую большую озабоченность, смешанную с раздражением, вызывало отсутствие отклика на революционное правосудие со стороны горожан: «Даже казни не дают того эффекта, который мы вправе были ожидать. Долгая осада и ежедневные опасности вызвали и внушили своего рода безразличие к жизни, если не полное презрение к смерти».

Средствами исправления ситуации Колло считал воодушевление патриотов, ужесточение трибунала и приезд революционной армии. Большие надежды возлагались на столичных якобинцев: «Прибывшие якобинцы будут задействованы с пользой» [25, р.287-288]. Хотя в

официальной риторике санкюлотам и соратникам Шалье отводилась важная роль, но на практике их старались удалить от принятия решений. Комиссары день ото дня усиливали контроль над местными органами власти.

С этой целью в дополнение к учрежденным Кутоном судебным комиссиям – военной и гражданского правосудия, 20 брюмера (10 ноября) Фуше, Колло и Лапорт создали Временную комиссию республиканского надзора (Commission temporaire de surveillance républicaine). Главной ее задачей было «следить за быстрым исполнением как их (комиссаров – А.Р.) постановлений, так и декретов Национального Конвента» [15, р.3], инспектировать власти в муниципалитетах и дистриктах. Полицейские функции комиссии выражались в надзоре за подозрительными, мерами общей безопасности и полиции в департаментах Роны и Луары. Одна ее часть находилась в Коммюн-Аффранши, а другая, мобильная, разъезжала по департаменту с надзорными функциями. Для большей эффективности комиссию поделили на три комитета: секвестров, разрушений и приема доносов. Объединив административные и полицейские функции, комиссия превратилась в грозный механизм реализации распоряжений проконсулов.

Практически все ее члены, «признанные ревностными патриотами», прибыли из Парижа, Ньевра и Мулена. Во главе комиссии стоял парижанин Ж.-Б. Марино, «человек суровый, безжалостный, соединявший жестокость с мрачным сарказмом» [16, р.187-188], в будущем его заменил Дюамель. При подборе кадров для комиссии на первый план выходила личная лояльность к проконсулам. До половины членом оказалось креатурами Фуше: Агар, Делан, Гримо, Вер, Дювике и другие. Все эти люди в той или иной степени были близки к крайнему левому крылу якобинцев и даже к эбертистам, имели связи с Парижской Коммуной и клубом Кордельеров.

Подобная реформаторская деятельность представителей народа в миссии встретила неодобрение у наиболее революционно настроенной части общества – санкюлотов, сконцентрированных в наблюдательных комитетах секций. Превратившись во II г. в силу национального масштаба, комитеты, зачастую, посягали на авторитет центральной власти. Именно стремление Фуше и Колло взять под контроль эти деятельные санкюлотские органы стало одной из причин создания Временной комиссии: «Комиссия будет руководить и воодушевлять различные революционные комитеты, внимательно рассматривать их состав, а также установленных властей, производить в них чистку и все необходимые изменения» [15, р.3]. Столь неприкрытое посягательство комиссии на прямую демократию создало почву для конфликта между «друзьями Шалье» и проконсулами.

Меры Фуше и Колло по ограничению политической активности санкюлотов шли в русле тактики официального Парижа. 19 вандемьера II г. (10 октября) Конвент принял декрет, гласивший: «Временное правительство Франции будет революционным до заключения мира» [2, с.238]. Начался процесс усиления централизации, неизбежно затронувший революционные комитеты и собрания секций. Происходило последовательное выстраивание жесткой вертикали власти и «объединение всех исключительных мер в руках одного Комитета (общественного спасения – А.Р.)» [6, с.441].

Стоит сказать, проблема взаимоотношений наблюдательных революционных комитетов и центральной власти назревала давно. Изначально комитеты появились в марте 1793 г. для слежки за иностранцами, проживавшими на территории коммун или секции и теми из них, кто собирался туда переехать [4, с.233-235]. Существенно увеличил их власть декрет «О подозрительных» 17 сентября 1793 г., передавший им широкие полицейские функции: составление списков подозрительных, проведение арестов, опечатывание бумаг задержанных [2, с.265-266]. Одновременно, деятельность комитетов сопровождала жесткая критика. Обы-

ски сопровождалась кражами, незаконными конфискациями и арестами, правом выдачи свидетельств о цивизме открыто злоупотребляли. Вооруженные декретами Конвента и пользовавшиеся широкой независимостью, комитеты нередко превращались в орудие сведения личных счетов под предлогом борьбы с контрреволюцией. В этом плане Лион ничем не отличался от других городов, на что указывал Колло-д'Эрбуа в письме Робеспьеру: «Личная месть разрывает установленные революционные комитеты до такой степени, что они слепы в отношении общественной мести» [25, р.667].

С сентября 1793 г. комитеты превратились в важное первичное звено террористической системы. Будучи прибежищем левых всех мастей, они стали оплотом идей эбертистов, «бешеных», теорий прямой демократии. В результате, осенью 1793 г. встал вопрос: как «разрешить проблему взаимоотношений между народной демократией и Революционным правительством?» [11, с.40]. При всех реверансах санкюлотам руководители революционной Франции понимали: власть в столь драматическое время, каким был II г., не может дробиться и эффективно выполнять свои функции пока ее оспаривают полусамостоятельные параллельные властные институты.

Однако Фуше и Колло приходилось действовать осторожно, не раздражая лишней раз местных патриотов. В столь щекотливой ситуации им и пригодились пришлые якобинцы. Фуше использовал их в качестве «противовеса в комитетах, судебных комиссиях и революционных трибуналах местному якобинскому элементу, дышащему слепыми репрессиями, массовыми убийствами и разрушениями, стремившемуся заставить дорого заплатить федералистов за смерть его друга Шалье» [22, р.125].

Параллельно Фуше и Колло ужесточили революционное правосудие в духе II г. Ни личные знакомства, ни связи, ни муки совести не должны были влиять на принятие решений: «Убежденные, что нет невиновных в этом подлом городе кроме тех, кто был угнетен или закован в цепи убийцами народа, мы не доверяем слезам раскаяния...». Каждый житель Лиона, за редким исключением, в глазах проконсулов - потенциальный преступник, которому следовало позаботиться о доказательствах невиновности. Лучше всего настрой комиссаров подтверждают цифры. Военная комиссия с 12 октября по 11 ноября вынесла 26 смертных приговоров, а за шестнадцать дней с 12 по 28 ноября их количество возросло до 76 [28, р.479-480].

Находясь над схваткой, Фуше и Колло дистанцировались от «местного якобинского элемента»: «Мы удалили от нас всех людей, поскольку нет времени на сантименты, которые им нужно оказывать». Они ограничили доступ в особняк на набережной Сен-Клер, ставший их штаб-квартирой. Право посещать слуг народа имели лишь граждане, обладавшие удостоверением о цивизме; правом прямого обращения пользовались городские власти и члены народного общества, сообщив в письменной форме цель визита.

После недели существования 26 брюмера (16 ноября) Временная комиссия выпустила инструкцию-обращение к муниципальным, коммунальным и департаментским властям Роны и Луары. В ней излагались цели, задачи и принципы революции. В заголовке документа вынесли сверхзадачу: «Цель Революции – счастье народа». Народ – 24 миллиона простых граждан, «главным образом, огромный класс бедняков» [15, р.6], исключая дворян, священников, богачей и прочих контрреволюционеров.

Инструкция больше, чем просто рядовая прокламация Фуше и Колло-д'Эрбуа. Она наметила стратегию их дальнейших действий. Резкие формулировки, несшие в себе «всю экзальтацию той эпохи», доводили до аудитории идею «тотальной революции» (*révolution totale*). Приказной тон позволял склонить колеблющихся на сторону нового порядка и подавить сопротивление. Недаром текст завершалось ультимативное обращение к лионским вла-

стям: «Время полумер и уловок прошло, помогите нам наносить великие удары или вы первыми будете их ощущать. Свобода или смерть. Думайте и выбирайте» [15, p.13].

Центральное место в инструкции отводилось идее «всеобъемлющей революции». Речь шла не просто о политической и культурной революции, уничтожившей Старый порядок, а о революции в умах и душах людей. Один из главных постулатов революции сознания и души – изживание в себе рабства, свойственного временам королевской власти: «Нет ничего, абсолютно ничего общего между рабом тирана и жителем свободного государства. Их привычки, принципы, чувства, поступки - все должно быть другим» [15, p.8].

При такой решительной постановке вопроса в покоренном Лионе предстояла тяжелая работа по отделению патриотов от врагов народа. В связи с этим, республике необходимо было прибегнуть к террору в отношении своих врагов: «Вы были угнетаемы, вы должны раздавить ваших угнетателей. Республика желает в своем лоне иметь больше свободных людей, всех других она определила к истреблению, и признает своими детьми только тех, кто будет жить, сражаться и умирать за нее». Призывы к физическому уничтожению врагов народа в Коммюн-Аффрианши звучали в унисон с речами якобинских лидеров. Сен-Жюст 10 октября с трибуны Конвента утверждал: «Нельзя надеяться на благоденствие до тех пор, пока не погибнет последний враг свободы. Вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать тех, кто остается бездеятельным в Республике и ничего не делает для нее» [10, с.94].

Стремление к применению карательных мер подогревала катастрофическая ситуация на фронтах, в Вандее, в экономике и других областях жизни. Простой народ, зачастую, видел спасение в действии гильотины. Особенно ярко «стихийная вера во всемогущество насилия» проявилась во время кризисного лета 1793 г., квинтэссенцией которого стало народное движение 4-5 сентября и постановка террора в порядок дня. Репрессии по отношению к контрреволюционерам были объявлены главным средством спасения революции, нации, республики. При этом на время социальный санкюлотский террор соединился с политическим – якобинским.

В Лионе семена террора пали на благодатную почву. Недавно пережитое восстание, психология осажденной крепости, требования общественного спасения - все подталкивало к репрессиям: «Общественная польза требует, чтобы мы сеяли террор среди врагов, карали их за преступления» [15, p.8]. Виновных поделили на две группы. Первые, кто «прямо или косвенно способствовал восстанию» подлежали смертной казни. Вторые, помимо перечисленных в декрете о подозрительных, те, кто, прикрываясь законом угнетали народ, жили за счет «распрей своих братьев», симпатизировали неприсягнувшим священникам лионским мятежникам - «гончие псы феодализма» - юристы, адвокаты - «*homme de loi*».

В ситуации, когда враг скрывался повсюду, успех «национального надзора» напрямую зависел от беспристрастности и бдительности: «Ни возраст, ни пол, ни родственные узы, не должны вас удерживать, действуйте без страха, уважайте только санкюлотов» [15, p.10]. Террор проистекал из суверенного народа, взявшего на себя задачу распознавания и наказания собственных врагов. При том никаких проявлений снисходительности к виновным. Прощение – проявление слабости и свойственно монархии: король прощал будучи «слабым, трусливым, бессильным». Народ – средоточие добродетелей, он «возвышен, великодушен, его могущество не знает границ» [20, p.70]. Это отражение политического языка II г., одним из общих мест которого являлась вера в абстрактный, непогрешимый народ, воспетый и наделенный Мишле «щедростью чувств и сердечной добротой» [7, с.10].

Требования к гражданам быть политически активными сочетались с предупреждениями в отношении революционной позы: «Вы (революционеры –А.Р.) не будете настолько глу-

пы, чтобы рассматривать как патриотические поступки некоторые вынужденные и показательные действия, с помощью которых изменники часто пытались вас лучше обманывать» [15, р.9]. Это был сигнал «друзьям Шалье»: теперь их чрезмерное рвение могло рассматриваться как прикрытие контрреволюционных планов. «Любой горячий и пылкий характер, в сущности, вдохновляется Старым порядком, только бесстрашность, не противоречащая патриотическому рвению, подходит настоящему республиканцу» [14, р.195] -так рассуждало революционное правительство в борьбе с ультра-революционерами, так будет рассуждать Фуше весной 1794 г., нанося удары лионским радикалам.

Социальным вопросам важным и для Фуше, и для успеха «тотальной революции» в инструкции отводилось не последнее место. Программа социальных преобразований включала в себя уничтожение «невообразимых жестокостей», установление достойной заработной платы, ликвидацию роскоши, ассоциировавшейся с пороком и контрреволюцией. Особое внимание уделялось «буржуазной аристократии» - нуворишам, сделавшим состояние в период революции. Допустить ее существование, означало позволить появиться финансовой, а потом и дворянской аристократии, которая незамедлительно восстановила бы трон. Возвращение же монархии несло с собой самые мрачные призраки прошлого: «Колесования, темницы, барщины, мэнморты, десятины, тальи - вот каковы перспективы, вот итог незавершенной революции» [15, р.7].

Эгалитаристский дискурс упорно подчеркивал: богатство, неравенство состояний – прямая угроза реставрации Старого порядка, любой богач – подозрительный. Главными мерами упразднения социального неравенства стал революционный налог, превышавший в три раза годовой доход и реквизиции. Основное денежное бремя падало на аристократов: «...пусть оплачивают войну, которую вызвали одни они и их сторонники». Однако другие категории населения не освобождались от поддержки революции: «Любой человек, обладающий чем-либо сверх необходимого, должен принимать участие в этой чрезвычайной помощи» [16, р.10]. В материальном виде помощь революции активно оказывало все население. Например, 19 брюмера (9 ноября) власти реквизировали пальто, куртки и кюлоты; 21 брюмера (11 ноября) – ботинки [22, р. 130]. Собранная одежда, обувь, кюлоты шли в республиканскую армию, испытывавшую серьезные проблемы с интендантской службой и остро нуждавшуюся в них, особенно зимой.

Эгалитаризм, столь любимый санкюлотами, не терпел ни малейшего неравенства: любой «излишек (superflu) является неприкрытым и необоснованным нарушением прав народа». «Каждый человек, обладающий лишним сверх своих потребностей, не может этим пользоваться, он может этим только злоупотреблять» [15, р.10-11]. По мысли Фуше, в эпоху равенства не находилось места чрезмерному богатству и бедности. Отсюда вытекала логика его решений: с одной стороны он ликвидировал излишки, с другой – убирал с улиц нищих, бродяг, стараясь обеспечить работой трудоспособное население. В этом направлении Фуше демонстрировал большие усилия, при нем Лион «превращается в громадную национальную мастерскую»: одни рушили дома, другие одевали и вооружали армию, третьи добывали селитру.

Обращает на себя внимание активность Фуше в реализации социальных проектов. Конец брюмера II г. ознаменовался серией специальных постановлений комиссаров и департаментской директории. Прежде всего, приняли решение покончить с нищетой. Распоряжением от 24 брюмера (14 ноября) все «больные граждане, старики, сироты, неимущие будут обеспечены жильем, накормлены и одеты за счет богатей соответствующих кантонов; символы нищеты будут полностью уничтожены» [17, р.5]. Несмотря на эффектные формулировки, претворение в жизнь данного решения представлялось практически невозможной: эко-

номика, социальное обеспечение – все находилось в разрушенном состоянии. «Символы нищеты» пришлось ликвидировать волевым решением: «Все попрошайки и праздношатающие будут подвергнуты тюремному заключению». Так с улиц Лиона исчезала нормальная для Бурбонов, но постыдная для Республики бедность. Власти были обязаны предоставить трудоспособным гражданам возможность заниматься работой и ремеслом.

Вместе с тем проконсулы озаботились поддержкой традиционного лионского ремесла – шелкоткачества. Хотя эта отрасль промышленности практически умерла, распоряжением от 16 фримера они распорядились сообщать о «вероломных инсинуациях, побуждающих народ рубить тутовые деревья...»[18, р.142]. Стараниями Фуше была организована оружейная мастерская в Валансе и упорядочена транспортировка угля по Луаре [3, с.63].

Активность Фуше в вопросах регулирования промышленности выходила за пределы Лиона и департамента Роны. К примеру, 22 фримера (12 декабря) лионские комиссары предписали мануфактурам Арм-Коммюн (Сент-Этьенна–А.Р.) прекратить «производство пик, охотничьих ружей, нестандартного оружия, чтобы заниматься только выпуском ружей, карабинов и патронов для пистолетов»[19, р.165].

Сложной и напряженной была продовольственная ситуация в Лионе, чему способствовали несогласованность действий властей и свободная трактовка ими права захвата реквизированных припасов [5, с.350]. Согласно «Инструкции» обязанность обеспечивать рынки продовольствием возлагалась на революционные и продовольственные комитеты секций [15, р.12]. 24 брюмера, как и в Ньевре, Фуше обязал булочников печь один-единственный сорт хлеба – пресловутый «хлеб равенства». Данное постановление признали настолько удачным, что его одобрила Парижская Коммуна и приняли в 11 департаментах юго-востока [22, р.132].

Указ департаментской директории 28 брюмера (18 ноября) изменил правила содержания под стражей аристократов. Равенство добралось и до тюрем. Отныне все арестанты вне зависимости от социального положения питались и содержались одинаково [17, р.5]. Не была упущена и борьба с «презренным металлом», которой славился Фуше: золотые и серебряные украшения, дорогая посуда, столовое серебро подлежали конфискации в государственную казну. «Очищенные огнем они будут служить только общественной пользе» [15, р.11]. Все эгалитаристские призывы инструкции и меры по их претворению в жизнь несли на себе отпечаток практик и речей Фуше, использовавшихся им в предыдущих миссиях в департаменты Ньевр и Аллье. В Лионе он продолжил поддерживать и укреплять репутацию комиссара, спасавшего революцию «энергичной классово-политикой в пользу санкюлотов»[6, с.442], но при этом Фуше не маргинализировал социальную политику в духе «бешеных», проповедуя «аграрный закон» и коллективизацию средств производства.

Другим важным вопросом, являлся процесс разрушения городских построек, прописанный в декрете Конвента. Постановлением от 23 брюмера (13 ноября) теперь специальные инспекторы распределяли рабочих по объектам и контролировали ход работ. Секционные власти составляли списки, любой, не внесенный в них и без соответствующего документа, отстранялся от работы. К демонтажу запрещалось привлекать детей, а количество женщин не могло превышать пятой части от общего числа рабочих. Главными целями для молотков и ломов санкюлотов стали дома и особняки на площади Федерации, бывшей площади Беллькур, и район площади Терро, служивший местом «встреч родовитой аристократии», биржевиков и торгашеской аристократии», «построенные за счет их (санкюлотов –А.Р.) трудов, скрепленные их кровью, потом и слезами» [21, р.97].

С первых дней нахождения в Лионе Фуше и Колло-д'Эрбуа продемонстрировали решительный разрыв с методами Кутона. Вооруженные декретом 12 октября и поддержкой ультра-революционеров, они начали принимать жесткие и решительные меры. Одновремен-

но комиссары старались насколько можно оживить экономическую жизнь в городе и департаменте, решить остро стоявшие социальные вопросы.

Курс Конвента по сосредоточению власти в руках правительственных комитетов требовал от Колло с Фуше насаждения политики «диктаторской централизации власти». На этом пути этапным решением стало учреждение 20 брюмера Временной комиссии республиканского надзора, облеченной широкими административно-полицейскими функциями. Превратившись в мощное подспорье для Колло и Фуше, она в тоже время явилась причиной увеличивавшегося неудовольствия «друзей Шалье» ограничением их политической самостоятельности. Теоретическое обоснование тактики проконсулов было изложено в программной «Инструкции», отличавшейся непримиримым эгалитаристским и террористическим дискурсом.

Деятельность Фуше не ограничивалась одной репрессивной политикой. Уделяя в теории и на практике большое внимание социальным вопросам, Фуше подтвердил репутацию одного из самых последовательных сторонников уравнительной политики. При всем этом видеть в Фуше коммуниста было бы анахронизм [12, с.39]. Его «коммунизм» сводился к установлению равенства доходов, имуществ, возможностей, что сближало будущего герцога Отрантского с крайне левым течением революционной политической мысли – эбертистами.

Библиографический список

1. Блуменау С.Ф. Колло-д'Эрбуа и начало федералистского восстания// Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 8: Англия, Франция, Германия, мусульманский Восток. Брянск, 2002.
2. Документы истории Великой французской революции. В 2-х т. Т.1. / Отв. ред. Адо А.В. М., 1990.
3. Егоров А.А. Фуше. Ростов-на-Дону, 1998.
4. Захер Я.М. Французская революция в документах 1789-1794. Л., 1926.
5. Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.-Л., 1928.
6. Матъез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
7. Мишле Ж. Народ. М., 1965.
8. Роленков А.Г. «Террор равенства»: миссия комиссара Фуше в департаментах Центра и Запада Франции летом-осенью 1793 г.// Вестник Брянского государственного университета. №4 (30). 2016.
9. Роленков А.Г. Миссия предшественника Ж.Фуше в Лионе – Ж. Кутона// Известия Смоленского государственного университета. №1 (37). 2017.
10. Сен-ЖюстЛ.-А. Речи. Трактаты. СПб., 1995.
11. Собуль А. Первая Республика. М., 1974.
12. Цвейг С. Жозеф Фуше: Портрет политического деятеля. Мария Стюарт/ Цвейг С. Собрание сочинений. В 8 т. М., 2009. Т.3.
13. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787–1799). Т. I – СII. P, 1862–1888. Т. LXXVIII.
14. Boulant A. Le suspect parisien en l'an II // AHRF. 1990. №280.
15. de la Chapelle S. Histoire des tribunaux révolutionnaires de Lyon & de Feursétablisen 1793 par les représentants du peuple et liste des contre-révolutionnaires mis à mort. Lyon, 1879.
16. Delandine A.-F. Tableau des prison de Lyon. Lyon, 1797.
17. Journal de Ville-Affranchie et des départemens de Rhône et Loire. 1793. № 1.
18. Journal de Ville-Affranchie et des départemens de Rhône et Loire. 1793. № 24.
19. Journal de Ville-Affranchie et des départemens de Rhône et Loire. 1793. № 27.
20. Journal républicain des deux départemens de Rhône et de Loire. 1794. №11.
21. Journal républicain des deux départemens de Rhône et de Loire. 1794. №15.
22. Madelin L. Fouché. Т.1-2. P., 1901. Т.1.
23. Père Duchesne. 1793. №320.

24. Recueil des actes du Comté de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. T.1-25. P.,1889-1910. T.7.
25. Recueil des actes du Comté de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. T.1-25. P.,1889-1910. T.8.
26. Sève M.-M. Sur la pratique jacobine: la mission de Couthon à Lyon// AHRF.1983.№254.
27. La Societe des Jacobins.Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. T.1-6. P.,1889-1897. T.5.
28. Tableau general des victims & martyrs de la Révolutionere Lyonnais, Forez et Beaujolais. Spécialement sous le Régime de la Terreur 1793-1794. Saint-Etienne, 1911.

Сведения об авторе

Роленков Альберт Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, rolenkoalbert@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: Современное развитие международной системы определяется сложными и противоречивыми тенденциями, связанными, с одной стороны, с процессами глобализации и усилением взаимозависимости государств и народов, а с другой – с ростом стремления отдельных этнических и конфессиональных образований к сохранению своей идентичности. Наиболее очевидным проявлением данной амбивалентности является наблюдаемая в ряде регионов мира тенденция к усилению этнического и религиозного радикализма, а также рост конфликтности на национальной или конфессиональной основе. Важной её составляющей остаётся сохраняющаяся дихотомия между «Западом» и «Востоком», отражающая сложившиеся на протяжении длительного исторического периода стереотипы взаимного восприятия европейской цивилизации социокультурных типов, существовавших на территории Азии и Африки. Особенности данного восприятия, а также многие из существующих до настоящего момента политических и социально-экономических тенденций, определяющих противоречивость современной глобализационной модели развития, сформировались в эпоху колониализма и были связаны с возникновением и развитием крупных колониальных империй, среди которых совершенно особое и наиболее важное место занимает история британской колониальной системы. После завершения Первой мировой войны обозначился явный кризис прежних методов имперского управления, положивший начало процессу её постепенной децентрализации. На рубеже 1910-х – 1920-х гг. в обстановке сложных политических дискуссий на фоне обострявшегося внутреннего кризиса империи британское правительство попыталось осуществить несколько проектов, связанных с реформированием системы управления в некоторых из своих владений. Данные реформы обозначили вектор эволюции колониальной политики Великобритании на последующий период. Данная статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов, связанных с отражением в британской и американской историографии рубежа XX-XXI вв., сложных процессов, связанных с наметившейся в 1920-х-1930-х гг. постепенной трансформацией крупнейшей колониальной системы.

Ключевые слова: Британская империя, колониальная стратегия Великобритании, современные историографические оценки.

Sagimbaev A.V. The evolution of the colonial strategy of the Great Britain in the interwar period in the light of modern Anglo-American historiography.

Summary: The modern development of the international system is governed by a complex and contradictory trends, on the one hand, processes of globalization and the increasing interdependence of States and peoples, and on the other – with the growth aspirations of the individual ethnic and confessional entities to preserve their identity. The most obvious manifestation of this ambivalence is observed in several regions of the world a trend towards increasing ethnic and religious radicalism, and the rise in conflicts on national or religious basis. Important component remains the continued dichotomy between "West" and "East" reflecting the current long-term historical stereotypes of mutual perception of European civilization social and cultural types that existed on the territory of Asia and Africa. Features of this perception, as well as many of the existing to date, political and socio-economic trends that define the contradictions of modern globalization development model that emerged during the colonial era and was associated with the emergence and growth of large colonial empires, among which are very special and the most important is the story of the British colonial system. After the First world war marked a clear crisis of the old ways of Imperial control, which initiated the process of gradual decentralization. At the turn of the 1910s-1920s, in the conditions of difficult political discussions on the background of the growing internal crisis of the Empire, the British government tried to implement several projects related to the reform of the management system in some of their possessions. These reforms marked the evolution of the colonial policy of great Britain at a subsequent period. This article is devoted to some aspects of reflection in British and American historiography at the turn of XX-XXI centuries, the complex processes associated with emerging in the 1920s and 1930s, a gradual transformation of the largest of the colonial system.

Keywords: British Empire, colonial strategy UK, contemporary historiographical assessment.

Межвоенный период ознаменовался принципиально важными тенденциями в развитии британской колониальной системы. Вызванные Первой мировой войной социально - экономические и политические изменения, сдвигами в массовом сознании населения метрополии, а также её обширных владений, обуславливали постепенную смену

приоритетов в сфере колониальной идеологии и стратегии по управлению колониальными владениями. Несмотря на то, что колониальная политика не являлась приоритетной сферой общественного внимания, её проблемы оставались важной составляющей повестки ведущих политических сил Великобритании, оказывая заметное влияние на динамику настроений внутри британского истеблишмента.

Различные аспекты эволюции британской колониальной системы в межвоенные десятилетия явились предметом внимания большого числа отечественных и зарубежных исследователей. Эволюция британской историографии рассматриваемой темы в последней четверти XX – начале XXI вв. ознаменовалось заметным влиянием постмодернистских тенденций. Одним из них явилось оформившаяся с середины 1980-х гг. историографическая школа, получившая наименование «новой имперской истории» и ставшая частью более широкого направления, получившего наименование «новой глобальной истории». Его типичным примером явилось исследование Э. Бохмера «Империя, национализм и постколониализм, 1890-1920: сопротивление во взаимодействии» [2]. Автор уделил особое внимание анализу влияния модернистских тенденций на развитие британской имперской системы, а также роли формировавшегося националистического фактора в эволюции её отдельных сегментов.

Близкой с точки зрения методологии явился коллективный труд «Британский мир: диаспора, культура и идентичность» [24], в котором ключевая роль отводится анализу социокультурного стержня британской имперской идентичности. Предметом подробного рассмотрения в работе стали также миграционные процессы и роль развивавшихся СМИ в эволюции восприятия британским социумом имперских ценностей в период конца XIX - первых десятилетий XX вв.

К числу исследований, в которых нашли отражение новые подходы к изучению имперской истории, следует отнести двухтомный труд П. Дж. Кэйна и А. Дж. Хопкинса «Британский империализм» [3]. Рассматривая эволюцию колониальной системы с момента Славной революции, авторы акцентируются на кульминационном этапе её развития, относящемся к викторианской эпохе. В то же время, отдельные разделы работы посвящены важным переходным процессам, происходившим в Британской империи в межвоенный период. Объектом внимания историков становятся финансово-экономические процессы, связанные с постепенной утратой Великобританией своей лидирующей роли, перемены, произошедшие в умонастроениях британской политической элиты, а также изменения, наметившиеся в сфере управления Индией и африканскими колониями.

Особого внимания заслуживает подробный анализ эволюции форм и методов британского управления, сделанный британским историком Дж. У. Келлом и ставший частью фундаментального издания «Оксфордская история Британской империи» [4], вышедшей в свет в 1990-х гг.

Интеллектуальной дискуссии, связанной с имперской идеей, а также формированию антиимпериалистического направления с середины XIX в. вплоть до 1920-х гг. посвящена монография Г. Клэйеса «Имперские скептики: британские критики Империи, 1850-1920» [5]. Автор уделяет особое внимание моральным основаниям критики имперской экспансии в общественно-политических кругах Великобритании, подробно характеризует точку зрения представителей позитивистской школы, эволюцию позиции фабианцев и других социалистических течений от поддержки идеи «Малой Англии» в середине XIX в. до складывания концепции «социалистического империализма» в первые десятилетия XX в. Г. Клэйес особо подчеркивает роль Дж. А. Гобсона, в трудах которого, по его мнению, произошло окончательное оформление антиимпериалистической интеллектуальной парадигмы.

Изучению международных позиций Великобритании в рамках версальско - вашингтонской системы, а также её роли в существовавшем военно-политическом балансе, посвящена работа А. Клэйтона «Британская империя как сверхдержава, 1919-1939» [7]. В ней делается попытка анализа причин, вызвавших ослабление позиций Великобритании и её неспособность поддерживать стабильность, как в своих обширных владениях, так и в рамках международной системы в целом.

Социально-экономическим факторам, вызывавшим трансформацию системы британского колониализма в межвоенный период, посвящено исследование «Колониализм и богатство: Социальная политика и Британское имперское наследие» [6] опубликованное в 2011 г. под редакцией профессора Лондонской школы экономики Д. Пичауда, а также профессора Калифорнийского университета Дж. Мидглэя. На основе анализа особенностей основных этапов эволюции британского колониализма, автор подчёркивает принципиально важную роль Великобритании в формировании современного облика глобальной экономики. В исследовании столь обширной и многоплановой проблемы, авторы попытались использовать междисциплинарные подходы, сочетающие элементы социальной истории, «новой имперской истории», а также современных концепций изучения социально-экономических процессов в «развивающихся» странах.

Тенденции и противоречия межвоенного этапа развития колониальной системы Великобритании нашли отражение в обстоятельной монографии американского историка Дж. Дарвина «Незаконченная империя: глобальная экспансия Британии» [8]. Предметом научного анализа автора явился весь спектр многообразных форм правления, существовавший в рамках британских владений. Характеризуя роль Великобритании и созданной ею империи в формировании современной международной системы, исследователь, в то же время, обращает внимание на ряд противоречивых тенденций, определявших её внутреннее положение и предопределивших её последующий распад. Рассматривая различные историографические оценки данных процессов, Дж. Дарвин подчёркивает специфику восприятия данных перемен представителями британской политической и интеллектуальной элиты.

Попытка интеграции «двух взаимосвязанных сфер истории Великобритании и Британской империи» предпринята в работе профессора истории и международных отношений университета Дж. Вашингтона Д. Кеннеди [15]. Автор касается широкого круга различных аспектов, влиявших на происходившие в конце XIX- первой половине XX в. в рамках имперской системы процессы, включая социокультурные изменения, а также влияние трансформаций в международно-политической сфере.

Аналізу эволюції політико-правових інститутів, супроводжуваної трансформацію Британської імперії в Союз націй присвячена монографія Д. Джадда і П. Слінна «Еволюція сучасного Союзу, 1902-1980» [12].

В исследовании М. Фридена «Либерализм разделяется: Изучение британской политической мысли, 1914-1939 гг.» [10] рассматриваются различные аспекты развития идеологии британского либерализма в период Первой мировой войны и межвоенные десятилетия. Уделяя внимание описанию той роли, которую Либеральная партия, несмотря на внутренний кризис, продолжала играть в сохранении традиционных демократических институтов Великобритании, автор подробно останавливается на анализе интеллектуального взаимодействия либералов и социалистов. По мнению М. Фридена, принципы либеральной идеологии оказали немалое воздействие на формирование программных установок Лейбористской партии, в том числе, в сфере колониальной стратегии и решения многочисленных проблем, возникших в данный период в имперской системе.

Масштабностью исследовательского поля и стремлением к оригинальным концептуальным оценкам многих, изучавшихся ранее исторических проблем, отличаются исследования шотландского историка Н. Фергюсона. В их числе следует отметить изданную в 2004 г. монографию «Империя: подъём и упадок британского мирового порядка, и уроки для глобального могущества» [9], а также переведённую на русский язык вторую часть этой работы «Империя: чем современный мир обязан Британии» [1]. Н. Фергюсон в целом придерживается традиционной для британской историографии точки зрения, подчёркивая роль «цивилизаторской миссии» Великобритании, сыгравшей ключевую роль в становлении современного глобального миропорядка. Подвергая критике различного рода «ревизионистские» историографические оценки, исследователь подчёркивает в немалой степени иррациональный, по его мнению, механизм эволюции британской имперской системы, в основе которого лежало стремление к распространению английских демократических ценностей и институтов. Такой же иррациональный характер, в соответствии с его точкой зрения, носил и просил процесс её распада. Н. Фергюсон подчёркивает, что империя «была принесена в жертву во имя победы свободного мира» во Второй мировой войне [1, с. 506].

Одной из наиболее полных и всесторонних с точки зрения анализа общественно-политической и интеллектуальной составляющей британского антиколониализма в первой половине и середине XX в. является исследование С. Хоуи «Антиколониализм в британской политике» [11]. Эволюцию антиколониальных настроений в британском обществе он характеризует с одной стороны как ответную реакцию, связанную с осознанием процессов роста национального самосознания и формированием национальных движений в колониальных владениях, а с другой – как реакцию на стремительные процессы трансформации мирополитической системы. Критика колониализма, осуществлявшаяся одновременно с нескольких теоретических позиций, привела, в конечном счёте, к осознанию значительной частью британского общества пагубности его сохранения «для дальнейшего прогресса и развития демократического общества, как в колониальных владениях, так и дома» [11, р.159].

Опыт британского имперского строительства, а также конкретные примеры его реализации, в первую очередь, в Индии, явились предметом внимания американского историка Д. Джадда [13]. Анализируя исторические особенности эволюции колониальной системы Великобритании с момента войны за независимость североамериканских колоний вплоть до середины XX в., известный британский историк акцентируется, в том числе, на характеристике идеологических основ колониальной экспансии и рассмотрении специфики её различных политико-правовых форм. Отдельного внимания заслуживает раздел работы, посвящённый истории британского колониализма в межвоенный период. Следуя преобладающей в британской историографии тенденции, автор продолжает рассматривать колониальную экспансию Великобритании исключительно с точки зрения «экспорта» демократических ценностей и институтов. В работе «Лев и Тигр: Подъём и падение британского правления в Индии, 1600-1947» [14] Д. Джадд подробно анализирует историю британского завоевания Индии, а также формирования специфической системы англо-индийского правления, обозначаемой в англоязычной историографии понятием «Raj». Характеризуя причины кризиса и падения власти Великобритании в ключевом колониальном владении, автор пытается обосновать их преимущественно с позиций влияния субъективного фактора, подчёркивая исключительную роль М. Ганди в становлении и развитии «индийского национализма» [14, р. 108].

Попытка критического осмысления причин кризиса и распада колониальной системы Великобритании содержится в монографии британского историка Дж. Лоуренса «Взлёт и падение Британской империи» [16], впервые опубликованной в 1991 г. Рассматривая её историю на протяжении длительного исторического периода, включающего три с половиной

столетия, автор уделяет некоторое внимание оценке процессов, происходивших в Британской империи в межвоенные десятилетия, указывая на то, что факторы, приведшие к её упадку после 1945 г., в немалой степени стали следствием кризисных тенденций возникших в 1930-х гг.

Анализу причин быстрого роста и ещё более стремительного упадка Британской империи посвящено исследование профессора университета Торонто Л. Т. Оуэна «История Британской империи» [17]. Представляется достаточно интересными некоторые выводы автора о влиянии событий Первой мировой войны на рост центробежных тенденций в имперской системе и трансформацию приоритетов колониальной стратегии Уайтхолла.

В монографии Д.Э. Лоу «Британия и Индийский национализм: отпечаток двусмысленности, 1929-1942» [19] детально рассматривается процесс развития национально - освободительного движения в Индии и характеризуется его роль в процессе нарастания кризисных тенденций в колониальном механизме Великобритании. Используя многочисленные и разнообразие источники, автор делает некоторые, вызывающие интерес умозаключения относительно мотивов сложной трансформации, которую претерпела в данный период стратегия британской правящей элиты на фоне серьёзного обострения ситуации в индийских владениях.

Своеобразный взгляд на процессы, происходившие внутри британского имперского механизма в межвоенный период предложен в работе американского историка У. Р. Луиса «Конец британского империализма. Схватка за империю, Суэц, деколонизация» [18]. Характеризуя причины происходивших изменений, исследователь особенно подчёркивает роль внешнего фактора, связанного с введением новых принципов международных отношений, включающих признание права наций на самоопределение, а также создание первой международной универсальной организации, ответственной за их соблюдение. В данных условиях Великобритания была вынуждена вносить заметные коррективы в политико-правовые формы реализации своей колониальной стратегии. Типичным примером данной тенденции явилась политика Лондона в отношении подмандатных территорий. Особый интерес вызывает предпринятая автором попытка сравнительного анализа моделей управления колоний, использовавшихся двумя ведущими колониальными державами – Великобританией и Францией.

Одним из заметных явлений в историографии британской колониальной системы последнего периода явилось издание в 2001 г. очередного сборника «Кембриджской истории Британской империи» [25]. В его составлении приняли участие более десяти специалистов, проанализировавших основные этапы эволюции колониальной системы Великобритании, а также особенности британской колонизации в различных регионах мира. Особый акцент в работе был сделан на изучении процессов, связанных с формированием в рамках империи единого социокультурного пространства, заложившего, по мнению авторов, основу современной глобализации.

Роль Британской империи как центра мировых глобализационных процессов, возникших в первой половине XX в. подчёркивается и в работе южноафриканского историка Б. Нэссона «Британская империя: создание британского мира» [20].

Масштабный анализ исторического опыта колониальной экспансии Великобритании с точки зрения его влияния на современное состояние британского общества содержится в работе одного из ведущих современных британских специалистов по имперской истории Б. Портера «Рассеянные империалисты: что британцы реально думали об империи» [21]. С точки зрения междисциплинарного подхода, включающего методы социологического и культурологического анализа, исследователь характеризует всестороннее влияние имперской идеологии на образ жизни и специфику менталитета представителей различных социальных групп населения метрополии. Анализируя специфику восприятия имперских ценностей в

различных слоях британского общества, Б. Портер приходит к выводу о том, что, несмотря на активную пропаганду имперской идеологии, осуществляемую посредством различных каналов и механизмов, оно никогда не стало «подлинно имперским» по своим убеждениям [21, p.176].

К числу наиболее заметных научных работ последнего периода, предметом которых явился анализ причин начавшегося в межвоенный период упадка системы британского колониализма следует отнести исследование английского историка, профессора Кембриджского университета Д. Рейнолдса «Отмена Британии: британская политика и мировое могущество в XX в.» [22]. По мнению автора к 1918 г. Британская империя достигла пика своего экономического могущества и международного влияния. Дальнейший период ознаменовался постепенным сокращением «ресурсного потенциала», который представители правящей элиты Великобритании могли использовать в целях сохранения своих лидирующих позиций. Показателями этого явилась политика умиротворения в сфере международных отношений, а также тактика уступок «националистам» внутри империи [22, p.369].

История эволюции британской имперской системы в контексте складывания современной глобальной цивилизации явилась предметом научного изучения в работе английского исследователя Р. Джонсона «Британский империализм» [23]. Наряду с подробной характеристикой политических, социально-экономических, военных факторов колониальной экспансии Великобритании, заметное место в работе отводится критическому анализу концепций возникновения феномена неоимпериализма с позиций теорий «культурного империализма», постколониализма и постимпериализма.

Освещению ключевых историографических позиций, связанных с трактовкой эволюции британской колониальной системы посвящена монография А. Уэбстера «Дебаты о происхождении британского империализма» [26]. В работе анализируются различные теоретические позиции, связанные как апологетикой имперской экспансии, так и с её критическим осмыслением. Автором уделяется отдельное внимание принципиально новым исследовательским подходам, в том числе концепции «культурного империализма».

Несмотря на достаточно большое количество исследований, в современной историографии до настоящего момента остаются не достаточно проработанными некоторые проблемы, связанные с развитием британского колониализма в новейший период истории. К их числу, относится, в частности, исследование некоторых компонентов трансформации, происходившей в рамках крупнейшей колониальной империи в межвоенные десятилетия и приведшей, в итоге, к деструкции её традиционной структуры. В данной связи, представляется важным изучение взаимовлияния возникших в данный период политических, экономических, идеологических факторов, обусловивших изменения в сфере колониальной стратегии Великобритании, а также в формах и методах её реализации.

Библиографический список

1. Фергюсон Н. Чем современный мир обязан Британии. М. Издательство: Corpus, 2013. 560 с.
2. Boehmer E. *Empire, the National and Postcolonial, 1890-1920: Resistance in Interaction*. Oxford, 2002. 239 p.
3. Cain P., Hopkins A. *British Imperialism*. In 2 vols. L., 1993.
4. Cell J. W. *Colonial Rule*. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. New York, 1999.
5. Claeys G. *Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850-1920*. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 2010. 356 p.
6. *Colonialism and Welfare: Social Policy and the British Imperial Legacy*. Ed. by J. Midgley, D. Piachaud. L., N. Y., 2011.
7. Clayton A. *The British Empire as a Superpower, 1919-1939*. L.: MacMillan, 1986. 545 p.
8. Darwin J. *Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain*. Bloomsburg, USA, 2013. 496 p.

9. Ferguson N. Empire: the Rise and Demise of the British World Order and Lessons for Global Power. N.Y.: Basic Books, 2004. 400 p.
10. Freedman M. Liberalism divided. A study in British political thought. 1914 – 1939. Oxford: Oxford University Press, 1986. 400 p.
11. Howe S. Anticolonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918-1964. Oxford: Clarendon Press, 1994. 392 p.
12. Judd D., Slinn P. The Evolution of the Modern Commonwealth, 1902-1980. L.: Macmillan, 1982. 188 p.
13. Judd D. Empire. The British Imperial Experiment from 1765 to the Present Phoenix. L.: Basic Books, 2001. 568 p.
14. Judd D. The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600-1947. Oxford University Press, 2004. 234 p.
15. Kennedy D. Britain and Empire, 1880-1945. L.: Routledge, 2014. 156 p.
16. Lawrence J. The Rise and Fall of the British Empire. N.Y.: St' Martin's Press. 1991. 744 p.
17. Lloyd T. O. Empire: The History of the British Empire. L.: Hambledon Continuum, 2001. 256 p.
18. Louis W. R. Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez, Decolonization. N.Y.: Hardcover, 2006. 1065 p.
19. Low D. A. Britain and Indian Nationalism: The Imprint of Ambiguity, 1929–1942. N. Y., Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 358 p.
20. Nasson B. Britannia's Empire: making a British world. Stroud, Gloucestershire, Tempus, 2004. 254p.
21. Porter B. Absent-minded imperialists what the British really thought about empire. N. Y., L.: Oxford University Press, 2004. 475 p.
22. Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. Longman Publishing Group, London, 1991. 416p.
23. Roberts J. British Imperialism. L.: Palgrave, 2003. 304 p.
24. The British World: Diaspora, Culture and Identity/ Ed. by C. Bridge, K. Fedorovich. L., 2003. 248 p.
25. The Cambridge Illustrated History of the British Empire. Cambridge University Press, 2001.
26. Webster A. The Debate on the Rise of British Imperialism. Manchester: Manchester University Press, 2006. 198p.

Сведения об авторе:

Сажимбаев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ФРАНЦИИ В 1793 Г.

Аннотация: В статье рассматривается проблема становления революционного правительства во Франции в конце 1793 г. В отличие от распространенного в научной литературе мнения, предполагается, что летом этого года инструменты диктатуры еще были не достаточно сформированы. В это время якобинцы из тактических соображений ориентировались на одобренную Национальным конвентом 24 июня конституцию. В работе исследуется механизм построения и функционирования революционного правительства, особая историческая роль декретов 10 октября и 4 декабря.

Ключевые слова: Конвент, Комитет общественного спасения, комиссары, Революционный трибунал, национальный агент.

A.I. Samsarov The formation of a revolutionary government in France in 1793.

Abstract: The article examines the problem of the formation of a revolutionary government in France in late 1793. Unlike the prevailing opinion in the scientific literature, it is assumed that in the summer of this year the instruments of the dictatorship were not yet sufficiently formed. At this time, the Jacobins for tactical reasons were guided by the constitution approved by the National convention on June 24. The paper investigates the mechanism for the construction of the and functioning of the revolutionary government, the special historical role of the decrees on October 10 and December 4.

Keywords: Convention, Committee of public Salvation, commissioners, Revolutionary tribunal, national agent.

Великая Французская революция 1789 – 1799 гг. является событием не только национального, но и всемирного масштаба. Она изменила политическую карту самой Франции и значительной части Европы. Под знаком этого события прошел весь XIX век, а политическая практика революции стала широко использоваться последующими революциями. Многие из знаменитых «принципов 1789г.» и поныне служат аксиомой мировой политики: равенство перед законом, свобода печати и собраний и многие другие. Революция развивалась поэтапно. Главные преобразования государства и общества осуществились уже в 1789 – 1791гг., то есть во время работы Учредительного собрания. Именно это обеспечило движение Франции по магистральному пути развития. Однако, в дальнейшем, под влиянием различных факторов (народных выступлений, начавшейся в 1792г. войны, углубления экономического кризиса) революция стала развиваться все более радикально. Установление диктатуры монтаньяров во второй половине 1793г. перечеркнуло все плоды четырех лет революции. Их власть, используя жесткое авторитарное правление, нарушило провозглашенные в 1789г. права и развязала террор против своих граждан. Этот период является одним из самых противоречивых моментов революции. Одни воспринимали его как кульминационный и справедливый этап. Для других это период насилия и личной диктатуры Робеспьера.

Проблема революционного правительства всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных историков. Было ли это, необходимо и что привело к установлению диктатуры? Здесь можно выделить целый ряд предпосылок. Само прошлое и политическая культура Франции в эпоху начавшейся революции способствовали установлению режима диктатуры. Борьба за власть происходила при отсутствии хорошо развитых правовых процедур ее разрешения, результатом чего становилась гибель проигравших. Психология граждан Республики на тот момент соответствовала психологии «осажденной крепости» и подпитывала террористические настроения [4, с.129-133]. Ухудшение экономического положение населения. Постоянный рост цен на продовольствие и снижение занятости из-за разрухи привели к обнищанию масс в будущем. «Нищета населения – коренное условие для создания жесткого

авторитарного режима» [16, с. 30]. Не стоит забывать и о очень сложной внутренней и внешней обстановке в Республике сложившейся летом и осенью 1793г. Франции терпела поражения на фронтах, а в 60 департаментах вспыхнуло федералистское движение против властей. Как выразился Минье: «Все, казалось, соединялось против Конвента и должно было его задавить» [16, с. 278].

К середине 1793г. сложились некоторые элементы будущего революционного правительства. Национальный конвент функционировал уже год. Летом-осенью были окончательно сформированы Комитет общественного спасения, во главе с Робеспьером, и Комитет общественной безопасности. Еще в марте были созданы наблюдательные комитеты и институт комиссаров. Следует отметить крайние взгляды лидеров революции. Особенно здесь выделяется Робеспьер. Он был радикалом и моралистом еще со времен Учредительного собрания. Уже в ту пору, руководствуясь своей моральной мотивировкой, депутат предлагал власти слиться с нацией. По этому поводу Максимилиан даже говорил: «Я не льстец, не повелитель, не трибун, не защитник народа: я – сам народ». В прениях о переизбрании депутатов в Законодательное собрание 16 мая 1791г. он заявлял о своей морально-политической концепции: «Ничто так не возвышает души народов, не формирует общественные нравы, как добродетели законодателей» [5, с.20-28]. В Конвенте эти доводы только усилились. Уже в мае 1793г. в частной записке он писал: «Необходима единая воля... Необходимо, чтобы народ сам соединился с Конвентом и чтобы Конвент использовал народ... Необходимо усилить республиканский энтузиазм всеми возможными средствами». Еще радикальнее высказывался Бийо – Варенн: «Наши глаза были устремлены слишком высоко, чтобы видеть, что почва, которую мы топтали, была покрыта кровью» [10, с.200-228].

Вероятно, началом становления революционного правления является осень 1793г. Однако первые важные сдвиги в этом направлении произошли еще в августе.

Так, 1 августа 1793 г. Дантон взошел на трибуну Конвента и произнес громкую речь. Говоря о сложной внутри и внешнеполитической обстановке, он подчеркивал, бессилие правительства и недостаток полномочий Комитета общественного спасения. Оратор предложил превратить комитет во временное правительство республики, причем все министры Исполнительного совета становились агентами правительственного комитета. Вдобавок, последнему еще предлагалось ассигновать 50 млн. ливров на секретные расходы [26, Р.104].

Столь радикальное предложение вызвало дискуссию. Жан Бон Сент - Андре и Камбон поддержали предложение, последний даже заметил, что английский парламент выделил Питту 4 млн. фунтов для подрывной деятельности во Франции. Делакруа так же поддержал Дантона. Но мнение Робеспьера изменило расклад. Он заявил, что в настоящий момент опасно лишать доверия

Исполнительный совет, необходимо отправить предложение на доработку. Его поддержал Тюрио [26, Р.105].

На следующий день Эро де Сешель выступил по этому поводу и заявил: «что мы (то есть децемвиры – А.С.) не можем получить более высокую миссию, чем ту которую имеем» [26, Р.137]. Таким образом, он высказался против предложения Дантона, считая, что Комитет общественного спасения и так располагает большими полномочиями. Поэтому нет нужды создавать новый бюрократический механизм.

Но он потребовал усиления финансовой самостоятельности правительственного комитета. При поддержке Делакруа им удалось внести предложение на обсуждение. В итоге оно было декретировано, и Комитет общественного спасения получил 50 млн. ливров от казначейства [26, Р.138].

Таким образом, попытка установить полный контроль над исполнительной властью была отложена до более подходящих времён.

Далее последовали призывы против немедленного вступления в силу принятой ранее конституции. Они стали раздаваться еще 11 августа в Якобинском клубе и 12 августа в Конвенте (от делегатов первичных собраний). Комитет общественного спасения отреагировал на это только 28 августа словами Барера: «Простое выполнение конституционных законов, предназначенных для мирного времени, было бы недостаточным среди окружающих нас заговоров» [14, с. 153].

Процесс становление революционного правления можно разделить на два этапа: первый (сентябрь – октябрь), главным результатом которого стало юридическое оформление правительства и второй (ноябрь – декабрь), приведший к окончательному становлению диктатуры.

Первому этапу определенным импульс был дан событиями 4-5 сентября. Кризис начался еще в начале сентября, в секциях росло брожение в связи со сдачей Тулона и недостатком продовольствия. 4-го сентября в 5 часов, рабочие были вызваны из мастерских (по протоколам Коммуны, это были, главным образом, каменщики) и на бульварах и около дома военного министерства образовали многолюдные группы: народ требовал хлеба. Толпа возле здания Коммуны составила петицию и отправила депутацию в муниципалитет.

Главою этого движения сделался Шометт. Он вел переговоры между восставшими и Конвентом. Было решено направить петицию о создании революционной армии для борьбы с разрухой и скупщиками. На следующий день, 5-го сентября, происходит бурное заседание Конвента [1, с. 187 - 203]. Именно на этом заседании Шометт зачитывает свою речь перед депутатами. «Новые господа, - говорит Шометт, - не менее ужасные, не менее жадные, поднялись на развалинах феодализма... Вы нанесли им удар, но только оглушили их, и в тени даже закона они продолжают свои преступления... Довольно милосердия, мы должны уничтожить их, или они уничтожат нас» [8, с. 263-264].

В ходе волнений впервые звучат слова «Поставьте террор в порядок дня!» [8, с.263-264]. Выступление 4-5 сентября заставило правительство и Конвент пойти на значительные уступки, которые привели к установлению системы террора и управляемой экономики. Принятые декреты можно разделить на три блока – экономический, политический и террористический.

В результате принятия 11 сентября первого максимума была установлена единая для всей республики цена на пшеницу и муку [13, с.186]. А 29 сентября вступил в силу декрет о всеобщем максимуме, установивший твердые цены на товары первой необходимости и на заработную плату [9, с.121]. Это положило начало экономической централизации.

В ответ на призыв поставить террор в порядок дня Конвент принимает 5 сентября декрет о реформировании революционного трибунала [27, р.405-406]. Отныне трибунал разделялся на 4 секции, а число судей увеличивалось до 16. На этом заседании по инициативе Леонарда Бурдона был принят декрет об иностранцах. Согласно ему немедленно арестовывались все иностранные граждане, находящиеся на территории страны, кроме рабочих мануфактур и «благонадежных» [6, с.352]. По мнению автора, это должно было обезопасить республику от шпионов и эмигрантов [25, с. 387-405]. В дальнейшем эту тему продолжил Сен-Жюст в своем докладе «О законе против англичан», где предложил содержать всех иностранцев в заключении вплоть до заключения мира [21, с. 108-109].

После выступления Барера Конвент декретировал решение о создании Революционной армии. Она должна была состоять из 6000 человек и 1200 канониров (ст.1) [13, с. 88]. Основная ее задача состояла в «подавлении контрреволюционеров всюду, где это понадобится».

Парижским секциям было разрешено формировать списки граждан для службы в этом формировании [13, с. 89].

Создание Революционной армии в Париже стало прецедентом к созданию подобных армий в департаментах. Этот сентябрьский день завершился выступлением Дантона, где он заявил: «Пусть народ видит, что республика карает его врагов...» [7, с. 51]. 14 сентября все четыре секции трибунала начинают работать одновременно. Через два дня декрет Конвента разрешает иметь трибуналу собственные тюрьмы [24, с. 46].

Но все таки самым радикальным декретом сентября можно считать декрет о подозрительных- принятый 17 сентября. Именно он узаконил систему террора и сделал его неотъемлемой частью нового порядка. Декрет был принят с подачи Мерлена из Дуэ. На заседании он просил Конвент принять меры против аристократов Валансьена, в доказательстве чего он зачитал письмо некоего Кошона [28, р. 303]. Основываясь на ранее принятых мерах против подозрительных, Национальный Конвент принял декрет о подозрительных.

Так кто же эти подозрительные? Согласно документу это не только «враги свободы», но и бывшие госслужащие, дворяне, эмигранты и те, кому было отказано в выдаче гражданского свидетельства (ст. 2). Все эти лица подлежали немедленному аресту (ст.1) и должны были содержаться вплоть до заключения мира (ст.7) [28, р. 304].

В политической сфере продолжался ранее взятый курс на усиление централизации власти и укрепления правительственных комитетов. 6 сентября включением в состав двух радикальных депутатов Бийо-Варенна и Колло д, Эрбуа завершилось формирование Комитета общественного спасения. Колло, например, еще с момента образования Конвента поддерживал санкюлотский терроризм. Это убедительно показывает его речь в Якобинском клубе (5 ноября 1792г.), где он оправдывал «сентябрьские убийства» [3, с 33-39]. Бийо, так же как и его коллега был сторонником решительных мер в управлении страной. Его решительность проявилась еще в ходе миссии в Кот-дю-Нор и Иль-и-Вилен весной 1793г [20, с 113-118].

13 сентября на очередном заседании Конвента один из депутатов предложил разрешить вопрос с неразберихой в Комитете по снабжению армии, ставивший под угрозу всю военную компанию. Умело используя это предложение, Дантон, который как мы уже знаем, был сторонником усиления Комитета общественного спасения, предложил, чтобы списки всех комитетов формировались Комитетом общественного спасения [28, р.52]. Что и было декретировано [28, р.52].

Это официально поставило Комитет Робеспьера в особое положение среди прочих комитетов, отныне он уже был не просто первый среди равных. Используя такое право «Великий» комитет тут же начал контролировать Комитет общественной безопасности. Неудовлетворенный переизбранием 10 сентября Комитет общественного спасения вынес новый список из 12 членов на обсуждение Конвенту. Последний только его утвердил. Теперь второй правительственный комитет состоял из: Вадье, Вулана, Паниса, Леба, Давида, Буше, Гюффруа, Лавиконтери, Амара, Лебона, Рюля и Бейля [17, с. 401-402]. 13 октября численность комитета была увеличена до 16 человек, путем включения Дюбаррана, Жаго, Луи из Нижнего Рейна и Лалуа. Окончательный состав Комитета общественной безопасности II года был сформирован в течение брюмера, когда вышли Буше, Лалуа, Лебон, вступил в него Лакост. Этот состав сохранился до 9 термидора, если не считать исключенных в нивозе и вантозе Паниса и Гюффруа.

По словам Сенара, секретаря-редактора комитета, основная роль принадлежала Вадье, Вулану, Амару и Жаго, людям проникнутым духом террора. Сенар описывал их как трусов и лицемеров, но имеющих воздействие на группу противовеса в составе Лакоста, Бейля и Дюбаррана [2, с. 5-6]. Давид и Леба составляли группу слушателей. Как известно, они были

единственными робеспьеристами, причем до конца верным остался только Леба, а Давид даже не пришел в Конвент 9 термидора.

Основная задача Комитета общественной безопасности несколько изменилась, теперь он превратился в главное орудие террора. В связи, с чем вся Республика была разделена на четыре области, объединявшие по двадцать-тридцать департаментов, причем Париж составлял отдельную область. Области курировались как минимум тремя членами комитета.

Естественно у Комитета общественной безопасности были свои канцелярии и агенты по подобию Комитета общественного спасения. Из последних наиболее известен Станислав Майяр, возглавлявший секретную полицию комитета в количестве 50 человек [12, с 138]. По данным Олара, только сумма жалования сотрудников этого «мини министерства» к весне 1794 г. составляла 385 тыс. ливров, что свидетельствует о размерах ведомства.

Главной опорой правительственных комитетов на местах становятся революционные комитеты, прежде наблюдательные. Согласно декрету от 5 сентября, они окончательно очищались от бывших дворян и священников и впервые их члены стали получать жалование по 3 ливра в день [13, с. 80]. Ревкомы, таким образом, стали зависимыми от правительства (в лице Комитета общественной безопасности). Начинаются первые массовые аресты.

Если в конце августа число заключенных в Париже составляло 1500, то 15 сентября их было уже более 2000 [23, с.159-162]. Новый этап наступил после 17 сентября. Согласно декрету, именно ревкомам принадлежала инициативная роль в аресте подозрительных (ст. 3), причем обычным большинством голосов (ст. 4) [28, с.304]. После этого число заключенных выросло к 21 декабря до 4525. В качестве примера можно рассмотреть ревком секции Единства. В августе он произвел два ареста, в сентябре – 6, в октябре – 27 [23, с.159-162].

Социальный состав парижских ревкомов отражал такую же тенденцию, что и в народных обществах, то есть по мере чисток увеличивалось число санкюлотов. Из общего числа зарегистрированных членов 63,8% были лавочниками и ремесленниками (причем 45,3% из них было именно ремесленниками) [23, с.240-241].

Попытки ослабить репрессии или придать им ограниченный характер вызывали недовольство правительственных комитетов. Так, 18 октября 1793 г. Лекуантр провел декрет предписывающий выдавать арестованным протоколы с причинами ареста [13, с. 81]. Декрет был отменен 24 октября после речи Робеспьера, заявившего о посягательстве на «общественную свободу» [13, с. 82].

Усиливался контроль над институтом комиссаров. С 7 сентября все представители народа были обязаны регулярно уведомлять Комитет общественного спасения о принятых мерах против неугодных местных властей [24, с. 46]. Отчеты того периода известны нам благодаря сохранившимся источникам. Так депутат Бодо сообщает в комитет из Тулузы 28 сентября 1793г. о смене властей в департаментах Тарн и Од. В качестве методов он использует «коренные реформы», то есть применение революционных комитетов и армий. Революционная армия, по его мнению, является наиболее эффективным средством: «При ее помощи в одну минуту можно обратить тысячу политических грешников на путь истины» [13, с. 58-59].

Открытое вмешательство в дела местной исполнительной власти было, например в г. Бурж, где председательствовал комиссар Лапланш из Ньевра. Он открыто критиковал власть и заменял чиновников более лояльными людьми [13, с.60-63].

После существенного укрепления революционных комитетов все большее внимание обращается на народные общества. Правительство переходит от поддержки к открытому вмешательству в дела обществ. Стремясь интегрировать их в свой механизм, 13 сентября

1793г. приняли декрет, приглашающий народные общества доносить на «неблагонадежных и подозрительных чиновников» [13, с. 71].

Однако не стоит думать, что подобный курс не подвергался атакам со стороны народных вожаков и Конвента. Конфликт начался 18 сентября, когда в Конвенте была представлена петиция Клуба кордельеров, где открыто высказывалось возмущение действиями комиссаров Национального конвента. Тем самым ставилось под сомнение вмешательство правительственных комитетов в дела Исполнительного совета.

В это же время Эбер в своей газете «Пер Дюшен» (№ 292 и № 295) назвал некоторых монтаньяров «шавками, твякующими с болотными жабами» и открыто призывал к чистке Конвента [23, с.148-150]. Только 24 сентября военный министр Бушот дал сигнал к нападкам на Комитет общественного спасения, заявив о смещении командующих Северной и Рейнской армиями. На следующий день Тюрио открыто выступил против Комитета Робеспьера: «Необходимо остановить этот бурный поток, который увлекает нас к варварству» [23, с. 148-150].

Положение смог спасти только Неподкупный, да и то, приложив весь свой авторитет. В своей речи произнесенной в тот же день он заявил «что всякий кто пытается унижить и расколоть Конвент является врагом отечества»[19, с.49]. Таким образом, он осудил крайних. В конце речи политик сделал хитрый ход, потребовав переизбрания Комитета общественного спасения (чего естественно не произошло). Конвент поддержал оратора и тем самым курс, взятый правительственным комитетом.

Чтобы окончательно закрепить это положение Комитет общественного спасения пошел на открытое установление диктатуры. Это произошло 10 октября 1793г. (19 вандемьера II года республики).

В этот день в Конвенте от имени комитета выступил Сен-Жюст. С самого начала докладчик готовил публику к чему то радикальному: «Настало время провозгласить истину, которая отныне должна владеть умами тех, кто будет управлять» [21, с.93]. Рассказывая о многочисленных заговорах и бюрократии, внутри республики, он открыто выступал против существующего порядка вещей и организации власти. Подводя итог, Сен-Жюст сказал, что при практикующемся порядке конституция не может быть введена в действие. Ибо она не допускает насилия, столь необходимого в настоящий момент [21, с. 98]. В самом конце докладчик предложил на рассмотрение проект декрета о временном революционном порядке управления. Последний был тут же утвержден.

Что же нового предлагал этот документ?

Итак, во Франции вводился временный революционный порядок до заключения мира, то есть новая конституция так и не вступала в силу (ст. 1) [8, с. 238]. Исполнительный совет, министры и все учреждения теперь подчинялись Комитету общественного спасения, который в свою очередь еженедельно докладывал Конвенту (ст.2).

Всякие инициативы и решения, принятые Исполнительным советом, вводились в жизнь только после согласования с Комитетом (ст.3). Правительственные законы получали статус революционных, с ответственностью за их исполнение (ст. 4 и 6).

Второе новшество было связано с вмешательством в дела армии. Главнокомандующие и генералы также назначались по представлению Комитета общественного спасения (ст.2 и 5).

Впервые было закреплено вмешательство в экономику. Комитет общественного спасения допускался к составлению норм потребления зерна для каждого департамента (ст.7 и 8) [8, с. 238]. Все излишки подлежали реквизиции, право осуществлять последние принадлежало комиссарам, морскому министерству и министру внутренних дел (ст. 9 и 10).

Декрет 19 вандемьера формально оформил становление диктатуры революционного правительства. Центральное руководство окончательно перешло к Комитету общественного спасения, хотя де-юре главным центром оставался Конвент.

Вся исполнительная власть, руководство армиями и даже сфера экономики перешли под власть децемвиров. Используя новые полномочия, руководство уже 26 октября (5 брюмера) отменили выборы муниципалитетов [15, с. 450].

Декрет 19 вандемьера создал законодательную базу для диктатуры революционного правительства, теперь ни один основной закон не мог ее ограничить. Монтаньярам оставалось объяснить суть нового политического режима.

Именно организации временного революционного правительства была посвящена речь Бийо-Варенна 18 ноября 1793 г. В принципе его речь была похожа на доклад Сен-Жюста, сделанный месяцем ранее. Автор долго говорил о неисполнении законов, бумажной волоките, несовершенстве законодательства. Но были здесь высказаны и другие предложения. Обвиняя департаменты в федерализме, Бийо предложил вывести их из иерархии управления и заменить дистриктами. На департаменты должны быть возложены чисто административные обязанности, например сбора налогов. Это так же, по его словам, могло улучшить работу муниципалитетов. Чиновников предлагалось подвергать административной и уголовной ответственности. Все это требовало создание правительства нового типа, такого которое «будет не железной рукой деспота, а царством справедливости и разума» [13, с. 34-40].

Стало очевидным, что Комитет общественного спасения что-то задумал. Действительно шла подготовка нового декрета об организации временного порядка управления, будущей «временной конституции», как ее впоследствии назовут. После многочисленных доработок проект декрета был представлен Бийо-Варенном 4 декабря (14 фримера) 1793 г. Декрет был настолько радикален, что вызвал обширную дискуссию членов Конвента.

Бийо, отвечая на вопросы некоторых депутатов, заверил их, что концентрация всей власти в Конвенте не приведет к тирании и добавил что «предлагаемый нами закон необходим, он сокрушит заговорщиков внутри республики и покажет строгость правительства» [29, р.635].

Полемику вызвали в основном три вопроса, по которым состоялись отдельные прения.

Первый - о назначении национальных агентов. Позиция Комитета общественного спасения была высказана Барером: «Комитет не желает нести ответственность за назначение национальных агентов; ибо тогда это станет очагом интриг» [29, р.635]. Эту позицию поддержал Файо. Дантон и Тюрио высказались против выборов агентов.

Дантон предложил: «Я требую, чтобы в каждом департаменте был национальный прокурор и чтобы, во избежание всякого воздействия со стороны случая, родства или богатства, - этих надсмотрщиков, этих агентов народа назначал Комитет общественного спасения» [29, р.635]. В результате, было решено внести изменения, добавив пункт о назначении агентов.

Второй вопрос был о замене должностных лиц в местных органах самоуправления. Мерлен из Тионвиля и Барер высказались за выборность их советами коммун и дистриктов. Кутон и Мольде внесли предложение за назначение Конвентом, мотивируя тем, что это противоречит революционному порядку управления. Мольде уточнил: «слишком большая сила не может навредить нам» [29, р. 636]. Было принято предложение Кутона.

И наконец, третий вопрос о ликвидации Исполнительного совета. Как известно это мера предлагалась Дантоном еще в августе, но тогда ее отклонили. Теперь инициативу подал Бурдон из Уазы. Он заявил: «Эти королевские паразиты, которых я хотел бы видеть раздавленными, могут только помешать революционному движению». Ему ответил Робеспьер: «При господстве свободы министры больше не являются тем, кем они были, они больше не

являются агентами короля, а Конвента, это инструменты, которые Комитет общественного спасения может применить с пользой» [29, р.637]. Он назвал министерства машиной, которую трудно заменить. Таким образом, вопрос был снят.

После дискуссии Бийо – Варенн зачитал текст измененного декрета, который был тут же принят. Принятый декрет, подтвердил статус Конвента как главного органа власти (раздел 2.Ст. 1). Все органы власти и должностные лица непосредственно подчинялись Правительственным комитетам (ст. 2) [29, р.630]. Исполнительный совет сохранял свои функции, но это ведомство и лично каждый министр каждую декаду должны были отчитываться перед комитетами (ст. 4 и 5).

Изменилась система административного управления. Основной административной единицей становится дистрикт, власти которого так же давали ежедекадный отчет (ст. 6). Департаменты же были исключены из этой системы, им отводились только функции по сбору налогов и управления мануфактурами и дорогами (раздел 3.Ст. 5) [29, р.631].

Вместо ликвидированной должности прокуроров – синдиков вводилась должность национального агента, специального уполномоченного правительства, который должен был следить за исполнением законов и сообщаться с комитетами по переписке (раздел 2.Ст.14, ст. 15).

Усиливался контроль над армией. Подтвердив свое право в назначении главнокомандующих и генералитета, Комитет общественного спасения взялся за надзор прочего командного состава. Назначение производилось министерством после утверждения списков комитетом (раздел 3.Ст. 4) [29, р.631].

Получила дальнейшее развитие тенденция по чистке властей. Наряду с ликвидацией должности прокуроров-синдиков производилась смена всех председателей и секретарей ревкомов республики (ст. 7). Под предлогом борьбы с федерализмом распускались собрания и общества, созданные ранее комиссарами или местными клубами (ст. 17). Та же участь постигла и местные революционные армии, сохранялась только Парижская (ст. 18) [29, р.632].

Таким образом, в стране устанавливалась диктатура революционного правительства в лице Комитета общественного спасения с предельно упрощенной и жесткой системой организации. Закрепив господство в ранее достигнутых сферах, «Великий» комитет стремился к еще большей власти. Отныне он мог непосредственно заниматься дипломатическими делами (раздел 3.Ст. 1).

Как же это повлияло на традиционные институты революционного правительства? Подчинив себе фактически всю исполнительную власть, Комитет во главе с Робеспьером не собирался отказываться от представителей в миссиях. Наоборот шло их непосредственное подчинение, и перехват инициативы у Конвента. Еще 25 ноября был издан декрет, позволивший подчинить всех комиссаров в миссиях непосредственно Комитету общественного спасения [13, с. 27]. Декрет 14 фримера продолжил эту тенденцию. Комиссары были обязаны регулярно ежедекадно вести переписку с бюро переписки комитета и уведомлять в течение суток последний о каких-либо решениях (раздел 3.Ст. 2) [29, р.632]. Только Комитет общественного спасения получает исключительное право на рассылку комиссаров и агентов.

Но революционное правительство начинает думать о полной централизации и все пристальнее обращает внимание на широкие полномочия провинциальных «проконсулов». Этому способствовала и речь Дантона 1 декабря, потребовавший отозвать ряд комиссаров за невыполнение декретов Конвента [7, с.53]. Появляется тенденция к ограничению их полномочий. Данный декрет это убедительно показывает. Представителей лишили их опоры на местах, а именно революционных армий и собраний. Потом перешли к прямому ущемлению прав. Их миссия ограничивалась выданным мандатом, а срок полномочий заканчивался с их

отзывом или по выполнению поставленных задач. Запрещалось передавать полномочия другим лицам (раздел 3.Ст. 12, 14). Они не могли изменять трактовку декретов и законов (это разрешалось только комитетам). По этому поводу даже был выпущен специальный циркуляр, где представителям предписывалось поскорее завершить обновление властей и представить отчет о проделанной работе. Документ заканчивался словами: «точность, быстрота и революционный образ действия должен быть положен в основу всей вашей деятельности» [13, с.57].

29 декабря состоялась последняя крупная рассылка комиссаров. Воспользовавшись своим правом, Комитет общественного спасения направил 58 депутатов для установления революционного порядка управления (ст. 1) [8, с.247-248]. Об их деятельности можно судить по переписке. Вот, например, письмо Фусседуара от 16 февраля 1794 г., совершавшего свою миссию в департаменте Верхнего Рейна. Оно свидетельствует о выполнении им выше описанного циркуляра: «Поведение каждого органа власти я подверг публичной проверке в среде народных обществ и в присутствии всего народа» [13, с.65].

Одновременно начался нажим на ревкомы и народные общества. 7 декабря (17 фримера) 1793 г. депутация коммуны Амбуаз попросила Конвент освободить их мэра. В ответ на это Кутон потребовал расширить права ревкомов, разрешив им арестовывать любых подозрительных лиц, коих они сочтут необходимыми. Единственное, что требовалось членам ревкомитетов-это в течение 24 часов направить протокол с причинами ареста комиссарам или в Комитет общественной безопасности [11, с.128]. Это предложение было декретировано Конвентом.

Таким образом, рамки закона 17 сентября были превышены, теперь правительство могло это использовать для усиления борьбы с оппозицией и чистки властей.

Еще 13 ноября (23 брюмера) Комитет общественного спасения разослал всем народным обществам циркуляр, в котором предлагал им составлять списки на всех граждан желающих занять государственные посты. «Родина задает вам вопрос,- ответом на него должна стать полная истина» - так гласил документ [13, с.71]. Окончательно свое место в механизме революционного правления народные общества приобрели 4 февраля (16 плювиоза) 1794 г. после выхода нового циркуляра комитета.

Из него следует, что народные общества признавались «часовыми, стоящими на передовых постах общественного мнения». Круг задач предлагался весьма широким: раскрытие заговоров, поиск шпионов, выявление нечестных чиновников, выдвижение на посты госслужащих патриотов и др. [8, с.248-249].

Таким образом, в течение ноября - декабря 1793 г. произошло окончательное установление диктатуры революционного правительства, «пришла жесточайшая централизация, которую когда-либо знала Франция» [22, с.343]. Теоретическое обоснование этому было дано позднее Робеспьером 25 декабря 1793 г. в докладе «О принципах революционного правительства» и 5 февраля 1794 г. «О принципах политической морали».

Уже в начале декабряского доклада Неподкупный заявил, что «теория революционного правления столь же новая, как и революция, приведшая ее» [19, с.91]. Затем он озвучил основные различия между конституционным и революционным правительствами. Конституционное правительство должно сохранить республику, а революционное создать ее. Важной чертой, по его мнению, является и обстановка внутри страны. Так конституционное правительство действует в условиях мирной свободы, а революционное, напротив, в условиях революции и войны.

Из-за этого революционное правительство вынуждено действовать активно и максимально быстро реагировать на вызовы. Если в мирное время достаточно охранять граждан от

злоупотреблений власти, то в нынешних условиях власть сама должна защищать себя от всех угроз. Этим он оправдывал централизацию и суровые законы [19, с.92]. При этом докладчик много рассуждал о тайных происках коалиции.

В следующей речи, 5 февраля, Робеспьер сосредоточился на внутренней политике. Признавая революционное правительство демократическим, он впервые выдвинул тезис о движущейся силе этого правительства. По его мнению, это должны быть добродетель и террор. Террор признавался особой формой справедливости и «общим принципом демократии» [19, с.112].

Именно с весны 1794г. добродетельное общество становится главным инструментом правительства. Все неугодные властям стали обвиняться в отсутствии гражданских и личных добродетелей. А поскольку критерии этой морали были очень туманны, то можно было усиливать нападки на политических оппонентов [4, с.131].

Из всего выше обозначенного становится ясно, что установившаяся диктатура революционного правительства будет стремиться к полной централизации, постепенно превращаясь в личную диктатуру Максимилиана Робеспьера. Следствием этого станет дальнейшее ущемление политических свобод, подъем государственного террора на новый уровень.

Библиографический список

1. Авербух Р. Террористический режим во Франции в 1793-1794 //Вестник коммунистической академии. 1925. Кн.11.
2. Блан Л. История Французской революции. Соч. Т. X. Спб., 1909.
3. Блуменау С.Ф. Колло д Эрбуа и начало федералистского восстания //Англия. Франция. Германия. Мусульманский Восток. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. Брянск, 2000.
4. Блуменау С.Ф. Французский историк о механизмах террора во время революции //Новая и новейшая история, 2006, № 3.
5. Блуменау С.Ф. Дебаты в Учредительном собрании Франции по проблеме выборов в годы Великой французской революции // Новая и новейшая история, 2017, № 6.
6. Волгин В.П. Тарле Е.В. Французская буржуазная революция 1789-1794. М - Л., 1941.
7. Дантон. Избранные речи. Киев, 1924. URL: <http://www.Istmat.Info>. (дата обращения:7.12.2017)
8. Документы истории Великой французской революции. Т. I. М., 1990.
9. Документы истории Великой французской революции. Т. II. М., 1992.
10. Доусон К.Г. Боги революции. Спб., 2002.
11. Кутон Ж. Избранные произведения 1793-1794. М., 1994.
12. Ленотр Ж. Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции. М., 2006.
13. Лукин Н.М. Революционное правительство в эпоху Конвента. М., 1927.
14. Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983.
15. Матьез А. Великая Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
16. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814. М., 2006.
17. Олар А. Политическая история французской революции. М.,1938.
18. Плеханов Г.В. Год на родине. Париж. 1921. Т. 2. С 30.
19. Робеспьер М. Избранные произведения. Т III. М., 1965.
20. Роленков А.Г. Комиссары Ж.-Н. Бийо-Варен и Ж. Севестр в департаментах Кот-дю-Нор и Ильи-Вилен в марте - апреле 1793 г. //История. Общество. Политика. 2017, №1(1).
21. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. М., 1995.
22. Скочпол Т. Государство и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017.
23. Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.
24. Тарле Е.В. Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы. П., 1918.

25. Тонкова-Яковкина Р.М. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора осенью и зимой 1793-1794 гг. В сб. «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции». М.-Л., 1931.
26. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. Т.1-89. Р., 1867-1971. Т 70.
27. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. Т.1-89. Р., 1867-1971. Т 73.
28. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. Т.1-89. Р., 1867-1971. Т 74.
29. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. Т.1-89. Р., 1867-1971. Т 80.

Сведения об авторе:

Самсаров Александр Ивайлович – магистрант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, a.i.samsarov@gmail.com

ОТ СТАРОЙ ИМПЕРИИ К ГЕРМАНСКОМУ СОЮЗУ. МЕТАМОРФОЗЫ НЕМЕЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НАПОЛЕОНОВСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация: В статье предпринят анализ тех преобразований и изменений, которым подверглась немецкая государственность в эпоху наполеоновских войн (1806 – 1815 гг.). Подробно рассматриваются основные подходы современных немецких историков к проблеме распада Священной Римской империи германской нации в 1806 г. Особое внимание уделяется структуре Рейнского союза, сменившего Старую империю, приводится типология государств-членов Рейнского союза. Анализируются основные подходы к проблеме возрождения немецкой государственности после распада Рейнского союза и наполеоновской Империи. Проводится единая линия развития немецкой государственности от Старой империи к Германскому союзу. Подчёркивается главная особенность немецкого государственного устройства начала XIX в. – его дуалистический характер, единство надгосударственного и локального уровней.

Ключевые слова: Священная Римская империя, Старая империя, Рейнский союз, Германский союз, Венский конгресс, наполеоновские войны, историография, Освободительные войны, федерализм, суверенитет.

D.V. Sterkhov.

From Old Empire to the German Confederation. Metamorphoses of German statehood during the Napoleonic era

Abstract: The article analyzes the process of changes and transformations which German statehood underwent during the Napoleonic Wars (1806 – 1815). The approaches of modern German historians to the problem of the dissolution of the Holy Roman Empire in 1806 are taken into consideration. Special attention is being paid to the structure of the Confederation of the Rhine created by Napoleon after the disintegration of the Old Empire, the typology of the state-members is offered. The main theories of the resurrection of the German state after the fall of Napoleon are closely examined. It is pointed out that we can talk about the continuity of the German state building in the Napoleonic epoch rather than discontinuity. It is emphasized that the special feature of German statehood in the 19th century was its dualistic character which united both universal and territorial principles.

Key words: Holy Roman Empire, Old Empire, Confederation of the Rhine, German Confederation, Congress of Vienna, Napoleonic Wars, Historiography, Liberation Wars, federalism, sovereignty.

1806 год по праву считается одним из переломных моментов немецкой истории. Именно в этом году прекратила своё существование Священная Римская империя германской нации, которая на протяжении почти 850 лет объединяла различные немецкие территории в единое государственное образование. Причиной распада Священной Римской или, как её ещё называют, Старой империи посвящена богатая научная литература. Долгое время наиболее влиятельной была концепция, которая сложилась в боруссианской историографии XIX в., согласно которой история Старой империи после Тридцатилетней войны и Вестфальского мира предстаёт как период неуклонного застоя и упадка, затянувшегося на полтора века. Представление о нежизнеспособности Империи и её постепенной деградации было связано с тем, что историки XIX столетия ориентировались преимущественно на идеал современного централизованного государства, блестящим примером которого служила Пруссия. Империя же с её громоздкими политическими структурами и разнообразием социально-политических и культурных ландшафтов представлялась устаревшей и не соответствующей идее сильного национального государства. Подобная "декадентская модель" ("Dekadenzmodell") немецкой истории во многом преобладала в историографии вплоть до второй половины XX века [19, S.40-41].

Современная историческая наука, отказавшись от традиционного пруссоцентризма, совершенно иначе оценивает роль и значение Старой империи для немецкой государственности. Во-первых, некоторые немецкие историки рассматривают Старую империю как предте-

чу современного германского федеративного государства. В рамках этой трактовки политическое устройство Империи рассматривается по аналогии с ныне существующей парламентской системой ФРГ, тем самым Империя органично вписывается в историю немецкого федерализма [1, с. 304 – 305]. Во-вторых, определённой корректировке подверглось устоявшееся представление о незначительной эффективности имперских институтов и полной беспомощности центральной власти в лице императора во второй половине XVII – XVIII вв. В научной литературе 1980-х – 1990-х гг. была вполне убедительно продемонстрирована несостоятельность тезиса о параличе и неэффективности имперских институтов [13, S. 9 – 12], а идея о политическом бессилии императоров была опровергнута известным немецким историком Фолькером Прессом [17, S. 189 – 222]. В-третьих, стала развенчиваться легенда о практически неограниченном суверенитете германских территориальных государств, что, если следовать трактовкам XIX в., привело к тому, что Империя была раздробленной, разобщённой и, как следствие, слабой как внутри, так и на внешнеполитической арене. Такие классические понятия, как "партикуляризм", "раздробленность", "раскол", больше не применяются к Старой империи, сегодня немецкие историки предпочитают говорить о "двойной государственности", которая была характерной для Германии Нового времени. Согласно этому видению проблемы, процесс государственного строительства после 1648 г. происходил на двух уровнях – уровне Империи и уровне территориальных государств, которые, пока существовала Империя, никогда не являлись полностью суверенными и независимыми. По этой причине Империю можно рассматривать как уникальное государственное образование, которое соединяло в себе универсалистские и партикулярные элементы [4, S. 28 – 29]. В четвёртых, начиная с 1980-х гг. всё больше внимания в немецкой исторической науке уделяется такому явлению, как имперский патриотизм, который не угасал даже в эпоху Революционных войн, когда до распада Империи оставались считанные годы [26, S. 49 – 59]. В этой связи всё большие сомнения высказываются относительно того, что конец Старой империи произошёл незаметно и не вызвал никакой реакции со стороны современников. Как показывают исследования последних лет, распад Империи затронул интересы широких слоёв населения и прошёл не так безболезненно, как об этом принято думать [28, S. 19].

Ввиду подобной переоценки Старой империи возникает закономерный вопрос – по какой причине она прекратила своё существование в 1806 г., если не в силу внутренней раздробленности, слабости центральной власти и постепенного упадка имперских институтов? Мнения по данному вопросу в современной литературе расходятся, однако можно выделить комплекс факторов, приведших Империю к гибели. Первый и самый серьёзный удар Империя получила в ходе войны Первой коалиции, когда Францией были оккупированы территории на левом берегу Рейна. Французская оккупация левобережья Рейна была подтверждена Кампо-Формийским (1797 г.) и Люневильским (1801 г.) мирными договорами. Следствием этих событий стало упразднение практически всех имперских епископств и аббатств (секуляризация), а также большинства имперских вольных городов и мелких княжеств и графств (медиатизация). Эта "территориальная революция", закреплённая в заключительном постановлении имперской депутации 1803 г. (Reichsdeputationshauptschluss) коренным образом изменила карту Германии и лишила императора его главной опоры – прямых вассалов и подданных [14, S. 226 – 227]. С другой стороны, секуляризация и медиатизация проводились в интересах средних и крупных территориальных государств, при этом больше всего от медиатизации выиграли государства Юга и Юго-запада Германии, в первую очередь Бавария, Баден и Вюртемберг. Правители этих земель, желавшие получить компенсацию за потерю своих владений на левом берегу Рейна, присоединили обширные секуляризованные и меди-

тизированные территории, которые позволили им повысить свой правовой и политический статус и занять независимую позицию по отношению к императору.

В стремлении отдельных князей укрепить новоприобретённый суверенитет многие авторы видят вторую главную причину окончательного распада Священной Римской империи, при этом в качестве виновников выступают не только упомянутые выше правители Баварии, Бадена и Вюртемберга, чьи притязания на самостоятельный статус были подтверждены Прессбургским миром декабря 1805 г. [2, S. 19], но также Австрия и Пруссия. Две самые крупные германские державы также стремились укрепить своё внутривнутриполитическое и международное положение за счёт Империи и не были заинтересованы в сохранении имперских институтов, и в этом можно видеть третью причину упадка Старой империи. Пруссия, заключившая в 1795 г. сепаратный Базельский мир с Францией, уже давно считалась предательницей имперских интересов, кроме того, в 1805 – 1806 гг. прусские политические круги разрабатывали идею создания отдельного Северогерманского союза или прусско-северогерманской империи во главе с королём Фридрихом Вильгельмом III Гогенцоллерном в качестве императора [12, S. 293]. Политику эмансипации от Империи проводили и Габсбурги, что нашло отражение в коронации Франца II австрийским императором и превращении Австрии в наследственную империю. Этот акт явно свидетельствовал о том, что династические интересы имели для Габсбургов гораздо большее значение, чем уже ничего не значащая корона Священной Римской империи [23, S. 115].

Наконец, ещё один фактор, ускоривший гибель Империи – это политика французского императора Наполеона Бонапарта, который стремился к тому, чтобы поставить в зависимость от себя средние государства Юга и Юго-запада Германии и использовать их в качестве источника людских и материальных ресурсов в войнах против Австрии и Пруссии. Для этой цели Наполеон всячески поддерживал стремление правителей "третьей Германии" к государственному суверенитету и самостоятельности, что выразилось в повышении международного и юридического статуса некоторых имперских князей (курфюрст Баварии и герцог Вюртемберга стали королями, курфюрст Бадена – Великим герцогом), а также в присоединении новых территорий, которые Бонапарт отнимал у Австрии и Пруссии и раздавал своим новым немецким союзникам. Те в ответ верно служили интересам Франции – и в войне 1805 года с Австрией, и в войне 1806 г. с Пруссией государства Юга Германии воевали на стороне Наполеона, что являлось грубейшим нарушением имперской конституции. Наполеону было выгодно разрушение имперских органов власти, что позволило бы крепче привязать государства "третьей Германии" к Франции, при этом тезис о том, что он сам стремился стать императором Священной Римской империи, является историографическим мифом – подобных целей Бонапарт не преследовал [18, S. 236].

Можно согласиться с мнением Ганса-Кристофа Крауза о том, что Империя фактически перестала существовать в конце 1805 – начале 1806 гг. [15, S. 51] Последним ударом стало создание в июле 1806 г. Рейнского союза, который означал выход Баварии, Бадена, Вюртемберга, Гессена и некоторых других территорий из состава Священной Римской империи. Отречение Франца II от имперской короны 6 августа 1806 г. являлось чистой формальностью. Надгосударственная надстройка, которая долгое время объединяла германские земли в единый политический организм, перестала существовать. На её место пришёл созданный под эгидой Наполеона Рейнский союз, который в скором времени поглотил все немецкие территории, за исключением Австрии и Пруссии. Изначально договор о создании Рейнского союза подписали 15 государств, с осени 1806 г. по весну 1808 г. к нему присоединилось ещё 23 государства, одними из последних были Мекленбургские герцогства. К 1808 г. Рейнский союз охватывал территорию в 325 800 кв.км. и насчитывал порядка 14,6 миллионов жителей. Со-

юз включал в себя государства так называемой "третьей Германии", в него не входили Австрия и Пруссия, города Гамбург, Бремен и Любек, а также находящиеся под властью Дании Гольштейн и Швеции Передняя Померания [14, S. 290].

Если подробнее взглянуть на структуру Рейнского союза, то можно будет убедиться, что и в данном случае мы имеем дело с той самой "двойной государственностью", которую можно было наблюдать на примере Старой империи. С одной стороны, в состав Рейнского союза входили самостоятельные государственные образования, которые можно условно разделить на три типа. Во-первых, основу союза составляли суверенные государства Юга и Юго-запада Германии, в первую очередь Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт. Правители этих государств являлись полноценными союзниками Наполеона, а не просто его вассалами, при этом французский император всячески поддерживал стремление южнонемецких князей к укреплению их суверенитета, дабы противопоставить их Австрии. Во-вторых, в Рейнский союз также входили так называемые "образцовые государства" Наполеона ("napoleonische Modellstaaten"), которые были созданы французским императором из прусских территорий, а также земель упразднённых им Ганновера, Брауншвейга и Гессен-Касселя. В этой связи стоит упомянуть в первую очередь великое герцогство Берг (1806 г.), где в разное время правили Иоахим Мюрат, сам Наполеон Бонапарт и его племянник Наполеон Луи Бонапарт, королевство Вестфалия (1807 г.), где правил младший брат Наполеона Жером Бонапарт, а также Великое герцогство Франкфурт (1810), которым управлял бывший архиепископ Майнца и наиболее видный политик Рейнского союза Карл Теодор фон Дальберг. Созданные Наполеоном государства называются "образцовыми" потому, что в них проводились прогрессивные социально-политические и экономические реформы по французскому образцу, которые должны были служить примером для других германских государств. Наконец, третью категорию составляли те мелкие и средние государства, которые вошли в состав Рейнского союза в 1807 – 1808 гг. в результате заключения особых договоров о присоединении (Akzessionsverträge). К таким государствам относились Саксония, оба Мекленбургских герцогства, а также карликовые образования как Липпе-Детмольд или Шаумбург-Липпе, многие из которых смогли обеспечить своё существование вплоть до 1918 г. только благодаря членству в наполеоновском Рейнском союзе [22, S. 23 – 24].

С другой стороны, процесс государственного строительства шёл и на более высоком, конфедеративном уровне. В 1807 – 1808 гг. разрабатывались различные проекты по превращению Рейнского союза в полноценное государственное образование по типу Старой империи. В этой связи можно выделить три основных подхода, первый из которых поддерживался Наполеоном и его сторонниками. Изначально французский император желал видеть в Рейнском союзе конфедеративное государство (Bundesstaat) с собственной конституцией и представительным органом – Рейхстагом. Дабы максимально привязать эту конфедерацию к Франции, в государствах Рейнского союза предполагалось провести социальные и политические реформы по французскому образцу, создать единую правовую систему на основе Кодекса Наполеона, унифицировать государственный аппарат и ввести всеобщую воинскую повинность. При этом внешняя политика конфедерации германских государств была бы полностью под контролем французского императора, который брал на себя роль протектора союза.

Наиболее радикальную позицию занимали так называемые "патриоты Рейнского союза" – чиновники, публицисты и общественные деятели, желавшие видеть не конфедерацию, а единое централизованное государство с сильным правителем, на роль которого предлагался великий герцог Франкфурта Карл Теодор фон Дальберг. Именно представители этого направления наиболее рьяно выступали за превращение Рейнского союза в полноценное государство.

Наконец, третьей позиции придерживались "средние государства" Юга и Юго-запада Германии – Бавария, Баден, ВюртеMBERG и некоторые другие. Правители этих территорий видели в Рейнском союзе всего лишь военный альянс суверенных государств и выступали против дальнейшего институционального развития на надгосударственном уровне. Можно считать, что в конечном итоге победил именно такой подход. С лета 1808 г. Наполеон оставил все попытки превратить Рейнский союз в конфедеративное государство, отныне он должен был стать только источником людских и материальных ресурсов, а также плацдармом для возможного нападения на Австрию или Пруссию [10, S. 55 – 56].

Можно ли в таком случае считать Рейнский союз государством, или это действительно был всего лишь военный альянс с Францией и в данном случае мы имеем дело с периодом временного разрыва в немецкой государственности? В современной исторической литературе преобладает точка зрения, согласно которой Рейнский союз во многом был продолжением Старой империи, и мы можем говорить не о разрыве, а о непрерывном развитии немецкой государственности. Примечателен тот факт, что сами современники видели в Рейнском союзе обновлённую Империю. Упомянутые выше "патриоты Рейнского союза", к которым, среди прочего, относились такие деятели, как Жан Поль, Кристиан фон Эггерс, Петер Адольф Винкопп, видели в нём воплощение истинного немецкого национального государства без участия Австрии и Пруссии. Эти взгляды были тесным образом связаны с представлением о "третьей Германии", которая, по мнению того же Кристиана фон Эггерса, и являлась "истинной Германией", объединённой Наполеоном в единое федеративное государство. Рейнский союз рассматривался как фундамент для дальнейшего развития немецкого народа, свободного от разрушительного австро-прусского дуализма, Наполеон же представал как благодетель немецкой нации и гарант немецкого единства [6, S. 177 – 185]. Лишь после падения империи Наполеона эта позитивная оценка сменилась на резко негативную. Вплоть до середины XX в. Рейнский союз будет рассматриваться в немецкой историографии как "одно из самых больших мест немецкой национальной истории", как "национальный позор", как разрыв немецкой государственной традиции. Лишь начиная с 1970-х гг. в немецкой исторической науке появится целое направление под названием "исследование Рейнского союза" ("Rheinbundforschung"), в рамках которого произойдёт полная переоценка роли и значения Рейнского союза в немецкой истории [20, S. 11]. Именно в этом ключе рассматривают Рейнский союз такие авторы, как Георг Шмидт [18, S. 228] и Альберт Функ [8, S. 144], которые полагают, что он был обновлённой версией Старой империи и частично базировался на бывшей имперской конституции. По этой причине Рейнский союз можно считать не разрывом в истории немецкой государственности, а продолжением федеративных традиций, заложенных в Старой империи.

Рейнский союз оказался очень прочной организацией, ни поражение наполеоновской Великой армии в России, ни начало войны Шестой коалиции, ни мощная национальная пропаганда, исходившая из русско-прусского лагеря весной – летом 1813 г., не стали причинами его распада. Лишь знаменитая битва под Лейпцигом 16 – 19 октября 1813 г., ознаменовавшая конец наполеоновского господства в Германии, привела к тому, что бывшие союзники Наполеона стали один за другим отпадать от него, и в ноябре 1813 г. Рейнский союз, просуществовавший 7 лет, канул в небытие. Стоит отметить, что развал Рейнского союза не являлся результатом антинаполеоновского народного восстания или широкого национального движения, фактически всё решила военная победа союзников. Германские князья до последнего держались за Наполеона, веря в его удачу, и некоторым из них это чуть не стоило трона, как, к примеру, королю Саксонии Фридриху Августу I, который поплатился за верность французскому императору двумя годами плена и потерей части своего королевства. Этот факт ука-

зывает на то, что Рейнский союз не был всего лишь бесформенным военно-политическим альянсом, а являлся достаточно прочной и выгодной для его участников организацией.

Распад Рейнского союза представлял собой очередную метаморфозу немецкой государственности. На территориях, освобождённых от французского контроля, стали происходить процессы, которые можно свести к трём моментам. Во-первых, союзники гарантировали полный суверенитет средних государств Юга и Юго-запада Германии взамен на их присоединение к антифранцузской коалиции. Тем самым бывшие союзники Наполеона, в первую очередь правители Баварии, Бадена и Вюртемберга, не только не были "наказаны" за их профранцузскую политику, но смогли укрепить суверенитет своих государств и сохранить практически все территориальные приобретения, полученный по милости Наполеона. Исключение составляла лишь Саксония, которая оказалась сначала под прусской, а затем русской администрацией, но на Венском конгрессе всё же удалось не допустить полного уничтожения Саксонии, дело ограничилось лишь передачей части территории королевства Пруссии, но всё же Саксония осталась самостоятельным суверенным государством [21, S. 242 – 243]. Во-вторых, были реставрированы некоторые государства, которые существовали до 1805 – 1806 гг. и были уничтожены Наполеоном. В частности, были восстановлены Ганновер и Брауншвейг, на чём особенно активно настаивала Великобритания, было возрождено и курфюршество Гессен. Благодаря династическим связям с домом Романовых было восстановлено и аннексированное Францией в 1811 году герцогство Ольденбург. В октябре 1813 – мае 1814 гг. вновь получили независимость имперские города Бремен, Любек, Франкфурт и Гамбург [14, S. 297]. Таким образом, на Севере и Северо-западе Германии частично была восстановлена карта Старой империи. В-третьих, печальная судьба ожидала "образцовые государства" Наполеона – все они были уничтожены союзниками. На их месте были созданы временные генерал-губернаторства, осенью – зимой 1813 г. их было 4: Саксония, Берг, генерал-губернаторство на землях между Везером и Рейном и генерал-губернаторство Франкфурт. В течение 1814 г. к ним добавилось ещё 3: генерал-губернаторство Нижний Рейн с центром в Аахене, генерал-губернаторство Средний Рейн с центрами в Трире, Кобленце а затем в Майнце, и генерал-губернаторство Эльзас. Все семь генерал-губернаторств были подчинены Центральному административному департаменту, созданному 21 октября 1813 г., возглавил его бывший прусский министр барон Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штайн [5, S. 65 – 66]. Генерал-губернаторства просуществовали недолго, к концу 1814 г. их территории были поделены между Австрией, Пруссией, средними государствами Юга и Юго-запада Германии и реставрированными государствами Севера и Северо-запада Германии.

Война Шестой коалиции завершилась взятием Парижа 30 марта 1814 г. и подписанием Первого Парижского мира 30 мая 1814 г., одним из условий которого являлось создание немецкого федеративного государства, объединяющего суверенные германские земли. Судьба Германии должна была решиться на Венском конгрессе, открывшемся в сентябре 1814 г., однако очевидно, что союзники задолго до начала общеевропейской конференции планировали возродить немецкую государственность на федеративных началах. На самом Венском конгрессе организационные вопросы решались в двух комитетах. Первый из них, так называемый "немецкий комитет", начал свою работу 14 октября 1814 г. и провёл в общей сложности 13 совещаний. В его работе принимали участие лишь 5 германских государств: Австрия, Пруссия, Ганновер, Бавария и Вюртемберг. Переговоры о создании общенемецкого государства завершились провалом, сторонам не удалось найти общую позицию, особенно ожесточённое сопротивление вызвал австро-пруссский дуалистический проект, в результате в январе 1815 г. комитет прекратил свою деятельность. 23 мая 1815 г. был создан второй комитет, в работе которого на этот раз принимали участие не только ведущие немецкие державы,

но также представители Гессен-Дармштадта, Бадена, Нидерландов, Дании, Саксонии и вольных городов. На этот раз работа комитета оказалась более успешной, не последнюю роль в этом деле сыграло возвращение Наполеона во Францию. Всего состоялось 10 заседаний, в результате которых 8 июня 1815 г. был создан Германский союз [16, S. 174 – 175].

Планы по реорганизации немецкой государственности, предложенные в ходе работы Венского конгресса, можно свести к четырём основным концепциям. Во-первых, выдвигались предложения по восстановлению Священной Римской империи, однако с более централизованной властью в лице императора. С подобным проектом, в частности, выступал барон фон унд цум Штайн, который требовал возрождения Империи в обновлённом виде, с императором из дома Габсбургов во главе, однако на этот раз монарх должен был обладать гораздо более широкими полномочиями во внутренней и внешней политике, чем в эпоху Старой империи. Законодательную власть император должен был делить с Федеративным собранием, которое являлось бы представительным органом всей немецкой нации. Штайн также предлагал создать централизованную административную систему управления обновлённой Империи в виде единого Имперского министерства, которое возглавляли бы имперский канцлер, имперский фельдмаршал и имперский министр финансов. Суверенитет отдельных германских государств по версии барона должен был быть максимально ограничен, в случае неповиновения император получал бы возможность подвергать опале мятежного князя и вводить на его территорию имперские войска [11, S. 54]. С позиций реставрации Империи в виде централизованного государства с сильной властью императора и имперских органов выступали и многие другие публицисты и политики, в частности известный философ Иоганн Готлиб Фихте, который, однако, желал видеть императором не Габсбурга, а Гогенцоллерна [2, S. 60]. Однако подобные планы оставались в области утопии. Ни европейские великие державы, ни ведущие германские государства, ни, тем более, суверенные средние государства Германии не были заинтересованы в таком проекте. Пруссия выступала против повторного возвышения династии Габсбургов, против возрождения Империи выступал и ведущий австрийский министр Клеменс фон Меттерних, впрочем, и австрийский император Франц I не стремился вновь возложить на свою голову общенемецкую корону, которую он рассматривал как ненужную тягость и обузу. Естественно, резко против восстановления Империи выступали и средние государства Юга и Юго-запада Германии, которые не желали жертвовать своим недавно приобретённым и гарантированным членами антинаполеоновской коалиции суверенитетом. Лишь карликовые германские государства были заинтересованы в создании сильной централизованной власти в лице императора, который мог бы обеспечить их защиту и само существование, однако у правителей таких крошечных территорий не было ни ресурсов, ни политического влияния, чтобы хоть как-то повлиять на процесс создания единого германского государства [27, S. 102].

Во-вторых, с планом создания дуалистического федеративного государства выступали Австрия и Пруссия, что нашло отражение в проекте прусского канцлера Карла Августа фон Гарденберга ("41 пункт", сентябрь 1814 г.) и совместном австро-прусском программном документе, одобренном Гарденбергом и Меттернихом 14 октября 1814 г. и получившим название "12 статей". Австро-прусская концепция федеративного германского государства предусматривала разделение Германии на 7 округов и создание единого центрального органа власти в виде "Совета высших", в котором, помимо Австрии и Пруссии, каждая из которых обладала двумя решающими голосами, должны были быть представлены также короли Баварии, Вюртемберга и Ганновера. Несмотря на подобные уступки крупным немецким монархиям, фактически все вопросы в предполагаемом Германском союзе должны были решать Пруссия и Австрия, при этом первая получала свою зону ответственности на Севере, а вто-

рая – на Юге Германии. Тем самым формально существующая пентархия в действительности превратилась бы в дуалистическое государство, покоящееся на компромиссе между Австрией и Пруссией [7, S. 181 – 182]. Идею разделения Германии между Австрией (Юг) и Пруссией (Север) поддерживали также многие немецкие общественные деятели, к примеру, крупный публицист и генеральный секретарь Венского конгресса Фридрих фон Генц и издатель популярной и влиятельной газеты Рейнский меркурий Йозеф Гёррес [2, S. 51; 11, S. 55]. Дуалистический проект вызвал серьёзное сопротивление со стороны тех германских государств, которые не были представлены в "Немецком комитете", 16 ноября 1814 г. они подали ноту протеста против австро-прусского плана. С критикой дуалистического проекта выступили также Бавария и Вюртемберг, которые вполне справедливо усматривали в нём существенное ограничение их суверенитета. Король Вюртемберга даже покинул Вену в январе 1815 г., в связи с чем заседания "Немецкого комитета" прекратились. Таким образом, австро-прусская дуалистическая концепция оказалась несостоятельной [14, S. 322].

В-третьих, достаточно влиятельной была и партикуляристско-сепаратистская перспектива, которая предусматривала создание достаточно аморфного союза государств, слабо связанных друг с другом и желательного без участия Австрии и Пруссии. Подобные проекты базировались на идее единства "третьей Германии" и предлагались преимущественно Баварией, которая претендовала на роль не только крупной немецкой, но и влиятельной европейской державы. Баварские ведущие политики Максимилиан фон Монжла и Карл Филипп фон Вреде предлагали создать Южногерманский союз во главе с Баварией, куда входили бы исключительно государства Юга и Юго-запада Германии. Вюртембергское правительство выступало с проектом Союза князей, гарантом независимости которого выступала бы Россия и членами которого являлись бы только те немецкие территории, население которых не превышает 5 миллионов человек, то есть из союза заведомо исключались Австрия и Пруссия. Предлагались и другие сепаратистские проекты, в том числе за сохранение Рейнского союза – с этой позиции выступал на Венском конгрессе французский министр иностранных дел Шарль Талейран [3, S. 21, 27, 34]. Однако все эти предложения так и не вышли из области идей и проектов.

В итоге победила четвёртая, федералистская концепция, которая была отражена в новом австро-прусском проекте, получившем название "17 статей" и предложенном в мае 1815 г. представителям всех германских правительств. Статьи предусматривали создание федеративного государства суверенных князей и вольных городов Германии с целью сохранения их независимости и защиты от внешней агрессии. В Германском союзе мы можем вновь видеть воплощение идеи о двойной немецкой государственности: с одной стороны, статьи подтверждали полный суверенитет государств-членов союза, с другой стороны, предполагалось создать некую надгосударственную настройку в виде общей конституции, представительного органа (Bundestag) и федерального войска (Bundesheer). Внутренняя структура союза была представлена в "17 статьях" достаточно размыто, предполагалось, что все конкретные вопросы будут решены в дальнейшем. Австрия и Пруссия сознательно не настаивали на подробной проработке всех деталей, дабы сделать проект приемлемым для государств "третьей Германии". В итоге план удовлетворил большинство немецких правителей и был ими одобрен 8 июня 1815 г., а 9 июня 1815 г. текст статей был включён в Заключительный акт Венского конгресса. С сентября 1815 г. союз насчитывал 41 члена, международными гарантами единства Германии являлись 8 держав: Пруссия, Австрия, Россия, Великобритания, Швеция, Франция, Испания и Португалия [22, S. 320].

Германский союз был крайне негативно оценен как современниками, так и последующими поколениями, так как совершенно не соответствовал представлениям о централизо-

ванном национальном государстве. С критикой структуры Германского союза выступали многие видные публицисты и общественные деятели, в частности, один из самых известных национальных мыслителей Германии наполеоновской эпохи Эрнст Мориц Арндт, который полагал, что Германский союз в том виде, в котором он был создан на Венском конгрессе, не сможет преодолеть раздробленность и разобщённости Германии [9, S. 109]. Преимущественно негативные оценки Германскому союзу давали и историки XIX в., к примеру, Генрих фон Зибель рассматривал организацию союза как препятствие для развития политических и конституционных свобод в Германии, а также отмечал разобщённость союза внутри и слабость на международной арене [24, S.327–328]. Сходные оценки давал и Генрих фон Трейчке, который называл немецкий Союзный акт 1815 г. "самой недостойной конституцией, которую когда-либо собственные правители навязывали великому культурному народу" [25, S.705]. Подобный негативный подход к Германскому союзу в целом сохранялся в немецкой историографии вплоть до 1980-х гг. и лишь в последние три десятилетия подвергся пересмотру. В новейшей исторической литературе Германский союз стал рассматриваться как продолжение Старой империи, он органично вписывался в историю германского федерализма, многие авторы подчёркивали его функцию по сохранению мира в Германии и Европе [10, S.111–112].

Продолжая федералистскую традицию Старой империи, Германский союз в то же самое время во многом отличался от неё. Во-первых, он не имел формального лидера в лице императора. Во-вторых, он был союзом суверенных государств, взаимоотношения между которыми не строились на вассально-ленных отношениях. В-третьих, он не имел надгосударственного административного аппарата. В-четвёртых, Германский союз, в отличие от Старой империи, имел вполне конкретную задачу – сохранение мира как внутри Германии, так и в Европе, он создавался с вполне чёткой целью. В-пятых, союз создавался на принципах международного права и был гораздо более прочно вписан в систему международных отношений, чем Старая империя.

С другой стороны, немало факторов роднили Германский союз с Империей. Во-первых, союз имел постоянный парламент во Франкфурте, который во многих отношениях был копией постоянного Рейхстага в Регенсбурге. Во-вторых, членами союза также являлись иностранные правители (короли Великобритании, Нидерландов, Дании), как это было и в Империи. В-третьих, прямой отсылкой к недавнему прошлому было включение в состав Германского союза только тех территорий Австрии и Пруссии, которые до 1806 г. входили в состав Священной Римской империи, таким образом, многие австрийские (Галиция, Ломбардия, Венгрия, Хорватия, Далмация) и прусские земли (Восточная Пруссия, Западная Пруссия, Познань) долгое время не являлись частью союза. Отсюда вытекает и ещё одно сходство с Империей – Германский союз не являлся национальным государством немцев, так как в разное время включал в себя и представителей других национальностей, в то же самое время большое количество немцев проживали за его пределами. Наконец, как и Старая империя, Германский союз был призван сохранять мир и стабильность в центре Европы. По этой причине вполне убедительной кажется представление о том, что Германский союз был не просто продолжением Старой империи, а её "улучшенным новым изданием" [1, с. 320 – 321].

Несмотря на все те метаморфозы, которые претерпела немецкая государственность в наполеоновскую эпоху, мы можем видеть единую линию преемственности, выраженную в дуалистическом характере этой самой государственности. Континуитет, о котором сегодня пишут современные немецкие историки и правоведы, наблюдается в первую очередь на уровне надгосударственной надстройки, в этом отношении федералистская традиция Старой империи была заимствована как наполеоновским Рейнским союзом, так и созданным на Венском конгрессе Германским союзом. В то же самое время процесс государственного строи-

тельства шёл и на локальном уровне, хотя здесь преобразования наполеоновского времени были гораздо более радикальными. На короткий период Австрия и Пруссия оказались изгнанными из Германии, государства Юга и Юго-запада добились полного суверенитета, который им удалось сохранить и после 1815 года, а государства Севера и Северо-запада были либо присоединены к Франции, либо вошли в состав так называемых "образцовых государств" Наполеона. Несмотря на их частичную реставрацию после 1813 г., карта Старой империи так и не была возрождена в полном объёме, однако идея единства суверенных германских государств на основе конфедерации не исчезла, а, наоборот, укрепилась и нашла своё воплощение в Германском союзе. Все те бурные преобразования, через которые прошла немецкая государственность за короткий период 1806 – 1815 гг., стали основой для дальнейшего государственного развития Германии на протяжении всего XIX в.

Библиографический список

1. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в Раннее новое время 1495 – 1806. Том 2, часть 2. М.: Транслит, 2009. 336 с.
2. Angermeier H. Deutschland zwischen Reichstradition und Nationalstaat. Verfassungspolitische Konzeptionen und nationales Denken zwischen 1801 und 1815 // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Band 107. Wien – Köln, 1990. S. 19 – 101.
3. Burg P. Die deutsche Trias in Idee und Wirklichkeit. Vom Alten Reich zum Deutschen Zollverein. Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 1989. 402 S.
4. Burkhardt J. Vollendung und Neuorientierung des frühmodernen Reiches 1648 – 1763. Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. 563 S.
5. Büsch O. (Hrsg.). Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens. Berlin: Walter de Gruyter, 1992. 868 S.
6. Echternkamp J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770 – 1840). Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 1998. 675 S.
7. Fassbender B. Der offene Bundesstaat. Studien zur auswärtigen Gewalt und zur Völkerrechtssubjektivität bundesstaatlicher Teilstaaten in Europa. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. 495 S.
8. Funk A. Kleine Geschichte des Föderalismus. Vom Fürstenbund zur Bundesrepublik. Paderborn: Schöningh Verlag, 2010. 408 S.
9. Gruner W. D. Der deutsche Bund 1815 – 1866. München: C. H. Beck Verlag, 2012. 127 S.
10. Hahn H.-W., Berding H. Reformen, Restauration und Revolution 1806 – 1848/49. Stuttgart: Klett-Cotta, 2010. 650 S.
11. Herre F. Nation ohne Staat. Die Entstehung der deutschen Frage. Köln – Berlin: Kiepenheuer und Witsch Verlag, 1967. 375 S.
12. Kittstein L. Politik im Zeitalter der Revolution. Untersuchungen zur preußischen Staatlichkeit 1792 – 1807. Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 2003. 692 S.
13. Kluefing H. Das Reich und Österreich 1648 – 1740. Münster: LIT Verlag, 1999. 129 S.
14. Kotulla M. Deutsche Verfassungsgeschichte. Vom Alten Reich bis Weimar (1495 – 1934). Berlin: Springer-Verlag GmbH, 2008. 669 S.
15. Kraus H.-Ch. Das Ende des alten Deutschland. Krise und Auflösung des Heiligen Römischen Reiches deutscher Nation 1806. Berlin: Duncker & Humblot, 2007. 124 S.
16. Lentz Th. 1815. Der Wiener Kongress und die Neugründung Europas. München: Siedler, 2014. 432 S.
17. Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. 688 S.
18. Schmidt G. Der napoleonische Rheinbund – ein erneuertes Altes Reich? // Press V. (Hg.). Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit. München: Oldenbourg, 1995. S. 227 – 246.
19. Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495 – 1806. München: Beck Verlag, 1999. 459 S.
20. Schuck G. Rheinbundpatriotismus und politische Öffentlichkeit zwischen Aufklärung und Frühliberalismus. Kontinuitätsdenken und Diskontinuitätserfahrung in den Staatsrechts- und Verfassungsdebatten der Rheinbundpublizistik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. 337 S.

21. Siegel C., Janke Th. Sachsen und Napoleon 1806 bis 1813. Zusammen in die Niederlage // Hofbauer M., Rink M. (Hrsg.). Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen. 1813 – 1913 – 2013. Berlin: De Oldenbourg Gruyter, 2017. S. 231 – 246.
22. Siemann W. Vom Staatenbund zum Nationalstaat. Deutschland 1806 – 1871. München: C. H. Beck Verlag, 1995. 488 S.
23. Stollber-Rilinger B. Das Heilige Römische Reich deutscher Nation. Vom Ende des Mittelalters bis 1806. München: C. H. Beck Verlag, 2007. 133 S.
24. Sybel H. Vorträge und Aufsätze. Berlin: Hofmann, 1875. 364 S.
25. Treitschke H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Erster Theil. Bis zum Pariser Frieden. Leipzig: Hirzel Verlag, 1879. 796 S.
26. Waldmann A. Reichspatriotismus im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts // Dann O., Hroch M., Kroll J. (Hg.). Patriotismus und Nationsbildung am Ende des Heiligen Römischen Reiches. Köln: SH Verlag, 2003. S. 19 – 61.
27. Walter G. Das Zusammenbruch des Heiligen Römischen Reiches deutscher Nation und die Problematik seiner Restauration in den Jahren 1814/15. Karlsruhe: Müller, Juristischer Verlag, 1980. 162 S.
28. Weigl K. Krise oder Alternative? Das Ende des Alten Reiches 1806 in der Wahrnehmung der süddeutschen Reichsfürsten. Berlin: Frank und Timme, 2006. 183 S.

Сведения об авторе:

Стерхов Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова, enkiddu@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: 70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Аннотация: в статье изложена национал-либеральная концепция развития парламентаризма в Германской империи. Представлен механизм взаимодействия партии и канцлера Бисмарка по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: национал-либеральная партия, Германская империя, парламентаризм, принцип разделения и независимости ветвей власти

Ustinova J.N. Problems of parliamentarism in the German Empire: the 70th of the XIX century

Abstract: the article describes the national-liberal concept of parliamentarianism development in The German Empire. The mechanism of interaction between the party and Chancellor Bismarck on the issue under consideration is presented

Keywords: the national-liberal party, The German Empire, parliamentarianism, the principle of separation and independence of branches of power

В германской империи уже после революции 1848-1849 гг. стали появляться силы, понимающие необходимость реформирования политических отношений в государстве. В новой империи национал-либералы, как ведущая политическая сила в парламенте, желали утверждения конституционных начал путём создания парламентской системы с реальным влиянием рейхстага на политику. Создание правового государства было первостепенной задачей партии. Главная цель правового государства – исключить монополизацию власти, что подразумевало независимость законодательных, исполнительных и судебных учреждений. Ведущим признаком правового государства считается наличие сильного парламента. Залогом успеха политической модернизации признавалось взаимовыгодное сотрудничество с верным закону правительством. Доктрина национал-либералов была нацелена на коренную ломку устоявшихся монархических традиций полуабсолютистской Германии, что составляло главное препятствие в достижении цели [10, S. 19-22.].

Общеизвестный факт, что важным показателем развития парламентаризма является степень участия, заинтересованности населения в политической жизни страны. «Политическое красноречие ещё не выработалось в Германии окончательно как в Англии, Франции, США, и парламентские речи очень часто имеют слог и характер административных бумаг... Германские депутаты слушают ораторов внимательнее, чем французские, и потому нет необходимости прибегать к прикрасам или особой рельефности выражений для привлечения внимания. Но зато большинство в германском парламенте имеет дурную привычку беспрерывно смеяться» [1, С. 396]. Заседания в рейхстаге были публичны, но даже для самого терпеливого немца казались утомительными и скучными. В Германии второй половины XIX в. отмечался индифферентизм, равнодушие народа к происходящему в высших кругах власти. Читателям было решительно всё равно, прочтут они газетные отчёты о прениях в народной палате сегодня или послезавтра. Принимая во внимание такие черты национального менталитета немцев как практицизм и трезвый расчёт, простых обывателей более интересовали вопросы материального характера, чем политико-конституционные проблемы.

В Германской империи рейхстаг являлся государственным органом, непосредственно выражавшим мнение населения, его избравшего. Действуя в качестве противовеса прусскому министерству или союзному совету, парламент выполнял ту же роль, что и ландтаги в союзных государствах. Народной палате принадлежало право законодательной инициативы, выраженное в утверждении бюджета и осуществлении контролирующих функций. Однако её фактическая власть была сравнительно небольшой. В случаях, когда рейхстаг отклонял внесённый правительством законопроект, последний слегка редактировали и пропускали через

верхнюю палату в качестве указа. Одновременно быть членом двух палат запрещалось. В качестве обязательного условия успешной парламентаризации депутаты рассматривали равноправие министерств.

Самым влиятельным человеком в империи был канцлер, полномочия которого ограничивались двумя институтами: рейхстагом, куда союзный совет направлял законопроекты для утверждения, и императором, который мог снять его с должности. В его отношениях с парламентом обе стороны считались формально независимыми, однако, как председатель союзного совета, как канцлер, как делегат кайзера Бисмарк имел все рычаги давления на данное учреждение. Кроме того он был единственным министром, ответственным перед союзным советом и рейхстагом за все действия исполнительной власти. Следовательно, формирование правового государства подразумевало непосредственное ограничение полномочий канцлера в сторону усиления парламента. Чтобы ослабить продвижение парламентаризма, чего опасались в союзном совете, Бисмарку следовало «как прирученной кобре выломать все ядовитые зубы» рейхстагу [12, S. 228]. Но сами национал-либералы либерализацию властных структур считали вопросом времени, и были полны оптимизма, что общество развивается в соответствии с их представлениями.

Ещё одним существенным недостатком действовавшей политической системы являлось то, что партия парламентского большинства не образовывала правительство. С момента объединения Германии национал-либералы не входили в министерство и не были связаны с государственной элитой, что Ласкер – один из лидеров Национал-либеральной партии – считал главной ошибкой либеральной эры [7, S. 101]. Министерские портфели принадлежали преимущественно консервативным деятелям, что замедляло темпы либерализации.

Развернувшуюся дискуссия Бисмарк считал абсолютно бесполезной, уподобив её поиску пятого колеса у телеги [7, S. 401]. Появление проблемы он трактовал как недовольство парламентариев текущим положением: недавними военными успехами и работой канцлера, что расценивалось им как личное недоверие. Первые шаги к функциональному усилению народной палаты оказались неудачными. В северогерманском рейхстаге данный вопрос не получил достойного развития. В единой Германии проблема первоначально даже не ставилась. Принимая во внимание имевшийся печальный опыт, национал-либералы её решение отложили на будущее.

Выборы в первый общегерманский рейхстаг состоялись 10 января 1871 г. Национал-либералы получили 119 мандатов, что составило абсолютное большинство палаты. Из 382 депутатов 202 образовали либеральный лагерь. В начале каждого законодательного срока парламент избирал из своего состава президента, вице-президента и секретаря. С 1871 по 1877 гг. президиум был представлен членами национал-либеральной партии. Участие в парламентских дебатах партия придавала огромное политическое значение, так как рассматривала рейхстаг как «последний приют общественного мнения» [5, S. 7], собравший «весь цвет нации, её трезвый ум, являющийся мотором развития страны» [10, S. 22]. Её победа ознаменовала начало модернизации общественных отношений и институтов власти в духе либерализма.

Уже в первом рейхстаге национал-либералам удалось достичь некоторых успехов в деле парламентаризации. Отсутствие вознаграждений влекло за собой частую непосещаемость депутатами заседаний рейхстага, что сказывалось на результативности работы палаты. Согласно парламентской статистике за первый законодательный срок, на сессиях отсутствовали 75 % членов фракции поляков, 50 % партии Центр, почти 50 % прогрессистов, 33% консерваторов, 25 % представителей либерального лагеря [14, S. 908]. Исход значительной части текущих дел зависел от решения группы политиков из 60-80 человек. Чтобы одобрить или

отклонить законопроект, партия вынуждена была вступать в коалицию с другими фракциями. Чаще всего её союзниками выступали прогрессисты или консерваторы.

Такое необязательное отношение политиков к заседаниям обуславливалось содержанием 32-ой статьи конституции, направленной против парламентской оппозиции, не имевшей средств на участие в заседаниях [8, S. 95]. Депутаты не получали никакого жалования или вознаграждения на время сессии, которая продолжалась до четырёх месяцев. Единственной их привилегией было право бесплатного проезда по железной дороге. Поэтому «приезжим» избранныкам народа приходилось самостоятельно заботиться о проживании, проезде, питании, что требовало значительных средств. Около 150 депутатов принадлежали к урожденной аристократии, немногим более 190 – имели незначительный уровень доходов. Власть видела решение вопроса в сокращении сессии и ускоренном принятии решений. Последнее означало беспредельное нарушение принципов парламентской процедуры, что имело место уже в 1871 г. Тогда все три чтения законопроекта о военном бюджете были проведены за три дня и депутаты разошлись на рождественские каникулы, практически безоговорочно выполнив волю правительства. Это наблюдалось и при обсуждении закона против иезуитов 1872 г.

Летом 1871 г. либеральное большинство подняло вопрос о повышении эффективности работы палаты, под чем подразумевалась отмена 32-ой статьи. Прогрессист Шульце предложил отныне выдавать депутатам суточные и оплачивать транспортные расходы [13, S. 104-105]. Парламентарии не могли трудиться на голом энтузиазме. Отсутствие жалования нарушало принцип выборности, а существование всеобщего избирательного права приобретало формальный характер. Одобрение проекта увеличило бы представительство от партий среднего класса. В противном случае – повлекло бы за собой значительное сокращение некоторых политических сил в рейхстаге, что докладчик трактовал как проявление социальной несправедливости. Было неизвестно, как изменение отразится на следующих выборах.

Поправка к закону затрагивала также проблему сменяемости членов парламента. Постоянное обновление состава могло негативно отразиться на продуктивности заседаний, что объяснялось низкой политической культурой «новоиспечённых» депутатов [13, S. 302].

Национал-либералы единогласно поддержали инициативу прогрессистов. Представитель партии от Вюртемберга О. Эльбен настоял, что целесообразно ввести закон в действие уже со следующего законодательного периода [13, S. 155]. Рассматриваемая мера позволяла партии расширить представительство своей парламентской ячейки и привлекала электорат. Закон должен способствовать спокойной плодотворной работе народной палаты, ограждая парламентариев от решения насущных проблем и концентрируя их внимание на широком спектре политических задач.

Канцлер сводил законодательную функцию рейхстага лишь к одобрению проектов союзного совета, являвшегося «источником глубокой политической мудрости» [13, S. 302]. Бисмарку был выгоден непродолжительный, «короткий» парламент, поскольку принятие самых важных документов практиковалось им в обход парламентской процедуры. При наличии жалования не имело смысла отменять заседания или ускорять принятие решений.

В положительный исход прений мало кто верил. Вероятность успеха казалась невысокой. Однако закон был одобрен в 1873 г.

Развитие парламентской системы в Германии во многом осложнялось властью военных, юнкерства и бюрократии, устройством немецкой партийной системы и нормами имперской конституции, страхом буржуазии перед массовыми выступлениями. Однако главное препятствие заключалось в промонархических настроениях членов союзного совета. Национал-либералы считали, что именно реформа верхней палаты должна выступить предпосылкой демократических преобразований в высших кругах.

В рассматриваемый период работу парламента осложняли три момента. Во-первых, в действовавшем кабинете министров преобладали умеренно-консервативные настроения. Во-вторых, большинство имперских чиновников были преимущественно прусского происхождения, что дополняло их консерватизм. В-третьих, верхняя палата, представленная в своём большинстве дворянством, ограничивала деятельность рейхстага путём «материального замедления» и «нравственного давления». Это был своеобразный местный продукт империи, обеспечивавший надёжную поддержку короне.

Проблема реформирования союзного совета становилась предметом многочисленных внутрипартийных споров, дискуссий. Но открыто она никогда не ставилась, ибо означала серьёзное выступление против действовавшей власти, коренную ломку привычного строя, что неизбежно спровоцировало бы административные и социальные изменения.

Историк Трейчке усматривал существование верхней палаты как угрозу либеральному законодательству, поскольку та «будит консервативные взгляды нации..., наносит вред интересам истинной, жизнеспособной аристократии..., наконец, она мешает вере в будущее двухпартийной системы» [18, S. 391]. В своих трактатах он описал содержание предлагаемой реформы, уделив пристальное внимание социальному составу учреждения. По мнению национал-либерала, в верхней палате должны быть представлены все сословия, но степень их участия в политике предполагалась различная. Мелкая земельная аристократия составила бы её центральную силу; истинные «господа», носители рангов, богатства и прежней славы могущественных родов образовывали бы только 1/5 палаты; графы и католические служители, члены магистрата и профессора являлись бы самой бессильной и бесполезной частью совета, которая никоим образом не влияла на его работоспособность. Участие в политике последних было минимальным [17, S. 360].

Отмечалось, что оба органа должны быть равновластны. Но в течение текущего столетия народная палата должна «подвинуть» верхнюю. Согласно мнению Трейчке, на вершине политической иерархии находилась корона, второе место отводилось народной палате, за которой следовала верхняя. Но национал-либерал оговаривал, что серьёзные преобразования должны быть обязательно подготовлены и найти живой отклик общественности. Но в начале 70-х гг. XIX в. в умах граждан укоренилось мнение о существовании однопалатной системы, что, по его мнению, являлось в корне ошибочным. Это заблуждение и образовало главное препятствие на пути демократических перемен [17, S. 406]. Идеи остались только на бумаге.

Национал-либералы не решались произвести революцию в системе управления, что объяснялось желанием сохранить доверие Бисмарка и умеренностью, осторожностью партии в отношениях с властью. Существенным препятствием модернизации было то, что депутаты не образовывали министерство. Но пока они сами спокойно взирали на это обстоятельство, объясняя, что их время ещё не пришло. Поэтому любые внутрипартийные разногласия легко и быстро сглаживались и «так будет до тех пор, пока в общественном мнении не совершится переворот, от которого и распадется национал-либеральная партия» [1, S. 836]. Если в начале 1870-х гг. это была популярная политическая сила, то к концу 1876 г. стало проявляться недовольство населения либеральным законодательством последних лет.

Накануне выборов 1877 г. произошли серьёзные административные перемещения. В апреле 1876 г. был уволен начальник имперской канцелярии Р. Дельбрюк, симпатизировавший идеям партии. Согласно официальным источникам, политик ушёл в отставку по причине плохого самочувствия. 1 июня его пост занял уроженец Гессена Карл Гоффман, придерживавшийся консервативных позиций. Среди населения появлялись предположения о возможных будущих смещениях. Маховик слухов и домыслов касался намечавшейся добровольной отставки министра финансов О. Кампгаузена.

Наращение социальной напряжённости и снижение экономических темпов роста подталкивали власть к корректировке внутривнутриполитического курса, инициатором которой выступил Бисмарк. Чтобы коренным образом изменить положение, канцлеру нужен был партнёр, надёжный союзник. Желая обеспечить своей политике уверенную поддержку и увеличить работоспособность рейхстага, он предложил летом 1877 г. лидеру партии Р. Беннигсену возглавить министерство внутренних дел, став его заместителем [16, S. 103-104].

Несомненно, национал-либералы желали получения министерских портфелей. Сами они полагали, что уже давно назрела необходимость модернизации политической системы, поэтому рассчитывали максимально использовать представившуюся возможность. К тому же в предвыборной программе особым пунктом значилось завершение административной реорганизации с введением должности хотя бы одного ответственного министра. Мотив предложения канцлера партия видела в постоянно увеличивавшемся объёме дел правительства [9, S. 167]. Депутаты надеялись вернуть популярность у избирателей, сохранить уважение и почет в парламенте. Вхождение в министерство обеспечило бы национал-либералам уверенную поддержку их инициатив в рейхстаге, что значительно ускорило бы продвижение либеральных идей в империи.

Стимулом к непосредственным действиям стало обращение Бисмарка в народной палате в апреле 1877 г. с просьбой о выделении длительного отпуска по причине плохого самочувствия. На время его отсутствия внутренняя политика передавалась в ведение начальника имперской канцелярии. Решение вопросов внешней политики было возложено на государственного секретаря фон Бюлова [14, S. 314]. Событие подтолкнуло парламентариев к разработке закона о должности заместителя канцлера с целью ограничения его полномочий. Этим шагом они надеялись приблизиться к созданию коллегиального имперского министерства, где вместо единственного ответственного канцлера решения выносили бы самостоятельные ведомства коллегиальным голосованием. Поскольку прежде этот вопрос всякий раз встречал жёсткое сопротивление со стороны депутатов и правительства, было решено добиваться введения юридической ответственности для отдельно взятого ведомства. Выбор пал на министерство финансов.

Предвидя неготовность национал-либералов уступить, Бисмарк предпринял хитрый обходной манёвр: сделал достоянием общественности приглашение Беннигсена в министерство. Поэтому очередной визит депутата в Варцин в январе 1878 г. был заранее доведен до публики. Канцлер действовал на опережение. Длительные переговоры не дали результата. Каждый остался при своём мнении.

Общая черта национал-либералов заключалась в том, что предлагаемые ими мероприятия, как правило, имели теоретическую направленность и являлись трудно применимыми. Однако на этот раз иную позицию занял Ласкер. Он упрекал авторов проекта в бессистемности, создании закона под влиянием политической ситуации, чего следует избегать. Накануне начала прений, под впечатлением от итога недавних экономических дебатов главы ряда министерств подали прошение об отставке. В начале февраля в связи со смертью папы римского, наметился поворот к завершению «культурной» политики и министр Фальк был уволен. Господствовала министерская анархия, а главный министр находился в длительном отпуске. Национал-либерал отстаивал позицию создания универсальных законов без поправки на текущее положение дел.

Политическая ценность проекта для Ласкера заключалась в построении на его основе будущей парламентской системы. Согласно документу нужно ввести должность самостоятельного ответственного заместителя, действовавшего исходя из реальной ситуации, а не в рамках формальных предписаний конституции. «Это закон о широком всеилии канцлера и

кайзера» [15, S. 417], где основной круг полномочий приходился на первого. Канцлер не может нести ответственность за то, чего не совершал.

По мнению Ласкера, третий параграф, по сути отменявший предыдущие два, заключал главный замысел закона, заключающийся в «тайной сделке между канцлером, кайзером и министром финансов» [15, S. 391], поскольку при создании проекта Бисмарк подразумевал именно область полномочий последнего. Политик высказал мысль о создании двух самостоятельных ведомств: министерства иностранных дел и министерства для управления Эльзас-Лотарингией.

В целом в партии требовали пересмотра закона, надеясь на сокращение полномочий канцлера. За исключением сторонников Трейчке, национал-либералы противились созданию союза Пруссии и империи. Беннигсен занял нейтральную позицию и ждал решения партийного большинства. Ласкер воспринял проект в штыки, ибо документ лишь закреплял полномочия канцлера под внешне демократической оболочкой закона.

Радикализм позиций Ласкера подметили и его коллеги, и депутаты других фракций. Единомышленник по партии Л. Бамбергер отмечал, что из-за взрывной природы Ласкеру часто приходилось сдерживать эмоции, но за кулисами он не стеснялся в выражениях. Данный проект политик считал созданным для определённого человека – для Бисмарка. За решительность, смелость и верность принципам, не редко граничившими с доктринёрством, Бамбергер прозвал коллегу ригористом [15, S. 418].

Бисмарк успокаивал национал-либералов: его функции по закону совершенно незначительны и не заслуживают столь тщательного пересмотра. То, что Бисмарк предлагал национал-либералам, было для них слишком мало; а то, чего он требовал от них, было для последних слишком много. Депутатам предоставлялась видимость участия в политике [3, S. 241]. Мнения в партии разделились. Большинство политиков приняло позицию Бисмарка в продвижении мнимой политической либерализации. Партийное меньшинство не отступало от принципов, изыскивая возможность как можно шире их применить. Определелись два крыла: левое боролось за подотчётность министров рейхстагу и избегало компромиссов; правое опасалось потери парламентского влияния и искало выход в сотрудничестве с властью. Линию расхождения позиций лидеров двух направлений ясно обозначил Г. Онкен. Идеал Ласкера он видел в построении правового государства, идеал Беннигсена – в создании национального государства [11, S. 251]. Они представляли разные стороны прежнего двойного идеала: единства и свободы нации, ставших основой национал-либерализма в 70-х гг. XIX в.

Канцлер не оставил без внимания резкую критику Ласкера: выступление свелось к выражению личной вражды и неприязни к депутату. Именно наличие левого крыла рассматривалось Бисмарком как помеха для продолжения сотрудничества с фракцией.

Несмотря на плюрализм мнений и усилившиеся разногласия национал-либералы поддержали закон в его первоначальном варианте. Документ приняли 17 марта 1878 г. Закон расширил полномочия Бисмарка и подтвердил негласное усиление прусского влияния в империи. Смена министерских портфелей была произведена в пользу консерваторов.

В это же время Р. Беннигсен ответил решительным отказом на предложение возглавить правительство, означавшим охлаждение взаимоотношений партии с властью и практически завершение их сотрудничества. Предшествовавшие события и исход голосования показали, что либеральная идеология постепенно переставала быть опорной системой взглядов в политических кругах и в обществе. Отсутствие согласия в рядах самой партии, а также расхождение позиций с Бисмарком по вопросам государственного строительства препятствовали дальнейшей продуктивной работе рейхстага. Для депутатов такое решение приобретало значение катастрофы. Если отказ от экономической политики правительства спровоцировал

раскол между канцлером и национал-либералами, то закон о заместительстве усилил его. Внутрифракционные противоречия накапливались. Ласкер переживал о главном: опасался замораживания парламентаризации Германии. Беннигсен желал видеть лишь то, что на поверхности: он согласился с правительственной формой либерализации в виде закона о заместительстве, содержание которого не отвечало ожиданиям национал-либералов. Приглашение в правительство Беннигсена было лишь попыткой избавиться от «ласкерщины». Бисмарк видел, что партия неоднородна и своим предложением подталкивал её к расколу, желая продолжить сотрудничество с правым крылом.

В отечественной литературе периода царской России есть забавный анекдот, отразивший динамику отношений национал-либералов и канцлера и развитие либеральной мысли в Германии. В 1848 г. будущий национал-либерал предстает в виде красной обезьяны в черной демократической шляпе с широкими полями. Животное взобралось на живот спящего представителя власти, приняв по отношению к нему самую неучтивую позу. К 1877 г. эта обезьяна побурела, через плечо у неё лента германских национальных цветов. Она уже преклоняется перед украшенным лавровым венком бюстом Бисмарка [4, S. 131]. Таким образом, изначально решительно настроенным национал-либералам не удалось сколько-нибудь «приручить», ослабить единоличную власть канцлера и короны в пользу народного представительства. В стремлении к парламентаризму, то были скорее «люди, затаившие свои принципы в случае надобности в кармане» [4, S. 131], чем инициаторы спора. Для сохранения позиций они внешне пополнили лагерь сторонников политики Бисмарка, а внутренне оказались расколотыми. Своими действиями национал-либералы, являвшиеся ведущей либеральной силой в государстве, не способствовали продвижению свобод в Германии.

Что касается успехов парламентаризации в империи, то среди исследователей истории Германии 70-90-х гг. XIX в. сложилось единое мнение о бледных, неискренних попытках национал-либералов модернизировать политические отношения в духе либерализма. Приводятся различные названия данного процесса, содержащие оценочную характеристику. В советской литературе первой половины XX в. можно встретить термин «мнимый конституционализм» либо «псевдопарламентаризм» [2, S.18]. В немецких исследованиях 90-х годов прошлого века речь шла о «тихой парламентаризации» империи [6, S.40].

Национал-либералы были непоследовательны в реализации партийной программы. Они оказались орудием в руках правительства, поэтому им не удалось не только приобрести новых прав для народа, но даже не сумели сообщить министрам парламентское воспитание. Партия тешила себя мыслью о своём политическом влиянии, народной популярности, что являлось оптическим обманом. Её достижения и авторитет опирались на прошлые успехи правительства. Национал-либералы не были самостоятельной силой. Их старания и усилия в реализации политической доктрины останавливала неуступчивая натура железного канцлера.

Библиографический список:

- 1 Вестник Европы. 1875. Кн. 2.
- 2 Знаменский В.В. Германия в 70-90-х годах XIX века. – Л., 1936.
- 3 Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. – М., 1923.
- 4 Новгородцев Л.В. Германия и её политическая жизнь. – СПб., 1904.
- 5 Bamberger L. Die sozialistische Gefahr. – В., 1886.
- 6 Boldt H. Der Föderalismus im deutschen Kaiserreich als Verfassungsproblem // Rumpler H. Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland: 1867-71 bis 1914. – Wien/München, 1991.
- 7 Der Reichstag. Aufsätze, Protokolle und Darstellungen zur Geschichte der parlamentarischen Vertretung des deutschen Volkes. 1871-1933. – Frankfurt-am-Main/Bonn, 1963.

- 8 Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. 1849-1934. Urkunden und Aktenstücke zur inneren und äußeren Politik des Deutschen Reiches in 4 Bänden. Bd. I. 1849-1906. – В., 1934.
- 9 Im Neuen Reich 1871-1890: Eine politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer. Bd. II. Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks. – Osnabrück, 1970.
- 10 Nationalliberale Parlamentarier 1867-1917 des Reichstages und der Einzellandtage. Beiträge zur Parteilgeschichte. – В., 1917.
- 11 Oncken H. Rudolf von Bennigsen. Ein deutscher liberaler Politiker. Nach seinen Briefen und hinterlassen Papieren. Bd. II. 1867-1902. - Stuttgart/Leipzig, 1910.
- 12 Sell F.G. Die Tragödie des deutschen Liberalismus. - Stuttgart, 1953
- 13 Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 23. – В., 1871.
- 14 Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 50. – В., 1877.
- 15 Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 51. – В., 1878.
- 16 Stürmer M. Bismarck und preußisch-deutsche Politik 1871-1890. - München, 1970.
- 17 Treitschke H. Heinrich von Treitschkes Briefe. Bd. III. – Leipzig, 1920.
- 18 Treitschke H. Zehn Jahre deutscher Kämpfe 1865-1874. Schriften zur Tagespolitik. – В., 1874.

Сведения об авторе:

Устинова Юлия Николаевна – зам.декана факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

ПОУЧИТЕЛЬНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ О. НИКОЛЯ АДАНА, КОТОРЫЙ ВЕСЬМА СТРЕМИЛСЯ В МИССИИ НОВОЙ ФРАНЦИИ, ДА НЕ ПРИГОДИЛСЯ ТАМ

Аннотация. На примере отдельного миссионера автор попытался показать особенности существования и развития иезуитской миссии в Новой Франции в первой половине XVII в.

Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, коллеж, адаптация, повседневная жизнь.

Fedin A.V. The most instructive history of P. Nicolas Adam which rather aspired in mission of New France, yes was not useful there.

Annotation. On an example of the separate missionary the author has tried to show feature of existence and development of Jesuit mission in first half 17th-century New France.

Keywords: Jesuits, the missionary activity, New France, college, adaptation, everyday life.

Иезуитская миссия в Новой Франции, основанная в 1611 г., и возобновляемая в 1625 и 1632 гг., была предметом активного внимания со стороны как представителей самого ордена, остававшихся в метрополии, так и благочестивых мирян. «Иезуитские реляции» о событиях и деятельности иезуитов в Новой Франции, которые издавались с 1632 г. ежегодно (и вплоть до 1673 г.) были весьма популярны во французском обществе и при дворе, помогая привлекать интерес и средства благочестивых спонсоров для поддержки миссионерской деятельности. Они не только информировали жителей Франции о том, что происходило за океаном, но и играли важную пропагандистскую роль среди тех членов Общества Иисуса, которые помышляли и миссионерской деятельности. Одним из них стал о. Николя Адан.

Николя Адан вошел в новициат в Руане 10 октября 1608 г., в 1615-1619 гг. изучал теологию в коллеже Ля Флеш. Принес обеты в 1618 г., став исповедником в еще одном иезуитском коллеже, в Клермоне (в 1633-1635 гг.), а затем в Руане.

Из 78 иезуитских миссионеров, прибывших в Канаду в первой половине XVII в., 24 были выпускниками или работниками именно коллежа Ля Флеш (в Анжу), где всегда были сильны стремления к миссии. Этот коллеж, основанный в замке Генриха IV в 1603 г., уже к 30-м гг. насчитывал 1400 учеников, набранных из элиты французского нобилитета [14, т. II, р. 239]. Этот процент тем удивительнее, что Общество Иисуса имело множество других коллежей во Франции (46 в 1616, 74 в 1717, 88 в 1749). Эту «миссионерскую» тенденцию отметил и поддержал сам генерал ордена Муцио Вителлески, который в 1635 г. писал из Рима ректору коллежа о. Нуарелю: «коллеж... полон ревностного миссионерского духа к Канаде... Я не сомневаюсь, что пример тех, кто предпочел суровость и леса Канады небу своей родины, смогут отсюда заставить других искать ту же пальмовую ветвь славы, и, вопреки расстоянию, помочь им в погоне за высочайшей добродетелью» [9, vol. III, р. 15-16]. Именно в Ля Флеш чаще всего назначались преподавателями и наставниками те иезуиты, которые оставили миссионерское «поле» Новой Франции (оо. А. Массе, Ф. Рагено, бб. Ж. Бюрель, Д. Скот, К. Жайе и др.), а Жером Лалеман, бывший супериор Гуронской и Канадской миссий, был там ректором в 1658-1659 гг.

Представление о миссионерском духе коллежа Ля Флеш можно получить из сборника од, составленном о. Шевалье на латинском языке, которые пелись новициями по знаменательным датам, в том числе, и приуроченным к отправлению миссионеров. Названия од («Чтобы честовать отцов Общества Иисуса, посланных к берегам Канады, об их героическом и непреодо-

лимом мужестве, о пылком желании работать во славу Божью», «Для тех же отцов, чье пламенное сердце горит милосердием во спасение жителей Канады» и др.) демонстрировали важность и актуальность миссионерской тематики в стенах заведения. И когда душа о. Николя воспылала миссионерским рвением, и он отправился в Новый свет в 1636 г., в честь этого события тоже сложили оду – «Для Николя Адана, с пожеланием доброй посадки и счастливого пути к Канаде» [12].

Генерал поддерживал миссионерскую пропаганду и в других французских коллежах. В частности, в феврале 1644 г. он встал на защиту коадьютора коллежа в Кемпере бр. Франсуа Шартона, ветерана канадской миссии, совершившего путешествия в Новую Францию в 1625 и 1627 гг. Шартон вызвал недовольство ректора коллежа де Лоне своими проповедями о необходимости помощи миссионерам в их тяжком труде во спасение душ американских язычников [9, vol. VI, p. 11-12].

Именно в подобных коллежах, где иезуиты получали базовое гуманитарное и теологическое образование, те из них, кто избирал миссионерскую деятельность своим призванием, приобретали основные навыки, которые им понадобятся в заморских миссиях. Учебный план, стандартизированный Ratio Studiorum 1599 г., имел лингвистическую и филологическую основу, предоставлявшей новицию «поддержать положение чести в нашем Обществе и в широкой публике». Он включал латинскую и древнееврейскую грамматику, риторику, поэзию и классическую историю, а также курсы изящной стилистики и грамматики родного языка. Практиковались частые упражнения в диспутах на латыни, классические и религиозные драмы, которые оттачивали навыки устной культуры и апостольского служения. В дальнейшем новиции становились схоластиками, осваивавшими трехлетний курс философии (логика, математика, физика, этика и метафизика), затем от четырех до шести лет проходили теологическое обучение (Священное писание, каноническое право, положительное и нравственное богословие) [6, p. xi, 15, 17].

По окончании новициата провинциал и руководство коллежа должны были «тщательно поразмыслить над тем, какого особого таланта, – к управлению или к проповеди, – можно ожидать» от будущих схоластиков, и сообразно с этим разрабатывать программу их образования. Они должны были также «позаботиться, чтобы те, кто показывает исключительный талант к проповеди, слишком долго не обучались литературе или даже философии и богословию, чтобы они не начинали проповедь лишь после того, как их живость была иссушена годами в классной комнате». С окончанием четырехлетнего курса теологии схоластики, претендующие на статус «професса», подвергались экзамену в «основных областях философии и богословия», результатом которого было назначение их на те посты, к которым они показали особый талант. При этом, те, кто не справился с этой «экспертизой», могли рассчитывать на исключение в допуске к четвертому обету, если обладали «экстраординарным талантом к гуманитарным предметам или к индийским языкам» [6, p. 6-7, 10, 115].

Еще в период обучения молодые иезуиты осваивали те методы деятельности, которые в дальнейшем могли пригодиться им в заморской миссии. Так, в Обществе существовало правило, согласно которому «каждый новиций должен совершить путешествие в некоторое указанное место». Цель его заключалась в том, «чтобы приучить новиция к трудностям путешествия, перед которым он окажется в будущем, чтобы узнать, каков он вне стен профессорского дома» и приобрести «некоторый опыт в страдании» [5, vol. II, p. 433]. Схоластики весь третий и заключительный год искусства посвящали апостольской жизни в милосердии и служении низшим слоям общества. В этой трудной «школе сердца» они учились нести послание Христа собственным «дикарям» Франции, крестьянам и клошарам, изучая местные диалекты, оттачивая навы-

ки «популярной проповеди», постигая психологию народа [9, vol. IV, p. 184-185, 777, 783; vol. VII, p. 272-273].

На первый взгляд, о. Николя был типичным иезуитским миссионером в Новой Франции. Как правило, это был француз около 40-45 лет (Адану было 47, когда он отплыл в Квебек), то есть не только закончивший новициат (программу обучения молодого иезуита), но и имевший уже за плечами несколько лет преподавания в коллежах. Часто это был профессор, то есть иезуит всех четырех обетов, в том числе и особого «миссионерского» обета подчинения папе римскому и готовности следовать в любое место мира по его приказу. С появлением в колонии институтов, необходимых для иезуитской формации, таких как дом (резиденция) и коллеж, возникла возможность приносить обеты непосредственно на миссионерном поле. Так поступили оо. Клод Пижар в 1640 и Жозеф-Антуан Поне в 1650 гг., ставшие профессорами в Квебеке, и оо. Антуан Даныель в 1640 г. и Рене Менар в 1643-м – в Сент-Мари у гурунов [9, vol. IV, p. 184-185, 777, 783; vol. VII, p. 272-273]. Однако для вступления в орден требовалось вернуться в метрополию: так, Доминик Скот, с детства бывший иезуитским слугой, в том числе и в Гуронии, в 1638 г. отправился во Францию для вступления в новициат Общества и, по возвращению в Канаду в 1640 г., стал братом-коадьютором, то есть иезуитом трех обетов [9, vol. II, p. 857].

Испанский иезуит Х. де Акоста, перечисляя главные качества миссионера, на первое место ставил способность к науке (особенно к лингвистике), и лишь затем упоминал о честности, набожности, чистоте, милосердии и доброте [2, p. 367-372]. Не удивительно, что иезуитская корреспонденция из Канады наполнена упоминаниями о вычислении миссионерами времени солнечных и лунных затмений, наблюдениях за климатическими и географическими особенностями неизвестной страны, о всевозможных химических и физических опытах, столь поразивших воображение туземцев, об использовании множества приборов и механизмов, от часов до «галилейского компаса», но главное, – о поразительных достижениях в изучении индейских языков, благодаря базовому образованию иезуитского коллежа. Являясь не только частью, но и импульсом великой научной революции XVII в., иезуитское гуманитарное и точное знание приходило на помощь миссионерам в Америке или Китае [7, vol. XXVIII, p. 143; 11, p. 45]. И все же, в XVII в. еще не существовало никакого специального миссиологического образования. Главным учителем иезуитских миссионеров был опыт, приобретаемый ими самими непосредственно на «миссионерном поле», или, позднее, передаваемый ветеранами новичкам.

В иезуитских коллежах пребывали отцы-профессы, то есть иезуиты четырех обетов, в компетенции которых находились образование и управление коллежами, и «молодые» монахи (в среднем, около 40 лет), недавно вышедшие из новициата, давшие три «простых обета» и еще не получившие рукоположение. Они делились на две категории: духовные и светские коадьюторы; первые продолжали свое образование в философии и теологии, готовясь к принятию особого обета; задачей вторых, обычно называемых братьями, было материально обеспечивать апостольскую деятельность профессоров и духовных коадьюторов, то есть освободить их от всех мирских проблем, связанных с жильем, пропитанием, одеждой и т. д. Большинство миссионеров оказывается именно среди духовных коадьюторов, которые, закончив свое интеллектуальное и духовное образование, стремились к заморским миссиям.

Проблемой, еще требующей своего детального исследования, остается вопрос о мотивации французских иезуитов к их миссионерской деятельности в Канаде. Что заставляло представителей французской элиты, самых образованных людей своего времени, членов могущественного ордена, покидать цивилизованный мир, претерпевать страдания морского путешествия к берегам почти неосвоенной колонии, переносить невыносимые мучения речных и лесных передвижений, вонь и грязь, холод и жару, болезни и голод туземной жизни, находясь под постоянной угрозой смерти как со стороны врагов, так и своих хозяев? При этом, не ожидая

сколько-нибудь значительных результатов своего труда: крестя лишь умирающих или тех, кто прошел двух- трехлетний катехуменат, концентрируя внимание на более далекой перспективе, наставляя прежде всего детей, а потом уже и взрослое население. Создается впечатление, что в миссионерское предприятие их влекло не столько желание спасти других, сколько пострадать самим и, возможно, тем самым обрести благодать. Еще в 1634 г., за десять лет до первых пленений и мученических смертей, суперитор канадской миссии Общества Иисуса Лежён писал о «желании столь многих из нашего общества, прибыть в эти страны и пожертвовать своими жизнями и силами во славу Нашего Господа» [7, vol. VI, p. 99].

Мученичество было настолько важным компонентом иезуитской миссионерской идентичности и идеологии в XVII в., что они не могли представить успешную миссию без него. При этом, факт, что канадская миссия еще не обрела своих мучеников, заставлял ее членов искать оправдания и формулировать новые теологические конструкции, ведущие к созданию особой, специфически миссионерской мартирологии. Так, квебекский суперитор Жером Лалеман начал расценивать всю миссию как постоянное, повседневное мученичество. Он писал в *Реляции* 1639 года: «Мы иногда задавались вопросом, можем ли мы надеяться на обращение этой страны без потери крови; следуя принципу, гласящему, что кровь Мучеников – семя христиан, видя славу Божью, которую усиливает твердость Мучеников, кровью которых была в последнее время так пропитана вся остальная часть земли, будет своего рода проклятием, если эта область мира не будет соучаствовать в счастье величия этой славы. Но я признаюсь, теперь, когда я здесь и вижу, что происходит, а именно: бои, сражения, атаки и генеральные наступления против всей Природы, с которыми ежедневно сталкиваются здесь Евангельские работники, и в то же время, – их терпение, их храбрость и непрерывное усердие в преследовании цели, – я задаюсь вопросом, необходимо ли какое-либо еще мученичество для результатов, к которым мы стремимся; и я не сомневаюсь, что найдется множество людей, которые предпочли бы сразу получить удар топором по голове, чем провести годы, влача такую жизнь каждый день, трудясь ради обращения этих варваров» [7, vol. XVII, p. 13].

Эта идея «перманентного» мученичества оказалась адекватной и психологическим установкам прибывших в Канаду иезуитов, и объяснениям медленного и скудного прогресса христианской веры. Буквально все стороны жизни канадских аборигенов становились препятствием для жизни и работы миссионера: их задымленные и грязные жилища казались им «миниатюрной картиной Ада», «их слова – часто только богохульства против Бога и наших тайн, и оскорбления против нас». К этому необходимо добавить суровость погоды, неудобство дорог и постоянную опасность ирокезского вторжения. «В результате, – писал Ж. Лалеман, – нужно всегда быть готовым и терпеливым, и знать, что здесь еще менее, чем в любом другом месте мира, можно быть уверенным в своей жизни». Логическим заключением такого образа жизни было убеждение, что «единственный год терпения и храбрости среди этой непрерывной борьбы и сражений действительно равен одной короткой мученической смерти» [7, vol. XVII, p. 13-19].

Вместе с тем, это желание претерпеть муки за веру рождало противоречие между индивидуальным желанием отдельного иезуита и орденским принципом индифферентизма, предполагающим общую пользу ордена и католической церкви. Член Общества Иисуса не должен быть привязан ни к одному конкретному месту или делу, ибо он, как раб Христов, следующий правилу повиновения своим супериторам, обязан с равным усердием и готовностью (индифферентно) следовать их приказам: «Я и не помышлял о путешествии в Канаду, когда был послан сюда, – писал Поль Лежён по прибытии в Новую Францию в 1632 г.; – я не чувствовал никакой особой привязанности к дикарям, но обязанность повиноваться была связующей, даже если бы меня послали в тысячу раз дальше» [7, vol. V, p. 31].

Личные предпочтения с этой точки зрения скорее мешали, нежели способствовали успеху миссии. Поэтому, довольно часто на горячие призывы о назначении в канадскую миссию, генерал ордена (это было в его компетенции) отвечал отказом, напоминая о добродетели повиновения и часто цитируя св. Игнатия, который в тех случаях, когда его просили о разрешении отправиться в Индию, отвечал, что каждый на своем месте должен искать «собственную Индию» [9, vol. VII, p. 295-296]. Один из претендентов на участие в восстановлении миссии в Квебеке в 1632 г. о. Бенье в отчаянии писал Лежёнэ о том, как он «безутешен, если не прибудет в Канаду, если он не сразится со своими грехами, которые отвращают его от этого», и убеждал его лично написать генералу Вителлески о получении разрешения в эту миссию [7, vol. VI, p. 65].

Большую роль в росте миссионерского энтузиазма среди французских иезуитов, и о. Николая, в частности, сыграли беатификация и канонизация И. Лойолы и Ф. Ксавье в 1609-1622 гг., ожививших идеи заморского апостолата, с которым ассоциировались их имена, особенно Ксавье – основателя восточной миссии Общества Иисуса. Так, будущий канадский святой мученик о. Изаак Жог, «услышав о трудах великого Св. Франциска Ксавье в Индиях», не только задумался «о пролитии своей крови, или, по крайней мере, посвящении жизни спасению душ в какой-нибудь далекой стране», но и стал иезуитом, полагая, видимо, что это единственный способ реализации этой цели [7, vol. XXIX, p. 39].

Миссия в Канаде, «наилучшем месте в мире для совершенствования монаха», приобретала собственную ценность, помимо перспективы всеобщего спасения. «Новая Франция, – утверждали миссионеры, – воистину место, где каждый учится в совершенстве искать одного лишь Бога, желать одного лишь Бога, быть искренним перед Богом, и доверять и полагаться исключительно на его божественное и отеческое провидение; и это – богатая сокровищница души, которую невозможно оценить» [7, vol. XVIII, p. 15; vol. VIII, p. 169]. Эта ценность, как видим, связана со страданием, мученичеством, которое приобретало очистительный и спасительный характер, но уже для самого миссионера, а не только его ближнего. В этом отразилась общая атмосфера раннего Нового времени, связанная с интериоризацией сознания, пропитанного сомнением и страхом о посмертной судьбе души.

В связи с вышеизложенным интересен следующий факт. Кардинал Ришелье, вступив в конфликт с королевским исповедником иезуитом Николая Коссэном, в 1638 г. предложил парижским супериорам отправить его к дикарям Канады, чтобы больше не вспоминать о нем. Однако те ответили, что назначение в суровые миссии Новой Франции почитается за честь, и отправление туда о. Коссэна не считалось бы наказанием [10, t. V, p. 99]. Даже, если рассматривать этот ответ как дипломатический ход с целью оставить Коссэна во Франции, сам факт признания столь высокой ценности канадской миссии показателен. Еще более наглядно она была продемонстрирована ежегодными Реляциями из Новой Франции, чтение которых стало мощным стимулом для путешествия в Канаду не только иезуитов, но и массы французов-мирян в поисках новой и более чистой жизни.

В миссиологических идеях наставника новициев в коллежах Руана и Ля Флеш Л. Лалемана, оказавшего огромное влияние на формирование мировоззрения первых поколений иезуитских миссионеров в Новой Франции, и, конечно, о. Николая Адана, прослеживается укорененная в Средневековье традиция подхода к миссионерской деятельности как к сугубо индивидуальной, направляемой скорее сверхъестественными, нежели рациональными факторами. «Если проповедник не будет человеком молитвы, то он никогда не произведет много плода, – писал Лалеман. Проповедь – сверхъестественная работа, поскольку спасение душ является ее целью; и орудие должно быть приспособлено к этой цели. Это ни знание, ни красноречие, ни другие человеческие таланты, но святость жизни и союз с Богом, которые делают нас подхо-

дящими орудиями для спасения душ. У большинства проповедников достаточно знаний, но недостаточно преданности или святости». Но, если полностью положиться на Бога, он позволит вам «творить чудеса, даже при том, что ваши естественные состояние и призвание не предполагали ведения апостольской жизни» [8, р. 68-69, 90, 213]. С этим подходом связано и заявление П.-Ж. Шомоно о том, что ему «не были нужны великие познания в доктрине и теологии для того, чтобы передать веру этим дикарям», и именно поэтому он решил, что «Бог предназначил [его] для Канады», и ему «не было нужды заканчивать занятия» в коллеже [3, р. 36].

Одного желания, пусть даже вызванного самыми благочестивыми устремлениями, было мало. Для получения назначения в миссию, тем более в такую, как канадская, требовались и иные качества, иногда вообще не зависящие от мотивации, такие, как здоровье, возраст, физическая сила и др. В одном из писем из Канады главными характеристиками, необходимыми для миссионера, назывались «доброе здоровье, превосходная память и истинная добродетель» [7, vol. XVII, р. 237].

Немаловажными были психологические особенности потенциального миссионера: неспособность создавать или поддерживать комфортный психологический климат в совместной работе могли серьезно осложнить апостольские усилия всех миссионеров, спровоцировать конфликты не только среди миссионерского персонала, но и с новообращенными. «Люди, прибывающие ради креста, а не обращений, чрезвычайно гибки и послушны, – считал П. Лежён, – иначе здесь не будет никакого мира, и, следовательно, никакого плода». «Среди других драгоценностей, которыми должен сиять работник в этой миссии, – вторил ему Ж. де Бребёф, – мягкость и терпение должны занять первое место» [7, vol. VI, р. 67; vol. XI, р. 11]. Поэтому отбор миссионеров во Франции был весьма тщательным, но даже после этого иные кандидатуры могли быть отвергнуты последней инстанцией – генералом ордена в Риме. Но всегда оставались сомнения в правильности того или иного решения. И вот тут-то, история о Николае Адана представляется наиболее наглядным примером в этой связи.

В Канаде французские миссионеры сталкивались, как правило, с двумя наиболее трудными проблемами: условия жизни и изучение индейских языков. Неспособность справиться с той или иной (или обеими) вовсе не означала неперемогимого возвращения в метрополию. Этих священников могли использовать для нужд миссии в резиденциях или обслуживания духовных потребностей французов Квебека или Труа-Ривьер. Главным условием, однако, было обладание уступчивым характером, усердием и набожностью. Эту миссионерскую установку великолепно выразил будущий мученик Ш. Гарнье: «Я молю Бога дать мне дар языков и дух креста», то есть смирения [9, vol. III, р. 153].

Многие такие иезуиты, не работавшие непосредственно на миссионерском поле, но оказавшиеся полезными для функционирования миссии, закончат свои дни в Новой Франции. Например, Ан Денуэ, «увидев, что его память не позволяла ему изучать языки, посвятил себя полностью служению бедным Дикарям и тем, кто наставлял их, унижая себя с беспрецедентной страстью, самыми трудными и презренными делами»: собирал корни, ловил рыбу и т. п., дабы не «обременять миссию» и обеспечить себе возможность «умереть на поле боя» [7, vol. XXIX, р. 27-29].

Николай Адан приобрел репутацию «трудного отца» еще во Франции. Генерал Вителлески был против его назначения в Новую Францию, исходя именно из его психологической неготовности к таким испытаниям. Однако дал согласие на его отправку, дабы проверить свои сомнения и опасаясь помешать работе святого духа [9, vol. III, р. 136-137]. Оказавшись неспособным к постижению языков аборигенов, а значит и к работе в поле, о. Николай продолжил ту же работу исповедника в иезуитской церкви в Нотр-Дам-дез-Анж, которой он занимался и

во Франции. Почти сразу после прибытия Адана возникли какие-то трения между ним и другими членами миссии (иезуитские источники всегда чрезвычайно скупы на такого рода информацию) [9, vol. IV, p. 504]. Супериор Квебека не имел достаточно власти, чтобы отослать какого-либо члена миссии, прибывшего в колонию. Но осенью 1641 г., в нарушение существующих правил, о. Адана отправили во Францию именно из-за особенностей его характера, а не проблем адаптации к вызовам климата или туземного образа жизни [9, vol. IV, p. 530-531; 7, vol. XX, p. 119].

История о. Ноэля Шабанеля, одного из гуронских мучеников, демонстрирует иное решение этой проблемы. Как и о. Адан, Шабанель «даже после трех, четырех и пяти лет усилий изучить язык Дикарей, настолько мало продвинулся, что едва мог объясняться даже в самых обычных делах», хотя «горел желанием» их обращения. «Это было сильным мучением» для того, кто считал себя уже состоявшимся священником и преподавателем. «Из-за этого его разум был настолько настроен против обычаев и манер Дикарей, что он видел их недостатки во всем; он не мог привыкнуть к пище страны; и жизнь в миссиях оказывала такое насилие над всем его естеством, что он столкнулся там с необыкновенными трудностями, без какого-либо утешения». Но «Бог дал ему сильное призвание для этих стран», и Шабанель старался компенсировать свои недостатки, выполняя роль коадьютора, то есть слуги, помогая своим коллегам в быту. Одновременно он принес обет «остаться навеки в этой миссии Гуроном», каковой и исполнил, сгинув без вести в канадской чаще [7, vol. XXXV, p. 151-157].

Действительно, даже от обладающего высокими духовными качествами иезуита ждали реальной помощи в делах миссии. Если, по тем или иным соображениям, он не мог эту помощь предоставить, он становился обузой и фактором раздражения для его коллег. Так, например, о. Жоржа-Александра Дёдемара, в его 52 года, перевели из закрытой в 1641 г. миссии Сент-Анн в заливе Св. Лаврентия в Квебек. Миссионер, работавший с 1636 г. среди микмак, теперь оказался среди племен, говоривших на ином языке и ведущих совсем другой образ жизни. В таком возрасте приступить к изучению новых туземных языков и традиций было очень трудно, отнимало много времени и сил у всей миссионерской общины, отвлекая остальных ее членов от их непосредственных обязанностей. Это решение французского супериората, демонстрировавшее непонимание условий работы канадской миссии, вызвало критику со стороны миссионеров, в частности супериора Б. Вимона и П. Лежёна, написавших генералу Вителлески письма с жалобой на своего провинциала [9, vol. V, p. 278, 282]. Равно и о. Амбаля Дефрета, прибывшего в Квебек в 1646 г., уже в следующем году отправили обратно во Францию в силу его неудачи в приспособлении к условиям жизнедеятельности канадских миссионеров [9, vol. VII, p. 216].

Возможно, стремясь избежать подобных инцидентов, канадские миссионеры не скупилась на описание трудностей и опасностей их миссионерского поля, «чтобы те, кого назначат в эту миссию, могли увидеть из Франции испытания, с которыми они должны будут бороться» [7, vol. XII, p. 115]. Так, «Инструкции для Отцов нашего Общества, которые будут посланы к Гуроном» Бребёфа могли охладить даже очень сильный пыл, возникший у какого-нибудь схоластика во французском коллеже. Но, решившись на это предприятие, будущий миссионер уже был готов к возможным вызовам его предназначению.

С самого начала, отправляясь из Квебека к месту своего назначения (по рекам Св. Лаврентия или Оттава – единственным доступным коммуникациям в течение всего французского колониального режима), миссионер подвергался серьезным испытаниям: утлые суденышки, готовые перевернуться в любой момент, изматывающий труд гребца, подобно «преступнику, приговоренного к галерам» [7, vol. L, p. 255], и преодоление многочисленных порогов, когда было необходимо покинуть каноэ и нести его и весь груз на себе. Наиболее трудным, конечно,

было путешествие в Гуронию, длившееся около 30 дней, во время которого необходимо было преодолеть от 40 до 60 порогов. И. Жог и его спутники, например, возвращаясь в Квебек в 1642 г., «были вынуждены высадиться сорок раз, и сорок раз нести наши лодки и весь багаж среди потоков и водопадов». Эти волоки могли простираться на 15 км [7, vol. VIII, p. 77; vol. XV, p. 151; vol. XXXI, p. 19; vol. XXXIII, p. 65; 9, vol. IV, p. 477]. «Днем солнце жжет вас; ночью вы рискуете стать добычей москитов», которых о. Шомоно сравнил с «казнью египетской». Только вечером – привал, на котором «единственной пищей является горсть зерна, размолотого между двумя камнями и сваренного в воде; единственной кроватью – земля, иногда только грубые камни, и обычно никакой крыши, кроме звезд; и все это в бесконечной тишине». В случае травмы или болезни, «не ожидайте от этих варваров никакой помощи, ибо откуда они сами могут получить ее? И я не стал бы гарантировать, что они не оставят вас, если вы не сможете следовать за ними». Но даже по достижению индейского селения, где находится миссия, положение мало изменится. «Измотанным и изнуренным, какими вы прибудете, мы сможем дать лишь жалкую циновку, служащую вам кроватью; и, кроме того, блохи будут держать вас бодрыми почти всю ночь» [7, vol. X, p. 89-91; 9, vol. IV, p. 477].

Жизнь в индейской хижине, «в наших дворцах из коры», как иронизировали иезуиты, для европейца действительно могла показаться ужасной. «Нужно всегда спать на голой земле, и жить с утра до ночи в маленьком аду из дыма; в месте, где часто утром оказываешься покрытым снегом, который лежит повсюду в хижинах Дикарей; где паразиты имеются в большом количестве; где чувства, каждое и все разом, измучены и ночью и днем; ни у кого никогда нет ничего, кроме воды, чтобы утолить жажду; в то время как лучшая пища, которую обычно едят там, это лишь паста из маиса, сваренная в воде. Нужно работать постоянно, хотя всегда плохо питаться; в течение дня нет и мгновения, чтобы уединиться; нет ни комнаты, ни спальни, ни туалета, чтобы выполнить свои дела. Нет даже иного [источника] света, кроме дымного огня, окруженного разом десятью или пятнадцатью людьми, и детьми всех возрастов, которые кричат, плачут и спорят» [7, vol. IX, p. 175; vol. X, p. 91-93; vol. XXXV, p. 153].

В отношениях с индейцами необходимо было находиться в постоянном напряжении, следя за своими словами и поступками, среди «многочисленных вещей, которые, будучи неприятными, должны быть вынесены ради любви божьей, без слов и взглядов... Вы должны вести себя так, чтобы вообще не быть неприятным даже одному из этих Варваров». Тем не менее, «в любой момент дружба их может обратиться в ненависть, и ваша жизнь потеряет всякую ценность. Вы ответственны за бесплодие или плодородие земли; вы – причина засухи; если вы не можете вызвать дождь, они будут говорить лишь о вашем уничтожении». Смерти также в любой момент можно ожидать от многочисленных врагов, прежде всего, ирокезов [7, vol. X, p. 93; vol. XII, p. 117-119]. Вывод Бребёфа был весьма неутешителен: «вы попадете в руки варварского народа, который мало озабочен вашей философией или богословием. Все прекрасные качества, которые могли бы сделать вас любимым и уважаемым во Франции, походят на жемчуг, растоптанный под копытами свиней, или скорее мулов, которые крайне презирают вас, когда видят, что вы не столь хорошие вьючные животные, как они. Если вы сможете идти нагишом, и тащить лошадиный груз на своей спине, как они, то вы станете мудрецом, согласно их учению, и будете признаны великим человеком, иначе никак» [7, vol. XII, p. 123].

Конституции ордена предусматривали возможность подобных трудностей, возникавших перед его членами в различных уголках мира. Они требовали от потенциальных новобранцев не только демонстрации веры и интеллекта, но и абсолютного физического здоровья, отказывая всем тем, кто имел «дефект тела, болезни, слабости или ярко выраженное уродство», ибо они «делали их непригодными для служения нашему господу Богу в этом Обществе ради помощи душам» [4, p. 9].

Работа миссионера также была сопряжена со многими проблемами, важнейшая из которых – изучение труднейших индейских языков. «Вместо того, чтобы быть великим учителем и теологом, как во Франции, здесь вы окажетесь скромным студентом, но зато, о Боже милосердный! с какими учителями! – женщинами, детьми и всеми Дикарями, выставленным ими на посмешище. Гуронский язык будет вашими св. Фомой и Аристотелем; и вы, умный человек, многословный среди ученых и знающих людей, надолго станете немым среди Варваров. И вы достигните немало, если после долгого времени начнете хотя бы немного запинаться» [7, vol. X, p. 91-93].

С другой стороны, эти примеры суровой и опасной жизни отвечали требованиям собственного предназначения иезуита, в том понимании, которое ему придавали верные последователи мартирологии Луи Лалемана. Бребёф уверенно заявляет, что «нет ни одной опасности для души того, кто несет в страну гуронов страх и любовь божьи; напротив, я нахожу беспрецедентными преимуществами для совершенствования. Нуждаясь в малом, в пище, одежде и сне, нет иных соблазнов, кроме голой необходимости? Разве это не великолепная возможность объединиться с Богом?» [7, vol. X, p. 103]. По сути, речь шла о практике аскезы, а аскетизм с эпохи раннехристианской церкви был генетически связан с духом мученичества, стремясь воспроизвести святость жизни эпохи гонений [13, p. 88].

Нельзя, конечно, представлять французских иезуитов в Канаде XVII в. людьми, бесстрашно и хладнокровно стремящимися «в самую пасть волков», готовых спокойно страдать и даже расстаться с жизнью. Нет, большинство тех, кто стал символом тягот и мучений канадской миссии, часто испытывали страх, тоску, даже депрессию, то есть все те чувства, которые испытывают в результате «культурного шока». Как писал И. Жог квебекскому настоятелю перед своим вторым роковым путешествием к ирокезам, «бедная природа, которая помнила прошлое, содрогалась» [9, vol. VI, p. 468]. Отчеты иезуитских миссионеров сыграли, вероятно, немаловажную роль в становлении современной науки психологии, в том числе и тех ее аспектов, которые были связаны с изучением феноменов культурной адаптации, вроде ностальгии [1, с. 281].

Но те, кто смог приспособиться к новым условиям канадской миссии, проявляли действительно чудеса в христианизации индейского мира. Когда о. Брессани возвратился в Канаду через год после освобождения из ирокезского плена, где потерял почти все свои пальцы, индейцы задались вопросом, «если бы не было Рая, как могли появиться люди, готовые переступить через костры ирокезов, чтобы спасти нас от Ада и повести за собой на Небеса?» В результате, некий гурон заявил, что «больше не может сомневаться в истинах веры»: зрелище «отрезанных пальцев стало ответом на все мои сомнения» [7, vol. XXX, p. 69]. «Презрение, которое... мы показываем к смерти и всем опасностям, которым подвергаемся», резюмировал гуронский суперитор Лемерсье, склоняет индейцев «к Истине» [7, vol. XV, p. 121]. Иезуитские миссионеры оказывались незаменимыми в достижении не только религиозных целей, но и в решении политических, экономических, исследовательских и многих других задач, стоявших перед маленькой французской колонией в огромном и чужом мире. Недаром квебекский суперитор о. Б. Вимон восклицал, что «потерять одного работника, полностью обученного и подходящего для этих областей, означает потерять драгоценное сокровище» [7, vol. XXV, p. 25].

Итак, о. Никола Адан так и не сумел приобрести или развить в себе ни одного из тех качеств и черт характера, которые были необходимы для миссионерского труда в отдаленной колонии. Видимо, последней каплей терпения для его коллег стала позиция Адана относительно решения ирокезской проблемы. Воины Ирокезской лиги пяти племен развязали жестокую войну сначала против племен алгонкинов и гуронов, союзников и партнеров французов, а потом и против саой колонии. Иезуиты, чья туземная паства стала объектом уничтожения, вы-

ступили инициаторами ответных военных действий против ирокезов и с этой целью в 1641 г. решили послать своего эмиссара (им назначили о. П. Лежён) в метрополию за помощью. И единственным, кто выступил против этого плана, оказался отец Николая. В результате, ему было приказано покинуть колонию и возвратиться во Францию на том же корабле, на котором плыл и Лежён. Неизвестно, что произошло между ними в пути, но сразу же по прибытию Лежён написал генералу ордена письмо, в котором весьма нелестным образом отозвался о поведении своего бывшего коллеги. В ответ генерал предупредил парижских супериоров относиться с недоверием к рассказам Адана, и провинциал счел разумным задержать его в резиденции Дьеппа, пока о. Лежён не выполнит свою миссию в Париже [9, vol. V, p. 372]. В конечном итоге, Николая Адан вернулся в коллеж Ля Флеш, снова став исповедником, коим и трудился вплоть до самой смерти (29 марта 1659).

Покидая «Старую» Францию ради Новой, иезуиты вступали на сложный (и часто, трагичный) путь ее освоения, как материального, так и духовного. Следуя по этому пути, иезуитский миссионер в Новой Франции первой половины XVII в. демонстрировал как традиционные установки в отношении христианизации американских «варваров», уходящие корнями в Средние века (как то: поиск мученичества и духовного самосовершенствования в процессе миссионерской деятельности и, в связи с этим, некоторое пренебрежение к достижению ее реальных результатов), так и новые черты, связанные с разработкой приемов и способов аккомодации к чужеродной среде (изучение языков, использование достижений науки и техники для демонстрации превосходства христианских религии и образа жизни над туземными и пр.). Французские иезуиты в Северной Америке действительно представляли собой особенное явление в общем иезуитском апостолате Нового времени, создав свою модель культурного контакта, отличную от моделей иберийских, итальянских или английских коллег. Но история о. Николая Адана показывает, что иезуитский миссионер не был изначально героем-мучеником или тонким психологом-проповедником. Эти качества необходимо было приобретать и постоянно совершенствовать, и не у каждого это могло получаться.

Библиографический список

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999.
2. Acosta J. de. De natura novi orbis libri duo. et De promulgatione evangelii apud barbaros, siue, De procuranda Indorum salute, libri sex. Coloniae Agrippinae, In officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij, 1596.
3. Chaumonot P.-J.-M., SJ. Un missionnaire des Hurons: Autobiographie du Père Chaumonot de la Compagnie de Jésus et son complement par le R. P. F. Martin. Paris, H. Oudin, 1885.
4. Constitutiones Societatis Jesu, anno 1558: Romae, in Aedibus Societatis Jesu, 1558. Reprinted from the original edition with an appendix, containing a translation, and several important documents. L., J. G. and F. Rivington, 1838.
5. Du Creux F., SJ. The history of Canada or New France / ed. by J. B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952.
6. The Jesuit Ratio Studiorum of 1599 / ed. by A. P. Farrell, SJ. Washington, Conference of Major Superiors of Jesuits, 1970.
7. The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791. 73 vols. / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
8. Lallemand L., SJ. The spiritual doctrine of Father Louis Lallemand, of the Company of Jesus: preceded by some account of his life / ed. by F. W. Faber. L., Burns & Lambert, 1855.
9. Monumenta Novae Franciae. Vol. I-IX / ed. par L. Campeau. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967-2003.

10. Fouquieray H. Histoire de la Compagnie de Jésus en France: des origines à la suppression, (1528-1762). T. I-V. Paris, A. Picard, 1910-1925.
11. Goddard P. A. Science and Scepticism in the Early Mission to New France // Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada. New series. 1995. Vol. 6. № 1. P. 43-58.
12. Haudrère P. Le Collège royal de La Flèche, l'esprit missionnaire et le Canada // http://www.ameriquefrancaise.org/fr/article-95/Collège_royal_de_La_Flèche_l'esprit_missionnaire_et_le_Canada.html
13. Jensen M. P. Martyrdom and Identity. The Self on Trial. L., Continuum, 2010.
14. Rochemonteix C., SJ. Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVIIe siècle d'après beaucoup de documents inédits par de le P. Camille de Rochemonteix, de la Compagnie de Jésus. Tome I-III. Paris, Letouzey et Ané, 1895-1896.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета, доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, 89532985245, avfedin@yandex.ru

УДК 902.2+551(44+47)

А. А. Чубур

«ТЕПЕРЬ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ВОПРОСЕ СССР МОЖЕТ СОПЕРНИЧАТЬ С ФРАНЦИЕЙ»: ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕСНИНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: В статье рассказывается об истории, основном содержании, и некоторых деталях советско-французского научного сотрудничества в области первобытной археологии и палеогеографии в 1960-х – 1980-х гг. Особое внимание уделено эпизодам советско-французского полевого семинара 1981 г. на территории Курской, Брянской и Черниговской областей (бассейн Десны).

Ключевые слова: советско-французское сотрудничество, полевой семинар, каменный век, археология, палеогеография, бассейн Десны

Abstract: The article describes the history, main content, and some details of Soviet-French scientific cooperation in the field of primitive archeology and paleogeography in the 1960s-1980s. Particular attention is paid to the episodes of the Soviet-French field seminar in 1981 in the Kursk, Bryansk and Chernigov regions (the Desna basin).

Keywords: Soviet-French cooperation, field seminar, stone age, archeology, paleogeography, Desna basin

Известно, что без постоянного обмена мнениями, идеями и последними достижениями любое замкнутое на себя, закрытое научное сообщество постепенно деградирует, скатывается к догматизму и перестает быть продуктивным. После смены леденящей духоты державной сталинской деспотии периодом хрущевской «оттепели» и хотя бы частичного падения «железного занавеса» (целиком он рухнул лишь с кончиной СССР) отечественная историческая наука наконец-то вновь получила возможность и шанс активизировать необходимое настоящим творческим личностям как воздух международное сотрудничество.

Одним из перспективных в силу, опять же, давних отношений между народами, стало французское направление. Уже в 1956 г. была создана специальная группа по истории Франции при Институте истории АН СССР, с 1958 г. начал издаваться «Французский ежегодник», а с 1968 г. был сформирован сектор истории Франции в Институте всеобщей истории АН СССР, в который был тогда же реорганизован Институт истории. Стала возрождаться ставшая опасной для организаторов и участников и угасшая еще во второй половине 1930-х гг. традиция проведения международных научных симпозиумов в Советском Союзе и поездок отечественных ученых на зарубежные конгрессы и конференции. Начиная с 1958 г. каждые 2-3 года советские и французские ученые начали встречаться на конференциях – как в СССР, так и во Франции [19]. Продолжило развиваться сотрудничество между СССР и Францией в научной сфере, в том числе и археологической, и в период так называемого «брежневского застоя» [12].

Еще с первой половины XIX столетия, когда археология как наука делала самые первые шаги, «законодательницей мод» в области изучения древнейшего периода человечества стала Франция, где, собственно были сделаны первые атрибутированные находки эпохи палеолита. С той поры многие термины в палеолитоведении – названия вещей, культур, эпох, технологий – не скрывают своего французского происхождения: «леваллуа», «микок», «мустье», «ориньяк», «солютре», «мадлен», скребки «а мюзо», острия «шательперрон» и тому подобное. Первый широкий опыт сотрудничества послевоенного поколения отечественных исследователей каменного века и природы, окружавшей человека ледникового периода с французскими коллегами, был получен в рамках работы INQUA (Международного союза по изучению четвертичного периода).

Эмблема III Всемирного Конгресса INQUA в Париже, изображена головка статуэтки из Брасемпуи

В 1969 г. Париж принимал III всемирный конгресс INQUA. К началу конгресса в СССР была выпущена серия сборников научных статей и монографий. Среди них видное место заняла книга «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». Среди опубликованных в нем материалов была серия статей, посвященных особенностям материальной культуры и природному окружению стоянок деснянского палеолита [4; 5; 9]. Не менее значимым для знакомства с восточноевропейским палеолитом стало издание к конгрессу в Париже сборника «Лесс-перигляциал-палеолит на территории Средней и Восточной Европы», содержавшего обзор М.Д. Гвоздовер и А.Н. Рогачева, в который были включены и сведения об Авдеевской стоянке на р. Сейм – крупнейшем притоке Десны [6]. Так французским и другим участникам Конгресса была предоставлена возможность заочно ознакомиться с древностями бассейна Десны.

Во время конгресса советской стороной, при поддержке ЮНЕСКО и французской стороны, была организована выставка 20 научно реконструированных скульптурных портретов работы профессора М.М. Герасимова и 100 полотен художника и палеонтолога К.К. Флёрова на темы плейстоцена и палеолита. Скульптуры в дальнейшем были переданы в дар ЮНЕСКО. В числе 28 докладов отечественных ученых, видное место заняли сообщения палеогеографа А.А. Величко, к тому времени посвятившего 15 лет десятилетия изучению четвертичной геологии и геоморфологии Центра Восточной Европы, в том числе – Деснинского региона и палеолитических памятников Подесенья. В числе пяти ведущих ученых-четвертичников мира, избранных в президиум заключительного заседания, он участвовал в подведении итогов конгресса [15].

Еще во время первого визита президента Франции Шарля де Голля в СССР 30 июня 1966 г. стороны подписали соглашение о научно-техническом и экономическом сотрудничестве [17]. На его основе создали постоянно действующие смешанные советско-французские комиссии, включая Комиссию по научно-техническому и экономическому сотрудничеству (в обиходе – «малая комиссия»). Поочередно в Москве и в Париже, комиссия ежегодно проводила заседания, подводя итоги и намечая планы. В планах научного сотрудничества преимущество отдавалось долгосрочным программам. На XIII сессии комиссии была утверждена продолжительная (1977-1983) советско-французская программа «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами» (протокол от 27.01.1976), с серией рабочих совещаний во Франции и в СССР, ставшая настоящим прорывом в области сотрудничества археологов, антропологов, географов, палеонтологов и геологов двух стран.

В июне 1977 г. Л.И. Брежнев находясь с официальным визитом во Франции по приглашению президента В. Жискара д'Эстэна, в замке Рамбуйе подписал новую декларацию о сотрудничестве, подтвердившую и дальнейшее укрепление научных связей [18]. Программе совместных комплексных исследований был дан окончательный старт. Возглавили ее с советской стороны директор Института географии АН СССР (ИГАН) академик Иннокентий Петрович Герасимов и профессор Андрей Алексеевич Величко и с французской – профессор Анри де Люмле. Ведущим учреждением с советской стороны выступил ИГАН, с французской – Лаборатория антропологии и первобытной истории Прованского университета. Всего в проекте приняли участие почти 100 человек – археологи из Москвы, Ленинграда, Киева, Брянска и других мест, отдел палеогеографии ИГАН в полном составе, геоморфологи.

Академик И.П. Герасимов

Профессор А.А. Величко

Профессор А. де Люмле

Исследования носили компаративный характер. Акцент был сделан на сравнительное изучение истории первобытного общества в регионах с отличающимися природно-климатическими условиями. Программой семинара предусмотрено проведение советско-французской рабочей группой совместных научных полевых совещаний с обследованием во Франции и СССР ключевых археологических памятников и опорных геологических разрезов четвертичной толщи. Исследования состояли из трех этапов, по каждому из которых сначала во Франции, а затем в СССР проходил тандем полевых семинаров для знакомства с определенной хронологической группой памятников каменного века и геологических разрезов четвертичной толщи. К каждому полевому семинару на двух языках печатались книжки-путеводители, оказавшиеся очень содержательными и востребованными в среде специалистов даже не участвовавших в программе. Программа предусматривала поэтапное знакомство с опорными геологическими разрезами и археологическими памятниками от раннего и среднего палеолита и соответственно раннего плейстоцена до неолитической эпохи и голоцена – сквозь весь каменный век.

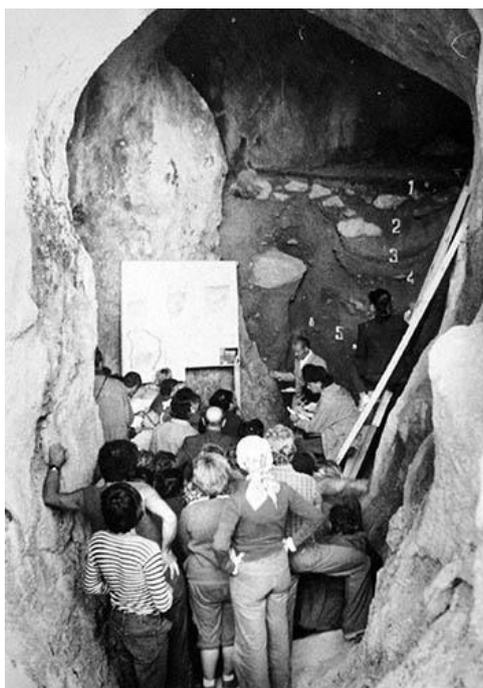
Работы первых лет были связаны с ранним и средним палеолитом [7]. Первый полевой семинар, организованный французской стороной, был наполнен экскурсиями по опорным ашельским и мустьерским памятникам юга Франции, таким как Терра-Амата. Проходивший в СССР в сентябре 1978 г. второй полевой семинар сосредоточился на знакомстве с древнейшими памятниками Кавказа и Крыма [1]. Следует отметить, что в число участников второго семинара вошел брянский археолог Федор Михайлович Заверняев – первооткрыватель и исследователь Хотылевского палеолита. Он вместе со всеми ознакомился с такими выдающимися памятниками, как пещеры Азых, Цон и Кударо 1, Ильская стоянка (кстати, открытая в 1898 г. французским археологом Жозефом де Баем), получив возможность не только по книгам сопоставить их материалы со своими находками. С французской стороны участие в экскурсиях приняли 10 специалистов. Возглавлявший их А. де Люмле был восхищен методикой раскопок пещерного культурного слоя, разработанной советским коллегой В.П. Любиным¹.

---

¹ Василий Прокофьевич Любин, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН ныне - патриарх российского палеолитоведения. В январе 2018 г. ученому исполнилось 100 лет, он активно продолжает исследования.

Участники Советско-французского полевого семинара «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества» знакомятся с палеолитом у горы Ак-Кая (вверху) и слушают пояснения В.П.Любина в пещере Кударо (внизу), сентябрь 1978 г.

Третий совместный полевой симпозиум прошел во Франции в 1979 г. с экскурсиями по памятникам преимущественно позднего палеолита [21].

Непосредственно с находящимся в центре нашего внимания Деснянским регионом был связан четвертый полевой семинар, начавшийся 1 сентября 1981 года [2]. За две недели около 40 участников (в т. ч. 12 представителей Франции) смогли проделать огромный по суммарной протяженности маршрут из Москвы с остановками на стоянках позднего палеолита и в местах хранения коллекций. Сначала в Воронеж и Костенки, затем в Курск и на Авдеевскую стоянку. Оттуда, через Железнодорожск и Севск – в Брянск и Хотылево. Далее – в Чернигов, а затем в Новгород-Северский, Мезин, Араповичи и Пушкарки. Наконец – в Яготин (Добраничевку), Канев (Межиричи), Киев – и уже оттуда в Ленинград [8].

Итак, после знакомства с палеолитом Костенково-Борщевского палеолитического района на верхнем Дону, участники полевого семинара отправились в Кур-

скую область, приступив к осмотру памятников палеолита Десны и ее притоков.

Первой в плане дальнейшей полевой экскурсии стояла Авдеевская стоянка, раскапывавшаяся в то время совместной экспедицией МГУ и Ленинградского отделения Института археологии под руководством великолепного тандема моих первых археологических учителей – Марианны Давыдовны Гвоздовер и Геннадия Павловича Григорьева. Стоянка интересна тем, что принадлежит к распространенным от Австрии до Москвы памятникам костенковско-авдеевской культуры или виллендорфско-костенковского единства. Это сложно устроенные поселения со следами жилых и хозяйственных конструкций, мощными очагами и богатым объектами и находками культурным слоем. В нем – не только особая каменная индустрия с такими культуросопределяющими изделиями как наконечник с боковой выемкой и нож

костенковского типа, но и уникальная обработанная кость и бивень: оружие, орудия, украшения, произведения изобразительного искусства [20]. Редкий случай, когда можно утверждать, что все стоянки этого типа оставлены одной группой населения. Во Франции тоже есть граветтская культура с резной костью, женскими статуэтками и наконечниками с боковой выемкой, но она весьма отличается от наблюдаемой в Костенках и Авдеево – потому французским коллегам было очень интересно сравнить их.

Автор позволит себе не только отразить официоз и документы, но и оживить материал рассказом о ситуациях, ставших местными легендами и попавших в побасенки, передающиеся из уст в уста у экспедиционных костров и на конференциях, ставшие экспедиционным разговорным фольклором. Все они рассказаны участниками событий. Это тоже неотъемлемая, хоть и «закулисная» часть истории и социальной антропологии нашей науки.

*Справа: экскурсионный маршрут советско-французского семинара 1981 г.
Слева: Авдеевская стоянка. Раскопки 1981 г.: подготовка к встрече участников семинара (на заднем плане мост через р. Рогозна и деревенские усадьбы).*

Узнав о полевом семинаре из письма и звонка из Москвы, областные власти (руководил Курской областью друг Л.И. Брежнева, член ЦК КПСС А.Ф. Гудков) приняли срочные меры для встречи делегации. Первым делом за оставшиеся до прибытия нежадных гостей несколько дней от ведущей на главную свалку региона в д. Старково трассы до забытого всеми кроме археологов Авдеево разбитая грунтовка была отсыпана щебнем. Правда, не до деревни, а только до места раскопок – почти по брежневскому «афоризму» о том, что «экономика должна быть экономной». Так колхозники получили нежданную и ощутимую практическую пользу от развития международных научных связей и стали больше уважать археологов. На большее у советской власти средств не нашлось, бетонное покрытие поверх уже хорошо улежавшегося щебня и автобусное сообщение эта дорога получила только спустя десять лет. Самих иностранцев крестьяне увидели 3 сентября только издали: место раскопа на время пребывания делегации было отделено от деревни флажной лентой, известной в народе как «волчатник», а на импровизированной границе несли службу стражи порядка, присланные областным УВД по приказу обкома компартии. «Простых людей» в СССР старательно «оберегали» от контактов с иноземцами – чтобы ничего лишнего не сказали и не спросили, подрывая авторитет державы. Заметим, что милиционеры оказались мастерами на все руки и до прибытия делегации очень помогли археологам в экстренном сооружении дощатых столов, скамеек и навесов прямо у раскопа.

Заранее подготовленные геологические разрезы сразу двух жилых комплексов стоянки продемонстрировать получилось, а вот культурный слой Авдеево гостям, увы, подробно ос-

мотреть не удалось: строительство пруда-охладителя расположенной неподалеку Курской АЭС вызвало подъем грунтовых вод, регулярно затапливавших раскоп. Во время экскурсии случилось очередное «наводнение», и потому гости взирали на кости мамонта и расчищенные объекты сквозь толщу прозрачной и холодной воды.¹ Нестыковку скрасила возможность в деталях осмотреть находки сезона, причем не только кремневые орудия, но и неожиданно найденная при зачистке стенок раскопа 1940-х гг. буквально за сутки до начала полевого семинара незавершенная палеолитическая «Венера» из бивня мамонта [8; 20].

Авдеевская стоянка, 1981 г. Слева направо: начальник экспедиции Г.П. Григорьев, проф. А.А. Величко, проф. А. де Люмле. Справа - заготовка женской статуэтки из бивня мамонта, найденная при подготовке к проведению полевого семинара.

После официальной части гостям обеспечили традиционный для Авдеево искренний радушный прием: даже когда вечером стало ясно, что напитки для дружеского ужина, в отличие от продуктов, завезены областными властями в крайне ограниченном объеме, выручил местный участковый милиционер, оперативно изъявший запасы нелегального спиртного у

---

¹ Уже позднее, в 1983-1984 гг. при участии автора статьи проблема грунтовых вод частично была решена силами все той же Курской АЭС и представителей НИИ «Гидропроект», установивших на берегу р. Рогозны бетонный колодец-коллектор и дренажную систему. Раскоп и далее время от времени подтапливало верховодкой, но уже только в углубленных объектах типа землянок или больших хозяйственных ям.

взятого им «на карандаш» самогонщика. Любопытствовавшим о генезисе появившегося на столах «первача» французам пояснили, что в деревне работает “la petite distillerie” - «маленький винокурный заводик». Во время застолья имел место и дружеский обмен предметами гардероба: русская рубашка с петухами (ручная вышивка) после долгих слёзных просьб одного из парижских археологов перекочевала на его торс, а археолог-москвич, гордый женой-мастерицей, получил взамен его французскую морскую тельняшку.

Вечером 4 сентября участники семинара, посетив разрезы лессово-почвенной серии в карьере Михайловского горно-обогатительного комбината (г. Железногорск), прибыли в Брянск. Здесь организаторам семинара пришлось заблаговременно столкнуться с еще одним нюансом советского мироустройства. Брянск для посещения западными гражданами был закрыт ввиду концентрации оборонных предприятий, делавших тягачи-ракетовозы, авиационное оборудование и многое другое. Исследователям древностей при поддержке Министерства иностранных дел, загодя дали необходимые разрешения и согласования, справедливо решив, что секретные производства и каменный век существенно удалены во времени.

Заблаговременно готовился к встрече старых знакомых и Ф.М. Заверняев. В подготовке разрезов на палеолитических объектах Хотылевского куста памятников за год до полевого семинара, летом 1980 г. участвовали под руководством Заверняева студенты истфака Брянского пединститута (ныне БГУ), в том числе и будущий археолог и краевед Г.П. Поляков. На стоянке Хотылево 2 заложили очередной раскоп 11, сняв 7-метровый балласт, расчистив кости и находки на уровне верха культурного слоя. После этого вскрытый участок законсервировали до будущего года. Дальнейшие события достаточно подробно изложены Ф.М. Заверняевым в выдержках из его дневника [11], их дополняют и уточняют устные воспоминания участников событий, которые мне довелось слышать.

На расконсервированный 3 сентября 1981 г. раскоп в помощь к Заверняеву прибыл из Костёнок сотрудник группы «величковцев» Виктор Павлович Ударцев с московскими студентами-географами. Брянский археолог сообщил ему, что и на мустьерском Хотылево 1 им тоже сделана зачистка берегового обрыва Десны у подвесного моста (ниже школы).

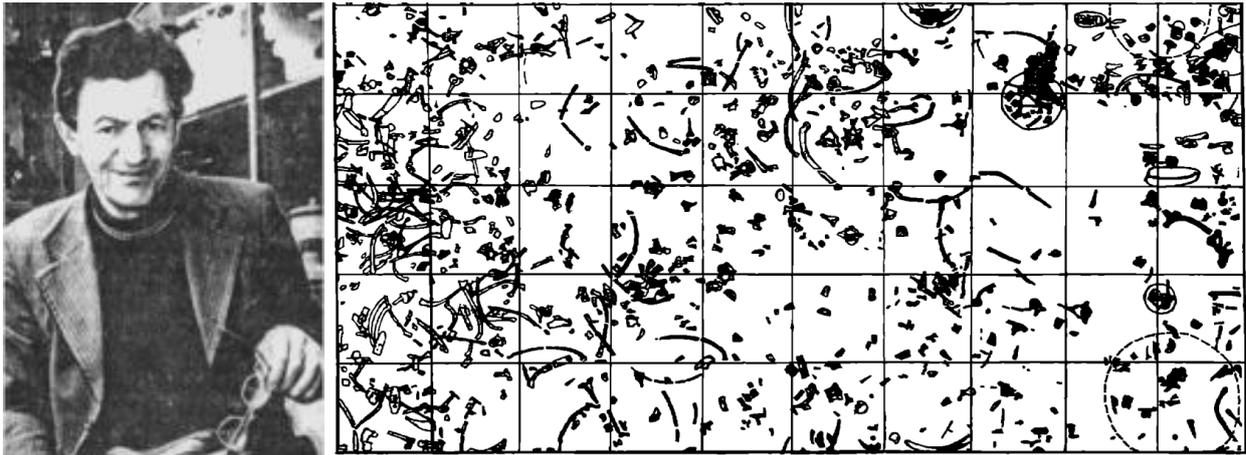
На следующий день Федор Михайлович с сотрудниками Брянского музея готовил к осмотру коллекции, чертежи и фотографии исследованных им памятников, включая сводный план Хотылево 2 (который в настоящее время в научном архиве музея не сохранился). К 10 вечера Заверняев прибыл в гостиницу «Центральная» (та, что на площади Карла Маркса) и у встреченного молодого сотрудника Института географии Андрея Чепалыги¹ выяснил, что делегация уже ужинает в ресторане. Вышедший руководитель проекта проф. А.А. Величко тоже повел брянского археолога на ужин, представив гостям, которых в совокупности было около сорока. Профессор де Люмле (Заверняев в привычной для русских транскрипции величает его в дневнике Люмлей) был рад встрече со старым знакомым по «кавказским приключениям» 1977 года. Поехать в 1978 г. на полевой семинар во Францию у Заверняева в СССР не было шансов – после немецкого плена и концлагеря и освобождения оттуда американскими солдатами он почти всю жизнь был «на особом учете» и на выездную визу даже по научному обмену рассчитывать вряд ли мог.

Утром 5 сентября экскурсанты отправились на разрез в карьере Карачиж у Брянского телецентра. Именно здесь была впервые выделена Брянская ископаемая почва. Пока А.А. Величко вел свой рассказ, Ф.М. Заверняев и В.П. Ударцев отбыли в Хотылево для проверки готовности объектов. Экскурсия же, тем временем, посетила еще одну группу стоянок в селе

---

¹ спустя два десятилетия Андрей Леонидович Чепалыга, уже доктор географических наук, согласился быть одним из моих оппонентов на защите диссертации, вот такое переплетение судеб и знакомых.

Тимоновка, в отличие от Костенок, Хотылево и Авдеево, относящихся к самому концу палеолитической эпохи, когда началась деградация многолетней мерзлоты. Шурф на стоянке Тимоновка 2 для демонстрации участникам семинара условий залегания культурного слоя с мерзлотными деформациями был заложен сотрудницей Государственного Исторического музея Л.В. Греховой, ранее открывшей и несколько лет исследовавшей этот интересный памятник. Тимоновский пейзаж украшали стены, башни и Сретенская надвратная церковь стоявшего неподалеку Свенского Успенского монастыря, совсем ненаселенного и неспешно реставрировавшегося, как памятник украинского барокко.

Археолог Ф.М. Заверняев, план раскопа 11, показанного участникам полевого семинара.

В Хотылево ученые прибыли ближе к полудню, у сельской школы их с цветами встретили учащиеся, многие из которых принимали самое непосредственное участие в многолетних раскопках Заверняева. Археолог честно платил им за работу на лопате из скромных средств, выделяемых на раскопки, не менее рубля в день (по тем временам для школьника солидные деньги, недельная стоимость школьных завтраков или целых пять буханок хлеба и белый батон). Далее в советских традициях произошел приветственный митинг: обращение главы Брянского райисполкома, женщины в кокошниках и «народных» костюмах из местной самодеятельности. Как пишет Фёдор Михайлович, «Люмлей был так растроган, что начал целовать миловидную женщину, поднесшую ему хлеб-соль». Француз – всегда француз.

После официальной части делегация двинулась к обрыву с зачисткой через школьный сад с яблонями, гнуцимися под тяжестью налившихся соком плодов. По дороге гостям предложили отведать эти «дары природы».

Разрез мустьерского Хотылево 1 представлял А.А. Величко, уже работавший на нем по приглашению Ф.М. Заверняева. В его интерпретации местонахождение датировалось концом Микулинского межледниковья или одним из интерстадиалов начала Калининского гляциала. Подтвердили это аргументированное мнение, с тех пор вошедшее даже в учебники, В.П. Ударцев и сам Ф.М. Заверняев. Молодые грузинские археологи, как и проф. Люмле с энтузиазмом сравнили Хотылево 1 даже с ашельскими памятниками Кавказа и Франции. Но время внесло коррективы: новые исследования Хотылево уже в 2000-х гг. с применением новейших способов датирования с помощью акселераторной масс-спектрометрии и палеомагнитного метода показали, что памятник датируется временем вдвое моложе (45-50 тыс. лет) и связан с концом эпохи неандертальцев. Впрочем, лично я все еще полагаю, что в переотложенном материале местами может присутствовать в небольших количествах и более древняя фация артефактов, смешанная рекой с массовым поздним материалом.

Осмотрев еще одну зачистку береговой террасы Десны, выполненную В.П. Ударцевым и его студентами, гости прибыли на верхнепалеолитическую стоянку Хотылево 2 (второе романтическое ее название «Кладбищенская балка»). Не отходя от раскопа, участники симпозиума перекусили на свежем воздухе, сидя на скамейках за наскоро сколоченными столами, после чего вновь заслушали информацию от А.А. Величко и Ф.М. Заверняева о геологических условиях, датировке, истории изучения и особенностях культурного слоя памятника. Затем был осмотрен еще один разрез погребенной балки на окраине стоянки, после чего в половине четвертого все выехали обратно в Брянск.

Если Авдеевская стоянка находит аналогии в австрийском Виллендорфе и польском Кракове, то инвентарь Хотылево 2 больше походит на материал стоянок Павлов и Дольни Вестонице в еще единой тогда Чехословакии (до ее «бархатного развода» на две страны оставалось неполных 12 лет). При тех же, что и в Авдеево, типах орудий и сходных костяных изделиях, для их изготовления применялись иные технологические приемы, и потому облик инвентаря был иным, даже статуэтки «Венер» выполнены в ином каноне по той же технологической причине. С планировкой же стоянки вышло то, что фотографии называют «инвертированием». Огромные зольные пятна, которые Ф.М. Заверняев представлял гостям как следы жилищ, оказались при скрупулезном анализе результатов раскопок (состоявшемся, увы, после смерти ученого), напротив, выбросами очагов, удаленными из жилых помещений. Это ничуть не умаляет его вклада в археологию каменного века.

Вечером в музее происходило знакомство с результатами многолетних раскопок в Хотылево – с коллекциями и чертежами. Археологи Анри де Люмле и Жан Комбье заявили, что материалы Хотылево, к тому времени еще слабо опубликованные и вот наконец-то доступные для знакомства, для них стали откровением: ничего подобного увидеть в Восточной Европе они не ожидали. В ответном слове В.П. Любин (ЛОИА АН СССР) сказал: «Теперь СССР может соперничать в палеолитическом вопросе с Францией».

Брянский краеведческий музей, где проходила работа международной делегации - длинное одноэтажное здание, вход с торца (ГАБО, фотодокументы, ед.хр. 1916)

Шестого сентября участники полевого семинара, посетив мемориал «Партизанская поляна», отбыли в Черниговскую область. Там им, после не в пример более впечатляющей и познавательной экскурсии по стародавнему Чернигову, предстояло знакомство с подготовленными к осмотру палеогеографами Института географии АН СССР опорными геологиче-

скими разрезами четвертичной толщи с лессово-почвенной серией в д. Араповичи и с. Мезин (разрез 3-60 «Залисный ров»). Ключевыми элементами разрезов были плейстоценовые ископаемые почвы – Трубчевский горизонт оглеения, Брянская почва и Мезинский полигенетический почвенный комплекс. Одновременно была возможность осмотреть место находок мустьерских изделий в Араповичах и расположение Мезинской стоянки – в тот момент не раскопывавшейся, но первой, открытой на Десне в 1908 г. при участии петербургского профессора Ф.К. Вовка, кстати, получившего докторскую степень в Парижской Академии наук и публиковавшего во французских изданиях свои материалы.

Там же, недалеко от Новгорода-Северского предстояло посетить куст палеолитических стоянок в Пушкарях, открытый репрессированным украинским археологом М.Я. Рудынским и затем исследовавшийся начальником Деснинской экспедиции М.В. Воеводским и начальниками ее отрядов П.И. Борисковским и М.Д. Гвоздовер в 1930-1940-х гг. Теперь же профессор Борисковский предложил своей ученице, сотруднице кафедры археологии Ленинградского государственного университета

Пушкари, 1981 г. Археолог Валентина Ивановна Белева (ЛГУ) с дочкой Павлой и палеонтолог Нина Вадимовна Гартт (Ленинградский горный институт)

В.И. Беляевой найти его старый довоенный раскоп и, заложив шурф, рассказать французским коллегам о памятнике с демонстрацией элементов культурного слоя. «Самоотверженным можно назвать ...сезон 1981 г., когда, взяв в экспедицию двух малолетних дочерей (младшей именно в Пушкарях 15 августа, в день археолога, исполнился год), она сумела не только найти старый раскоп своего учителя, но и заложить новый (раскоп V)» [14]. Шурф и находки из него 7 сентября 1981 г. получили возможность осмотреть участники семинара. Советско-французский семинар способствовал старту новой Пушкаревской экспедиции, более чем на 20 лет ставшей базовой для проведения полевых практик кафедры археологии Ленинградского университета. Автор принимал участие в этой экспедиции в 1989-1990 гг.

После посещения еще двух стоянок конца палеолита уже на среднем Днепре – Добраничевки и Межиричей – научная делегация прибыла в Киев, где их встретили в великолепном академическом музее археологии, располагавшемся в подвальном этаже уникального комплекса – Центрального природоведческого музея АН СССР, что и поныне стоит на перекрестке по диагонали от знаменитой Киевской оперы.¹ Здесь происходило знакомство с экспозицией и коллекциями из фондов, серия докладов (в том числе о палеолите бассейна Днестра) и, конечно, широкое неформальное общение и, как водится, дружеский ужин.

¹ Музей представляет собой пять музеев в одном – по этажу на каждый: археологический, геологический, палеонтологический, зоологический и ботанический. Жилища из костей мамонта смонтированы в залах палеонтологического музея, т.е. на втором этаже, если не считать подвал. Это один из первых музеев, который я посетил сознательно и с интересом, начиная с 6-летнего возраста, по сей день он один из моих любимых. Бывая в Киеве со студентами Брянского института, обязательно включаю его в программу их знакомства с городом.

По рассказам очевидцев, в этот вечер работавшая в музее юная пара решила после рабочего дня и ухода посетителей уединиться в романтической обстановке – в таинственном полумраке под сводом смонтированного в одном из залов знаменитого жилища из костей мамонта со стоянки Межирич, открытого, исследованного и реконструированного академиком И.Г. Пидопличко. Они не подозревали, что обзорную экскурсию для прибывших ученых перенесут на вечер, в пустые залы. И вот, делегация двинулась по лестнице к достопримечательностям. Объявив, что сейчас взорам предстанет то, чего гости еще никогда не видели, представитель принимающей стороны включил подсветку, мигом выхватившую из полумрака не только уникальное жилище, но и скрывающуюся там парочку, вполне сошедшую в деятельном натурализме за первобытных детей природы. Раздавшиеся аплодисменты дают право думать, что гости не увидели в случившемся казуса, приняв всё за запланированный театрализованный элемент, ожививший экспозицию.

Реконструкция первого Межиричского жилища из костей мамонта в экспозиции Национального природоведческого музея, Киев (фото автора)

Справедливости ради заметим, что Межиричское жилище вовсе не было первым домом из костей мамонта, увиденным участниками полевого семинара: перед этим они уже осмотрели в Костенках, а затем в Добраничевке близ г. Яготин музеефицированные прямо в раскопах остатки таких сооружений. Более того, ими даже было высказано предположение о сезонности обитания людей в подобных домах. Конечно, в Киевском природоведческом музее сооружение (и даже не одно, а два – в соседнем зале воздвигнут костяной дом со стоянки Мезин) реконструировано и смонтировано в объеме, а не лежит в руинах в лессовидном суглинке, что делает его более аттрактивным. Напомню, что Мезинское жилище, как и 4 таких сооружения в Добраничевке, одно из которых музеефицировано – это результат многолетних раскопок проф. Ивана Гавриловича Шовкопляса, участвовавшего в семинаре, несмотря на уже восьмилетнюю негласную опалу и «ссылку» с поста директора Музея археологии и из сотрудников Института археологии в академическую библиотеку по указке компартии. Но оставим байки и «преданья старины глубокой», возвратившись к итогам многолетней международной научной программы.

Последний этап полевого семинара, состоявшийся в 1984 г. и посвященный мезолиту и неолиту, никак не затронул Деснинский регион, крайне слабо изученный в плане мезолита и неолита на тот момент [3]. Упомянуты в путеводителе результаты исследований еще одного брянского археолога – Всеволода Протасьеви́ча Левенка, уроженца Трубчевска. Он открыл и исследовал Долговскую неолитическую стоянку на верхнем Дону. Однако сам Левенок в полевым семинаре участия уже принять не мог – он отошел от исследований по состоянию здоровья, подорванного на фронте и в нацистских и сталинских лагерях. В 1985 г. его не стало.

За восемь лет участники двустороннего проекта познакомились с коллекциями, обследовали и сопоставили свыше 40 палеолитических памятников СССР (Крым, Кавказ, центр и юг Восточно-Европейской равнины) и примерно столько же на территории Франции (от южного побережья до Центрального Французского массива). Удалось систематизировать некоторые сведения и о нескольких группах памятников мезолита, неолита и энеолита. Насколько взаимно обогащающим в методическом и информационном плане и, более того, уточняющим множество спорных положений было международное общение специалистов можно судить уже по кратким обзорным публикациям археологов, палеогеографов, палинологов [7; 8; 13]. Серия полевых семинаров подтвердила значимость для исследователей мультидисциплинарного подхода к изучению первобытной эпохи, важность деятельного взаимодействия и сотрудничества гуманитариев и естественников. Личное знакомство и дружеское общение специалистов из разных стран позволило установить контакты и продолжать обмен мнениями и информацией уже после завершения серии полевых семинаров.

Три путеводителя, изданных в СССР к советско-французскому полемому семинару «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами»

К настоящему времени в археологии обеих стран завершается закономерная смена поколений. Многих участников событий уже нет с нами. За минувшие 40 лет разработаны новые методы исследований, открыты новые интересные памятники, обновлены геологические интерпретации. Систематический обмен научной информацией, в особенности непосредственно в полевых условиях был бы крайне полезен. Не помешало бы и повторное организованное знакомство не только с новыми находками и объектами, но и с тем, что стало классикой первобытной археологии, а значит, требует взгляда с новых непривычных ракурсов и переосмысления. Диалектическая спираль познания завершила очередной виток и приводит

к мысли о необходимости возрождения аналогичных программ полевых семинаров уже на новом методологическом уровне, с сетевой схемой, в которую могли бы включиться различные европейские страны, и Франция с Россией – в первую очередь.

Сотрудничество с французскими исследователями в области археологии палеолита Подесенья конечно не прекратилось после свершившегося распада СССР. Время от времени отдельные французские археологи участвуют в международных симпозиумах, проводимых учреждениями Российской Академии наук (чаще всего Кунсткамерой и Институтом истории материальной культуры). Одним из крупнейших мероприятий такого рода в постсоветской России, где представлен был серией сообщений и Деснский палеолит, стал международный colloquium доисториков и протоисториков «Восточный граветт», организованный в 1997 г. в Зарайске Х.А. Амирхановым (Институт археологии РАН). Участвуют порой французские коллеги и в полевых исследованиях памятников бассейна Десны и в работе с поступившими в музей коллекциями. Так, функционально-трассологический анализ орудий и изделий со стоянки Юдиново на р. Судость провела в 1990-х гг., работая над докторской диссертацией, М. Кристенсен (Исследовательская лаборатория музеев Франции, Париж). Нельзя не обратить внимание на прекрасную компаративистскую работу Нежмы Гутас по технологии костяной индустрии восточного граветта в сравнении с классическим граветтом Франции, включающую анализ изделий из Авдеево [10]. Отметим знакомство с археологическими памятниками Подесенья в 2006 г. гостя Брянского государственного университета, известного специалиста по мегалитическим культурам Пьера Кассена (Université de Nantes). Однако такое сотрудничество носит все-таки эпизодический характер и касается лишь отдельных памятников, бесспорно интересных, но не отражающих всей полноты богатства, неповторимости и культурно-хронологического многообразия каменного века Подесенья.

Гость БГУ, профессор Нантского университета Пьер Кассен (в центре) на раскопках курганного некрополя Елицевичи под Брянском, 2006 г. Крайний слева – автор статьи.

Но, так или иначе, столь продолжительных, комплексных и масштабных по охвату ресурсов, специалистов, учреждений, регионов и памятников, совместных с Францией проектов в области первобытной археологии, как программа «Динамика взаимодействия между

естественной средой и доисторическими обществами» в Европейской части России больше не было, и пока, похоже, не предвидится. Развитие контактов с европейскими странами не попадает в приоритеты государства, взявшего тупиковый курс на самоизоляцию и тотальное «импортозамещение»: геополитические химеры все явственней затмевают собой идеи глобального научного сотрудничества.

При этом трудно не заметить, что многолетние совместные проекты по эпохе камня Франция (Институт палеонтологии человека, Национальное исследовательское агентство, Национальный природоведческий музей) продолжает развивать в тесном сотрудничестве со специалистами Института археологии НАН Украины (в советское время один из участников «Динамики взаимодействия»). Здесь даже смогли перейти от ознакомительных полевых семинаров к совместным стационарным комплексным экспедициям, например в тех же Межиричах, и к изучению наработанных ранее материалов с применением инновационных методик и оборудования (комплекс стоянок Молодово, неандертальские погребения Крыма и др.). Суммарные объемы финансирования составили уже свыше миллиона долларов США, в т. ч. по грантам Французского национального фонда исследований, что позволяет вести комплексные исследования на передовом уровне. Порадуемся за коллег, не упустивших шанс на развитие продуктивного совместного научного поиска и показавших реальную преимущество с позитивным наследием советского периода без идолопоклонства перед ушедшей эпохой и ее вождями и утопических фантазий о возрождении СССР.

Многое в развитии международных контактов и программ ныне решают личные связи ученых. Определенный прорыв к возрождению долгосрочных совместных проектов с Францией удался недавно сибирским археологам из Института археологии и этнографии СО РАН усилиями академика А.П. Деревянко. В 2017 г. во Франции прошла выставка находок, сделанных в Денисовой пещере (перед этим ее и еще несколько сибирских памятников по приглашению А.П. Деревянко посетил известный давними связями с СССР и Россией член-корр. Французской Академии наук А. де Люмле) и российско-французская конференция, были подписаны договора о сотрудничестве. Попытаемся же и мы вновь привлечь внимание колывбели мировой первобытной археологии к следам человечества ледниковой эпохи в своем Деснинском регионе, в европейской России. Идеальным было бы, учитывая географическое положение Подесенья, делать такой проект трехсторонним или даже четырехсторонним: Франция – Украина – Россия – Беларусь. Ученые всех названных государств имели бы шанс подтвердить истинность формулировки мудрого Антона Павловича Чехова: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения».

Библиографический список

1. Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: Путеводитель Совместного советско-французского рабочего полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». – М.: Наука, 1978. - 102 с.
2. Археология и палеогеография позднего палеолита Русской Равнины: Путеводитель Совместного советско-французского полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». – М.: Наука, 1981. – 148 с.
3. Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: Путеводитель Совместного советско-французского полевого семинара по теме "Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами". – М.: Наука, 1984. – 136 с.
4. Будько В.Д., Сорокина Р.А. Поздний палеолит северо-запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества. – М.: Наука, 1969. С.127-136.
5. Величко А.А. Палеогеография стоянок позднего палеолита бассейна Средней Десны // Природа и развитие первобытного общества. – М.: Наука, 1969. С.97-103.

6. Гвоздовер М.Д., Рогачев А.Н. Развитие верхнепалеолитической культуры на Русской равнине // Лесс – перигляциал – палеолит на территории Средней и Восточной Европы (к VIII Конгрессу INQUA, Париж) /Под ред. И.П. Герасимова. - М.: Наука, 1969. С.487-500.
7. Герасимов П.П., Любин В.П., Величко А.А., Праслов Н.Д. Древнейшие люди в Европе и условия их обитания. Первые результаты совместных советско-французских исследований // Вестник Академии наук СССР. № 10. 1981. С.13-24.
8. Герасимова М.М. Советско-французский полевой семинар «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами» // Советская этнография. 1982. № 6. С.137–141.
9. Грехова Л.В. Поздний палеолит бассейна Средней Десны // Природа и развитие первобытного общества. М., 1969. С.88-96.
10. Гутас Н. Новые данные о восточном граветте: взгляд на костяную индустрию // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты) / Замятнинский сборник. Вып.2. – СПб.: Наука, 2011. С.27-47
11. Заверняев Ф.М. Из дневника сотрудника музея // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. Сборник материалов. – Брянск, 1991. С.24-30.
12. Зыков С.П. О Франции и французах. Очерки и репортажи. – М.: Политиздат, 1978.
13. Левковская Г.М. Вопросы палинологии на советско-французских полевых семинарах // Советская археология. 1983. № 4. – С. 275-279
14. Матвеева Е.Г. Вторая жизнь // Проблемы археологии эпохи камня. – СПб., 2014. С.17-19.
15. Нейштадт М.И. Вклад советских ученых в организацию и работу INQUA // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. №42. – М.: Наука, 1974. С. 28-42.
16. Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII конгрессу INQUA. Париж / А.А. Величко, И.К. Иванова, В.М. Муратов; АН СССР. Ин-т географии. – М.: Наука. 1969. – 259 с.
17. Советско-французское соглашение 1966 о научно-техническом и экономическом сотрудничестве // Известия, 1 июля 1966 г.
18. Советско-французская декларация // Правда, 23 июня 1977 г.
19. Чикалов А.М., Кулаков А.А., Раковский Ю.И. Сотрудничество Академии наук СССР с научными организациями Франции // Французский ежегодник 1974: статьи и материалы по истории Франции. – М.: Наука, 1976. С.87-106.
20. Gvozdover M. Art of mammoth hunters. The finds from Avdeevo. Oxbow Monograph 49. Oxford, 1995.
21. *Le Pléistocène supérieur en France* : IIIe colloque Franco-Soviétique Dynamique des interactions entre le milieu naturel et les sociétés préhistoriques, 10-25 septembre 1979, Sacchi D. Ed., Marseille, Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire, 1979, 249 p.

Сведения об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru